Н. Малицкій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО
Владимірской Епархіи.

Выпускъ второй.

ВЛАДИМІРЪ
Скоропечатня И. Кнбль
1907.

ИЗЪ ПРОШЛАГО
Владимірской Епархіи

Н. Малицкій

ВЫПУСКЪ II-й

ВЛАДИМІРЪ.
Скоропечатня И Коиль.
1906.

Дѣло о церковномъ чествованіи князя Θеодора Стародубскаго въ селѣ Алексинѣ.

Въ Духовномъ Регламентѣ Св. Синоду вмѣнялось въ обязанность подвергнуть изслѣдованію акаѳисты, службы святымъ, существовавшія мощи и другія святыни, съ тѣмъ, чтобы уничтожить суевѣрія, ложныя чудеса и разные вымышленные легендарные разсказы. Когда Духовный Регламентъ получилъ законодательное значеніе въ русской церкви, въ разныхъ епархіяхъ возникло много дѣлъ о мощахъ и чудотворныхъ иконахъ, которыя не были общепризнанными, но чтились въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ на основаніи народныхъ разсказовъ и преданій. Одно изъ такихъ дѣлъ возникло въ Суздальской епархіи въ с. Алексинѣ, Рѣшемской десятины, Ковровскаго у. [1]).

19 февраля 1722 года Преосвященнѣйшему Варлааму, епископу Суздальскому, было сообщено, что въ с. Алексинѣ, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы священникъ Леонтій чинитъ торжество св. мощамъ князя Θеодора Стародубскаго. Въ тотъ же день еп. Варлаамъ распорядился священника Леонтія взять въ Суздаль и обстоятельно допросить въ казенномъ приказѣ: давно-ли обрѣтены мощи Θеодора Стародубскаго, хранятся ли въ ракѣ или подъ спудомъ, какія были чудеса и какое онъ пѣніе чинитъ. Въ случаѣ, говорилось въ указѣ, если будетъ обрѣтенъ образъ Θеодора Стародубскаго, взять и его, „понеже присланнымъ Регламентомъ такъ велѣно смотрѣть“.

7-го марта съ Леонтія былъ снятъ допросъ, и на допросѣ онъ показалъ:

„Въ томъ де с. Алексинѣ въ церкви Рождества Богородицы мученику Θеодору Стародубскому онъ чинитъ торжество іюня 21-го числа на день св. мученика Юліана Тарсянина для того, что торжество чинили ему, Θеодору Стародубскому, издревле прадѣдъ и дѣдъ его поповъ, а мощи де его подъ спудомъ, и въ прежнѣхъ годѣхъ еще до его бытности отъ него, Θеодора Стародубскаго, исцѣленія были, о чемъ значитъ записная тетрадь, которая въ томъ селѣ въ церкви положена на ракѣ его, Θеодора Стародубскаго, а ту тетрадь привезъ въ томъ 1722 г. въ генварѣ мѣсяцѣ изъ

---

[1]) Архивъ Суздальской духовн. консисторіи 1722 г., № 6. На Третьемъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Владимірѣ 20—30 іюня 1906 г. о князѣ Θеодорѣ Стародубскомъ былъ сдѣланъ докладъ Г. Ряжскимъ. Матеріалъ для доклада референтъ заимствовалъ изъ того же дѣла. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, не вполнѣ совпадаютъ съ моими.

Троицкаго Сергіева монастыря слуга прозваніемъ Послуживцевъ [1]), а какъ именемъ его зовутъ, того онъ сказать не упомнитъ, а значитъ де имя его на той тетради. А службу ему отправляютъ мученическую, только де особо написанъ ему тропарь и кондакъ,—кто же тотъ тропарь и кондакъ изложилъ, того онъ сказать не знаетъ. И въ той церкви надъ гробомъ его, Θеодора Стародубскаго, сдѣлана рака деревянная, а около ея сдѣлана рѣшетка деревянная же,—а на той ракѣ написанъ образъ его, Θеодора Стародубскаго, на особой цкѣ въ окладѣ серебряномъ и подписанъ тотъ образъ великомученика благовѣрнаго князя Θеодора Стародубскаго. Да образъ его, Θеодора Стародубскаго, поставленъ въ той церкви у сѣверныхъ дверей, цка аршина въ полтора, да образъ осмилистовой—гладкіе, а кто тѣ образа писалъ, того онъ не знаетъ. И когда ему, Θеодору Стародубскому, торжество бываетъ, на всенощномъ пѣніи тотъ образъ осмилистовой кладется по обычаю на аналой".

По снятіи допроса священникъ Леонтій отпущенъ былъ домой, а въ с. Алексино посланъ былъ слуга Спасоевθиміева монастыря, которому поручили взять изъ церкви Рождества Богородицы образа Θеодора Стародубскаго, тропарь и кондакъ ему и тетрадь исцѣленій и доставить все это въ Суздаль. Иконы, привезенныя изъ Алексина, послѣ описи ихъ, сданы были на храненіе въ соборную ризницу, а тетрадь, тропарь и кондакъ отправлены въ Москву, гдѣ находился въ то время еп. Варлаамъ.

Тропарь и кондакъ, писанные полууставомъ, наклеены были на доску; при дѣлѣ сохранилась только ихъ копія. Читаются они такъ:

ТРОПАРЬ.

„Божественнымъ желаніемъ отъ юнаго возраста весь самъ себе Господеви возложивъ, въ молитвахъ и постѣхъ образъ былъ добродѣтели; богатство же, и славу, и доброродство тѣлесное яко несущее презрѣвъ, и Христа единаго отъ души возлюбилъ еси, и того истиннаго Бога предъ нечестивымъ царемъ исповѣдалъ еси и доблестію терпѣнія своего сего ужасилъ и всѣхъ преудивилъ еси. Тѣломъ бо яко розга обрѣзаемъ, и на кійждо составъ, удеси рѣзанія, благодарны молитвы изреклъ еси Господеви; тѣмъ во страданіи своемъ вѣнецъ пріемъ, къ престолу возшелъ еси славы и со ангелы предстоиши, всехвальне Θеодоре, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ".

КОНДАКЪ.

„Днесь свѣтло сіяющая Церковь благочестно празднуетъ праздникъ пресвѣтлой и свѣтоносной твоей памяти, великій градъ и страну созывающи, радуетъ бо ся, яко имущи въ себѣ сокровище веліе, честныя и многоцѣлебныя мощи твоя, всехвальне Θеодоре, мучениче великоименитый и чудесъ податель пребогатый, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ".

---

[1]) Село Алексино въ то время было вотчиной Троице-Сергіевой лавры.

Тетрадь исцѣленій, писанная скорописью, сохранилась при дѣлѣ въ подлинникѣ. Тетрадь эта, представлявшая по вопросу о чествованіи памяти Θеодора Стародубскаго для духовной власти особенный интересъ, носила заглавіе: „Сію Божію милость и благодать благовѣрнаго великаго князя Θеодора Стародубскаго чудотворца въ Троицкую вотчину въ село Алексино Большое въ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы къ цѣльбоносному гробу его по обѣщанію своему приложилъ Троице-Сергіева мон. сослужитель Иванъ Григорьевъ сынъ Послуживцевъ лѣта 1721 въ декабрѣ“.

Самая запись чудесныхъ исцѣленій, на четырехъ листахъ, начиналась указаніемъ даты мученической кончины князя и нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ его родословной. „Лѣта 7838 (1330) году царь Азбякъ убиша въ ордѣ князя Θеодора Іоанновича Стародубскаго, внука Михайлова, правнука Иванова, преправнука Всеволожа, преправнука Юрія Долгорукова“.

Затѣмъ слѣдовалъ перечень чудесныхъ исцѣленій, полученныхъ отъ гроба Θеодора Стародубскаго. Исцѣленія эти, повидимому, заимствованы были изъ какихъ-то записей, хранившихся при церкви села Алексина; въ этихъ первоначальныхъ записяхъ достовѣрность чудесъ подтверждалась рукоприкладствомъ сосѣднихъ Алексину священниковъ. Большая часть чудесъ заключалась въ исцѣленіяхъ отъ глазной болѣзни.

Первыя тринадцать исцѣленій, повидимому, относятся къ одному періоду времени. Нѣкоторыя изъ нихъ датированы и на основаніи этой даты можно установить, что еще въ началѣ XVII вѣка память Θеодора Стародубскаго чтилась въ народѣ. Именно, подъ буквою а) читаемъ такое сообщеніе: „Лѣта 7127 (1619) іюня въ 21 день на память святаго мученика Юліана, въ той же день благовѣрнаго князя Θеодора Стародубскаго чудотворца, на его праздникъ, простилъ Богъ дѣвицу Пелагею Тихонову дочь, Троицкой вотчины, села Алексина, деревни Бабешкина, не видѣла очима пять лѣтъ“. Подъ № 8 написано: „Села Лучкина, деревни Бурнакова простилъ Богъ женщину Пятого дочь Иванова, жену Моисеова, ногами была скорбна годъ, отъ лихихъ казаковъ“. Подъ № 11: „Того же села Гремячева, деревни Пруцкой простилъ Богъ женщину Ирину Мелентьеву, дочь Иванову, жену Ильина, не видѣла лѣвымъ окомъ нынѣшняго 7127 (1619) году съ Петрова дня до его праздника“. Подъ № 12: „Села Милюкова, деревни Подсерухи, простилъ Богъ дѣвицу, Петрову дочь, очима не видѣла полтора годы, съ Покрова Пресвятыя Богородицы прошлаго 7126 (1618) года“.

Первыя тринадцать знаменій заканчиваются въ тетрадкѣ подписями священниковъ, якобы пожелавшихъ „на столпцахъ назади“ приложить руку „къ сей свидѣтельствованной памяти“. Такихъ подписей приведено пять.

Вслѣдъ за подписями сообщается, болѣе подробно уже, еще о двухъ чудесахъ, датированныхъ 1647 годомъ. Первое знаменіе совершилось надъ старицей Богоявленской слободы, у которой болѣла и гнила лѣвая нога. Ста-

рица обратилась съ молитвою къ чудотворцу Θеодору Стародубскому и дала обѣщаніе въ случаѣ исцѣленія помолебствовать у его гроба. Въ скоромъ времени язвы на ногѣ зажили, но обѣщанія своего она не выполнила „за дальностью разстоянія и за своею простотою". Тогда язвы снова открылись и болѣзнь „учала быть горше прежняго". Вторично обратилась старица къ Θеодору Стародубскому и снова получила исцѣленіе. На этотъ разъ исцѣленная обѣщаніе свое выполнила. 30 іюля 1647 года она пришла въ с. Алексино, помолебствовала у гроба угодника и сообщила о Божіемъ чудѣ. Разсказъ ея слышали многіе сторонніе люди, имена которыхъ и показаны тутъ же въ тетради знаменій.

Въ тотъ же день пришла по обѣщанію въ с. Алексино и другая женщина изъ деревни Пехры, Владимірскаго уѣзда. Она въ теченіе пяти лѣтъ лишена была зрѣнія и увидѣла свѣтъ только послѣ того, какъ дала обѣщаніе помолебствовать князю Θеодору.

Перечень знаменій заканчивается краткимъ разсказомъ вдовы Θеодосіи Васильевны изъ приселка Воскресенскаго, которая была скорбна очима лѣтъ тридцать и свѣтъ едва видѣла, но по молитвѣ угодника исцѣлѣла.

Послѣ упомянутыхъ трехъ послѣднихъ исцѣленій, какъ и послѣ первыхъ тринадцати, слѣдуетъ въ тетрадкѣ перечень лицъ, пожелавшихъ приложить руку „къ сей Божіей милости". Всѣхъ подписей значится семь.

Преосв. Варлаамъ, получивъ отъ казеннаго приказа докладъ о производствѣ слѣдствія и тетрадку знаменій, сдѣлалъ съ своей стороны соотвѣтствующее представленіе въ св. Синодъ. Но оттуда ни въ 1722 г., ни въ послѣдующіе годы не получено было никакого увѣдомленія. Въ ожиданіи такого распоряженія мѣстная епархіальная власть самостоятельно распорядилась молебное пѣніе Θеодору Стародубскому въ с. Алексинѣ прекратить.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мѣсто еп. Варлаама (Линницкаго), при которомъ разслѣдовалось дѣло о празднествѣ Θеодору Стародубскому, занялъ Іоакимъ. Въ 1730 г. изъ с. Алексина подано было ему прошеніе; въ немъ попъ Леонтій и приходскіе люди били челомъ епископу—отобранные образа благовѣрнаго князя Θеодора Стародубскаго возвратить имъ обратно и дозволить по прежнему при тѣхъ образахъ отправлять молебствіе.

На возвращеніе изъ соборной ризницы образовъ еп. Іоакимъ согласился, но опредѣленіе Варлаама о неслуженіи молебновъ оставилъ въ прежней силѣ. „Если кто, говорилось въ указѣ, по обѣщанію попроситъ отслужить при тѣхъ образахъ, то вмѣсто молебна—отправлять панихиду". Но всѣхъ образовъ въ ризницѣ не оказалось: изъ взятыхъ раньше былъ найденъ и возвращенъ въ с. Алексино только одинъ.

Лишь въ 1743 году послѣдовалъ синодальный отвѣтъ на докладъ епископа Варлаама. Правилъ Суздальской епархіей въ то время уже епископъ Симонъ. Синодальнымъ указомъ отъ 5 декабря 1743 года повелѣвалось „объ оныхъ мощахъ надлежащее по святымъ правиламъ, Духовному

Регламенту и Ея Императорскаго Величества указомъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить".

Началось снова слѣдственное дѣло,—на этотъ разъ болѣе обстоятельное и строгое. Къ допросу привлекли не только попа Леонтія, но и всѣхъ священнослужителей с. Алексина, а также нѣсколько стороннихъ лицъ. Показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ пополнили тѣ свѣдѣнія, какія добыты были дознаніемъ 1722 года. Особенно обстоятельныя показанія на этотъ разъ получены были отъ того же священника-старожила Леонтія. Они собственно и дали матеріалъ для дальнѣйшихъ сужденій консисторіи о чествованіи въ с. Алексинѣ памяти Ѳеодора Стародубскаго.

„Есть-ли подъ спудомъ заподлинно мощи, заявилъ онъ, того объявить за незнаніемъ онъ не можетъ. Но помнитъ хорошо, что отецъ ему неоднократно, когда онъ сталъ приходить въ возрастъ, говаривалъ, что подъ тою церковью имѣются мощи благовѣрнаго князя Ѳеодора Стародубскаго. Какъ отецъ его (діаконъ Матѳей), такъ и дѣдъ (попъ Семенъ) на 21 іюня отправляли святому всегда всенощное бдѣніе".

Въ болѣе цѣлостномъ видѣ преданіе о мощахъ, сохранившееся въ народѣ, передавала ему его бабка (жена попа Семена). По ея словамъ, село Алексино было вотчиной благовѣрнаго князя Ѳеодора. Князь этотъ въ одно время пошелъ на войну въ Орду. Но безбожный царь Азбякъ схватилъ князя и сталъ мучить его многими муками, тѣло все по частямъ изрубилъ, а княжеское войско побилъ. Тѣло убитаго князя было брошено между другими трупами, но, къ удивленію всѣхъ, птицы на него не садились. Тогда оставшаяся дружина собрала изрубленныя части княжескаго тѣла, положила на повозку и хотѣла отправить въ Москву; не найденъ былъ только одинъ перстъ. Но лошади не двинулись съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не найденъ былъ этотъ затерявшійся перстъ. Когда тѣло привезли въ Москву, дружина намѣревалась отсюда отправить его въ с. Ряполово, Суздальскаго уѣзда. Но снова явилось знаменіе: лошади не двигались съ мѣста. Тогда рѣшили отвезти тѣло въ с. Алексино, гдѣ оно и было погребено.

Бабкѣ, разсказывавшей попу Леонтію это народное преданіе о Ѳеодорѣ Стародубскомъ, было, по его словамъ, въ то время лѣтъ 80 отъ роду, а по кончинѣ ея прошло 40 лѣтъ. Преданіе, переданное Леонтіемъ, восходило, такимъ образомъ, своимъ происхожденіемъ самое позднее къ первой половинѣ XVII вѣка, какъ и тѣ чудеса, которыя записаны въ тетради знаменій.

Кромѣ разсказа бабки, попъ Леонтій передалъ и тѣ свѣдѣнія, какія ему пришлось слышать отъ попа Максима, его предшественника по приходу, умершаго уже болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Попъ Максимъ передавалъ ему, что разсказы объ исцѣленіяхъ, получаемыхъ отъ гроба Ѳеодора Стародубскаго, были записаны раньше на столпцахъ за свидѣтельствомъ стороннихъ людей. Но во время пожара эти записи вмѣстѣ съ церковью сгорѣли.

Самъ онъ, попъ Леонтій, чудесъ не видѣлъ и отъ своего отца, умершаго назадъ тому 48 лѣтъ, объ исцѣленіяхъ не слыхалъ.

Что касается раки надъ могилой князя Өеодора, то о ней попъ Леонтій сообщилъ слѣдующее.

Въ былое время надъ гробомъ князя Өеодора была рака, а около нея рѣшетка деревянная. Вверху раки сдѣланъ былъ деревянный балдахинъ. Но во время упомянутаго пожара (лѣтъ 15 тому назадъ) все это сгорѣло. Въ 1740 г. с. Алексино посѣтилъ слуга Троицкаго монастыря Гавріилъ Васильевъ Оничковъ. Онъ въ новой церкви на правой сторонѣ въ углу, гдѣ погребено было тѣло князя, огородилъ мѣсто балясами, дабы на томъ мѣстѣ не становился народъ. За тѣми балясами отправляются панихиды, когда случится народъ. Подъ церковью надъ самою могилою князя нарублено было изъ бревенъ два ряда, чтобы кто-нибудь ту могилу не разрылъ. Ходу подъ церковь на гробъ князя нѣтъ.

„Въ прошломъ 1743 году, заключилъ свои показанія попъ Леонтій, приказный Троицкаго монастыря Иванъ Васильевичъ Колмаковъ прислалъ въ с. Алексино тетрадь исцѣленій съ тѣмъ, чтобы тетрадь эта хранилась въ церкви; а съ чего списана эта тетрадь и согласна ли она съ тетрадью, отобранною въ 1722 году, онъ, попъ Леонтій, того не знаетъ и сказать не можетъ".

По снятіи допроса послѣдовало распоряженіе консисторіи освидѣтельствовать на мѣстѣ чрезъ поповскаго старосту огородку надъ могилою и нарубленныя бревна подъ церковью и допросить: Послуживцева (принесшаго первую терадь знаменій въ церковь с. Алексина), Колмакова (составившаго вторую), какъ ими составлены были тетради исцѣленій,—а Гавріила Васильева Оничкова о постройкѣ имъ огородки надъ могилою князя.

Важнѣйшія показанія ожидались, конечно, отъ Послуживцева и Колмакова. Показанія ихъ, какъ возстановителей старинныхъ записей, хранившихся въ церкви с. Алексина, могли имѣть большое значеніе при опредѣленіи достовѣрности тѣхъ чудесныхъ исцѣленій, о которыхъ разсказывалось въ написанныхъ ими тетрадяхъ. Но какъ оказалось, Послуживцевъ, тетрадь котораго представлена была въ консисторію въ 1722 г., умеръ, а Колмаковъ заявилъ, что онъ списалъ свою тетрадь съ тетради Послуживцева. [1]) До первоисточника, такимъ образомъ, не удалось дойти.

Оничковъ отвергъ показанія попа Леонтія на счетъ балясника и заявилъ, что онъ балясника не строивалъ и во время его посѣщенія балясника не было, а былъ только голбичекъ маленькій, сдѣланный попомъ Леонтіемъ Матвѣевымъ.

---

[1]) Тетрадь Колмакова, хранящаяся при дѣлѣ, дѣйствительно является, за небольшими исключеніями, представляющими несомнѣнно рукописную ошибку, буквальнымъ воспроизведеніемъ текста тетради Послуживцева.

Опись огородки и бревенъ подъ могилою князя Θеодора Стародубскаго не прибавила къ дѣлу никакихъ новыхъ данныхъ.

Такимъ образомъ, въ распоряженіи консисторіи имѣлись матеріалы, среди которыхъ только разсказъ бабки попа Леонтія могъ бы служить нѣкоторою опорою при установленіи чествованія памяти Θеодора Стародубскаго въ с. Алексинѣ, но онъ носилъ явно легендарный характеръ и самъ по себѣ далеко былъ недостаточенъ для упомянутой цѣли. Всѣ разсказы о чудесахъ относились къ одному небольшому промежутку времени (1617, 1647 г.) и за давностію времени (около 100 лѣтъ), а также вслѣдствіе другихъ условій (уничтоженіе пожаромъ старыхъ записей) не могли быть совершенно провѣрены. Исходя изъ такихъ основаній, консисторія нашла возможнымъ закончить дѣло. Предполагалось повторить священникамъ прежнее опредѣленіе епархіальной власти о неслуженіи князю Θеодору молебновъ.

Согласившись по существу съ такимъ опредѣленіемъ консисторіи и запретивъ Леонтію отправлять не только молебны, но и панихиды, для того что „въ томъ селѣ въ реченной церкви якобы мощи мученика Θеодора Стародубскаго подъ спудомъ есть-ли, того по слѣдствію заподлинно не сыскано", Преосв. Симонъ тѣмъ не менѣе далъ распоряженіе произвести еще дополнительное слѣдствіе по дѣлу о мощахъ Θеодора Стародубскаго и для того запросить Троице-Сергіеву лавру, какъ давно перешло въ ея владѣніе село Алексино, а затѣмъ снять показанія со всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ упоминается въ тетради знаменій, о томъ, дѣйствительно-ли произошли показанныя въ ней чудеса.

Разосланы были промеморіи въ самыя разнообразныя учрежденія. Послѣ нѣсколькихъ запросовъ Троице-Сергіева лавра отвѣтила, что с. Алексино передано было въ лавру по данной 7068 (1560) г. женою князя Юрія Ивановича Шемякина Пронскаго княгинею Авдотьею Ивановной Межецкой. Было-ли когда нибудь с. Алексино во владѣніи князя Θеодора Стародубскаго, о томъ въ крѣпостяхъ лаврскихъ никакихъ свѣдѣній не нашлось.

По другому вопросу о знаменіяхъ отъ мощей Θеодора Стародубскаго получились большею частію однообразные отвѣты, какихъ и надо было ожидать. „Были-ли, не были такія лица, мы того не знаемъ, но нынѣ де ихъ въ живыхъ не имѣется. Отъ мощей Θеодора Стародубскаго никакихъ исцѣленій не видѣли и не слышали". Этого мало. Отъ 1619 и 1647 г. прошло такъ много времени, что даже названія нѣкоторыхъ селъ и деревень, упоминаемыхъ въ тетради знаменій, утратились. Владимірская провинціальная канцелярія, напр., писала: „Кромѣ показаннаго с. Палеха, изъ написанныхъ въ промеморіи селъ и деревень съ такими званіями не имѣется и гдѣ такія села и деревни имѣются, о томъ она не знаетъ". Шуйскій магистратъ заявилъ, что безъ прозваній по однимъ именамъ подлиннаго извѣстія онъ сообщить никакимъ образомъ не можетъ.

29 апрѣля 1749 года закончились дознанія и допросы, и послѣдовалъ указъ Преосв. Симона, коимъ рѣшительно воспрещалось исправлять празднество князю Θеодору Стародубскому. Въ указѣ читаемъ:

„Объявленному Θеодору Стародубскому празднества, какъ напредь сего онаго села Алексина попомъ Леонтіемъ исправлялось, не чинить, понеже чудотворенія и явленія отъ того Θеодора Стародубскаго по слѣдствію не оказалось, а хотя отъ показаннаго попа Леонтія при допросѣ и объявлена записка, якобы исцѣленію отъ тѣхъ будто мощей Θеодора Стародубскаго, но тое записку заподлинно святаго мощи принять и за дѣйствительную причитать неможно, потому что оное кѣмъ писано неизвѣстно, и вѣроятію достойныхъ записокъ не отыскано: да и прикладчикъ тое записки Троицкія Сергіевы лавры слуга Иванъ Послуживцевъ умре, какъ тоя лавры изъ духовной канцеляріи промеморіею объявлено, ктомужъ показанной священникъ Леонтій никакова исцѣленія и чудотворенія не объявилъ же, но показалъ слышанныя о убіеніи и погребеніи подъ тою церковію онаго Θеодора Стародубскаго отъ бабки своея рѣчи, но и тѣ весьма къ вѣрятію недостойны; ибо изъ тойже Троицкія Сергіевой лавры духовной канцеляріи промеморіями объявлено, что по справкѣ въ книгохранительной казнѣ о вышеобъявленномъ князѣ Θеодорѣ Стародубскомъ древнихъ и никакихъ записокъ и тропарей и кондаковъ не имѣется, и то село Алексино въ тое Троицкую Сергіеву лавру приложено по данной 7068 и по духовной 7083 годовъ князь Юрьевой жены Ивановича Шемякина Пронскихъ и княгини Авдотьи Ивановны дочери Межецкой, а за Θеодоромъ Стародубскимъ оное село Алексино во владѣніи было-ль, о томъ въ крѣпостяхъ не явствуетъ; и тако о томъ князѣ Θеодорѣ Стародубскомъ есть сомнительство, что подлинное ль тѣло его подъ тое церковью погребено, и на единомъ токмо показаніи попа Леонтія допросѣ и на слышанныхъ имъ отъ бабки ево, коя уже давно умре, рѣчахъ утвердиться невозможно, понеже по Духовному Регламенту велѣно: аще гдѣ проявится нетлѣнное тѣло или пройдетъ вслухъ видѣніе чіе, испытовать тоя истины, призвавъ къ допросу оныхъ повѣстителей и протчихъ, которые о томъ свидѣтельствовать возмогутъ; а по показанной запискѣ, которая отъ того попа Леонтія объявлена, хотя и значится, якобы исцѣленіе отъ того Θеодора Стародубскаго было шестнадцати человѣкамъ, но и тѣ всѣ подлые, а не другіе каковые знатные люди, и по слѣдствію ни единаго человѣка изъ нихъ не токмо таковыхъ (какъ въ той тетради явствуетъ) имянами, но и свойственниковъ ихъ и многихъ селъ и деревень не сыскалось и таковыхъ селъ и деревень, какъ изъ Владимірской провинціальной канцеляріи промеморіею объявлено, не имѣется и не памятуетъ и никто о такомъ исцѣленіи не слыхалъ, и потому таковаго празднества тому попу Леонтію не исправлять и за святаго не почитать, въ чемъ онъ попъ Леонтій, по учиненному Его Преосвященства ноября 20-го дня прошлаго 1744 г. опредѣленію, и подписался и о рѣшеніи того дѣла Святѣйшему Правительствующему Синоду репортовать по обыкновенію". Симонъ Епископъ.

Попъ Леонтій и причтъ с. Алексина должны были дать подписку противъ всего вышеписаннаго. Балясникъ, сдѣланный надъ гробомъ князя Θео-

ра Стародубскаго, былъ снятъ. Икона, возвращенная въ 1730 году, снова взята въ архіерейскую ризницу.

Въ 1774 году 28 августа Рождественская церковь въ с. Алексинѣ сгорѣла. [1]) По счету это второй пожаръ этой церкви въ XVIII вѣкѣ. Первый пожаръ уничтожилъ раку и балдахинъ надъ гробомъ Ѳеодора Стародубскаго. Какъ отразился на состояніи могилы пожаръ 1774 г., неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что и третій храмъ, построенный послѣ этого пожара, просуществовалъ недолго. Въ 1802 году сгорѣлъ и онъ. Частые пожары не могли, понятно, не содѣйствовать ослабленію въ памяти народа того благоговѣйнаго уваженія, какое онъ питалъ къ старинной, по преданію княжеской, могилѣ. Однако, по разсказамъ сторожиловъ, до 50-хъ прошлаго столѣтія отъ Коврова до Гороховца князь Ѳеодоръ Стародубскій почитался въ народѣ святымъ и ко гробу его стекались со всѣхъ сторонъ, какъ ко гробу канонизованнаго святого. [2])

Въ настоящее время имя князя Ѳеодора Стародубскаго въ с. Алексинѣ народомъ почти забыто. Неизвѣстно даже въ точности то мѣсто, на которомъ въ прежнее время стояли его рака и балдахинъ. Полагаютъ, что могила князя находится въ задней части нынѣшней церкви въ сѣверной половинѣ. И только заупокойная литургія и панихида, ежегодно совершаемыя по благовѣрномъ князѣ Ѳеодорѣ 21 іюня, и ярмарка въ этотъ день, извѣстная подъ именемъ „благовѣрной", напоминаютъ Алексинцамъ о томъ, что въ ихъ храмѣ, по старинному преданію, былъ погребенъ одинъ изъ представителей рода князей Стародубскихъ—благовѣрный князь Ѳеодоръ.

Теперь является вопросъ, въ какой степени это народное преданіе, давшее поводъ къ цѣлому слѣдственному дѣлу о мощахъ Ѳеодора Стародубскаго, соотвѣтствуетъ исторіи и насколько твердо обосновано было постановленіе епархіальной власти, опредѣлившей воспретить чествованіе князя, память котораго чтилась народомъ въ началѣ XVIII вѣка, какъ канонизованнаго святого?

1. Исторія подтверждаетъ намъ въ основныхъ чертахъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя указаны въ тетради знаменій касательно происхожденія князя Ѳеодора и его кончины. Въ началѣ XIII вѣка мы уже встрѣчаемъ въ качествѣ довольно виднаго города Стародубъ, нынѣ село Клязмскій городокъ, въ 12-ти верстахъ отъ г. Коврова. Это былъ главный городъ цѣлаго удѣльнаго княжества, извѣстнаго подъ именемъ Стародубскаго. Въ числѣ князей собственно Стародубскихъ исторія указываетъ: Ивана Всеволодовича (внука Юрія Долгорукаго) р. 1198—1247 г., Михаила Ивано-

---

[1]) Арх. Сузд. дух. консисторіи 1775 г. № 125.

[2]) Справочный Листокъ Третьяго Областного Археологич. Съѣзда, № 4, стр. 27.

вича 1246—1281 г., Ивана—Каллистратъ Михайловича, 1281 † 1315 г. и затѣмъ Феодора Ивановича Благовѣрнаго 1319 † 1330 г., [1]) т. е. указываетъ князей Стародубскихъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они значатся и въ тетради знаменій. О Феодорѣ Ивановичѣ Благовѣрномъ до насъ дошло историческихъ свѣдѣній очень немного. Въ Новгородской лѣтописи безъ указанія на обстоятельства и причину замѣчено, что Феодоръ Ивановичъ убитъ въ Ордѣ 1330 года [2]), когда Ордой правилъ извѣстный Узбекъ („Азбякъ“ — народнаго преданія). Такимъ образомъ, и въ этой части исторія вполнѣ подтверждаетъ сообщеніе, которое получаемъ изъ преданія. Правда, въ историческихъ памятникахъ ничего не говорится о кончинѣ князя *за вѣру*, на что опредѣленно указываетъ тропарь и кондакъ. Но самое названіе *благовѣрный*, которое за нимъ сохранила исторія, даетъ нѣкоторый поводъ думать, что народное преданіе и здѣсь не лишено нѣкоторой доли правды. [3]).

Всѣхъ этихъ пунктовъ — вопроса о дѣйствительномъ существованіи князя Феодора Стародубскаго, его мученической смерти въ Ордѣ, епархіальное начальство въ своемъ опредѣленіи почти не касалось [4]).

2. О мѣстѣ погребенія Феодора Ивановича исторія не говоритъ ничего. Приходится принять на вѣру свѣдѣнія, сообщаемыя народнымъ преданіемъ. Правда, они обставлены явно легендарными деталями, но главная мысль, вокругъ которой группируются детали, мысль о погребеніи князя именно въ с. Алексинѣ, а не въ другомъ какомъ мѣстѣ, сохранилась и проводится до такой степени настойчиво, что ее нельзя признать незаслуживающею вѣроятія. Непонятнымъ только представляется, почему удѣльный князь погребенъ не въ стольномъ градѣ Стародубѣ, а въ с. Алексинѣ [5])

---

[1]) Болѣе подробно о князьяхъ Стародубскихъ см. „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ Татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 годъ“ А. В Экземплярскаго. СПБ. 1891 г. Т. 2, стр. 174—188.

[2]) Никон. лѣт. III, 155.

[3]) На Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ проф. С. Ѳ. Платоновъ замѣтилъ что названіе прилагаемое къ князьямъ, „благовѣрный“ еще не говоритъ объ ихъ хотя бы народной канонизаціи, такъ какъ оно обычно прилагалось ко всѣмъ князьямъ. Но изъ князей Стародубскихъ одинъ только Ѳеодоръ Ивановичъ носилъ это названіе, что говоритъ объ особомъ смыслѣ, въ какомъ оно было къ нему приложено.

[4]) Г. А. Рязскій не вполнѣ вѣрно въ своемъ рефератѣ резюмировалъ результаты слѣдствія, которые, по его словамъ, „не убѣдили консисторію ни въ святости князя Ѳеодора, ни въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ погребенъ въ с. Алексинѣ, *ни даже въ его существованіи*. См. Справочный Листокъ Третьяго Областного Историко-Археологическаго Съѣзда въ г. г. Владимірѣ, № 4, стр. 27.

[5]) И преданіе находитъ это нѣсколько непонятнымъ, для чего вводитъ въ разсказъ чудесный элементъ. Называя вмѣсто Стародуба с. Ряполово, куда будто бы первоначально предполагалось перевезти тѣло князя Ѳеодора, преданіе, вѣроятно, основывается на позднѣйшемъ значеніи с. Ряполова: Ряполово стало во главѣ отдѣльнаго удѣла, выдѣленнаго изъ княжества Стародубскаго, лишь въ концѣ XIV вѣка. Первымъ Ряполовскимъ княземъ былъ Иванъ Андреевичъ Ряполовскій, по прозванію Нагавица, третій сынъ Андрея Ѳеодоровича, внукъ Ѳеодора Ивановича Благовѣрнаго. (См. Экземплярскій, тмж., стр. 183, 191).

и какъ Алексино перешло впослѣдствіи во владѣніе князей Пронскихъ [1]), а затѣмъ Троице-Сергіевой лавры. На эти вопросы исторія не даетъ отвѣта. Понятно, это обстоятельство значительно ослабляетъ историческую достовѣрность указаній о мѣстѣ погребенія, сообщаемыхъ народнымъ преданіемъ, — и епархіальное начальство, не имѣвшее въ своемъ распоряженіи другихъ данныхъ о Ѳеодорѣ Стародубскомъ (сообщенныхъ нами въ п. 1), естественно могло усумниться въ справедливости разсказовъ о погребеніи князя Ѳеодора въ с. Алексинѣ, что оно и сдѣлало въ своемъ указѣ.

3. Третій и главнѣйшій вопросъ, отъ такого или иного рѣшенія котораго зависѣла канонизація Ѳеодора Стародубскаго, былъ вопросъ о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ отъ его гроба. Мы уже видѣли, что разсказы объ этихъ исцѣленіяхъ по своему характеру и происхожденію были таковы, что исключали возможность канонизаціи князя. Въ противномъ случаѣ епархіальное начальство сошло бы съ того пути, строгого и внимательнаго разслѣдованія о новоявленныхъ мощахъ, по которому, согласно постановленіямъ церковнымъ и требованіямъ совѣсти, оно должно было идти.

[1]) На Владимірскомъ Археологическомъ Съѣздѣ было высказано предположеніе, что переходъ владѣній Стародубскихъ къ князьямъ Пронскимъ могъ совершиться не только за прекращеніемъ рода, но и путемъ конфискаціи со стороны Московскихъ князей (см. Справочный Листокъ, № 4, стр. 27). Князья же Стародубскіе уже со времени Андрея Ѳеодоровича (1330—1380) подпадаютъ подъ сильное вліяніе Москвы и становятся въ роли ея сподручниковъ (Экземплярскій, стр. 183, прим. 533).

Церковныя, монастырскія и благочинническія печати во Владимірской епархіи.

Употребляемыя нынѣ повсемѣстно при церковномъ дѣлопроизводствѣ печати получили свое начало всего семьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

22 февраля 1836 года императоръ Николай I, по всеподданнѣйшему докладу оберъ-прокурора Св. Синода С. Д. Нечаева, „утвердилъ одобренное предварительно Св. Синодомъ предположеніе, чтобы церкви соборныя, приходскія и кладбищенскія имѣли свои по однообразной формѣ вырѣзанныя печати для приложенія къ документамъ, отъ церквей выдаваемыхъ, и для печатанія конвертовъ, отправляемыхъ съ бумагами по дѣламъ церковнымъ". Для такой печати избрано было изображеніе церкви въ древнерусскомъ стилѣ съ славянскою надписью кругомъ, которою должна была обозначаться епархія, село и наименованіе храма. Для монастырей сдѣлано было исключеніе. По Высочайшему изволенію въ монастыряхъ повелѣвалось ввести въ употребленіе печати съ государственнымъ гербомъ, съ тѣмъ отличіемъ отъ печатей гражданскаго вѣдомства, чтобы надписи кругомъ, объясняющія наименованіе монастыря, вырѣзаны были славянскимъ шрифтомъ.

Синодальный указъ о введеніи въ церквахъ и монастыряхъ описанныхъ выше печатей полученъ былъ во Владимірѣ въ началѣ 1837 года. Вмѣстѣ съ указомъ присланъ былъ образецъ печати изъ литой стали съ ручкою чернаго дерева, предназначавшейся для Владимірскаго Каѳедральнаго собора. За присланную печать назначена была довольно высокая цѣна—27 р [1]).

Заслушавъ синодальный указъ (21 янв.), Владимірская консисторія вошла съ докладомъ къ Архіепископу Парѳенію, въ которомъ находила, что предоставить изготовленіе печатей настоятелямъ церквей и монастырей будетъ въ высшей степени неудобно, какъ въ смыслѣ пріисканія искусныхъ мастеровъ, такъ и могущаго возникнуть по этой причинѣ „крайняго замедленія". Консисторія предлагала изготовить печати въ полномъ комплектѣ въ епархіальномъ городѣ губерніи—Владимірѣ и отсюда разослать по всѣмъ церквамъ, взыскавъ съ нихъ соотвѣтствующую сумму. Этимъ обезпечивалось и однообразіе работы, и своевременность изготовки печатей. Консисторія наш-

---

[1]) Правда, счетъ велся въ то время на ассигнаціи, но принимая во вниманіе и это условіе, цѣну надобно признать высокою. Къ 1837 г. курсъ ассигнацій значительно упалъ. Одинъ серебряный рубль—4 руб. на ассигнаціи. Слѣдовательно, на серебро печать стоила около 7 руб,

ла и подходящаго мастера для этой цѣли. Какъ оказалось, Владиміръ и въ то время не могъ похвалиться своимъ ремесленнымъ производствомъ. Предложеніе на подрядъ послѣдовало со стороны мѣщанина г. Шклова еврея Моисея Азерскаго, который соглашался вырѣзать для всѣхъ монастырей, церквей и соборовъ печати по прописанной формѣ на стали, съ ручками изъ кленоваго дерева, всего по семи руб. ассигнаціями. Цѣна показалась Архіепископу Парѳенію сходною, образчикъ печати, представленный Азерскимъ, искуснымъ, и за нимъ остался подрядъ на поставку печатей для всей епархіи.

Прошелъ годъ. По всѣмъ церквамъ и монастырямъ епархіи были уже заведены предписанныя синодальнымъ распоряженіемъ печати, которыми духовенство и пользовалось въ сношеніяхъ между собою и по начальству. Сношенія эти выдвинули вскорѣ одно обстоятельство, на которое въ первое время не обратили вниманія. Вскорѣ явился вопросъ о томъ, какими печатями въ дѣловыхъ сношеніяхъ должны пользоваться благочинные. Свои затрудненія по этому поводу Владимірская консисторія изложила Архіеп. Парѳенію въ такой формѣ:

„По вѣдомству духовнаго управленія благочинные, имѣя въ своемъ смотрѣніи церкви и священноцерковнослужителей, имѣютъ къ своему начальству и къ другимъ мѣстамъ и лицамъ по должности отношенія, иногда по дѣламъ секретнымъ, требующимъ особенной тайности; но печатаютъ всѣ вообще конверты разными партикулярными печатями, такъ что нерѣдко консисторія встрѣчаетъ конверты перепечатанные, слѣдовательно чрезъ сіе неустройство не можетъ сохраниться до времени необходимая тайность, принадлежащая токмо до присутственнаго мѣста“.

Правда, оговаривалась консисторія, каждый благочинный находится при извѣстной церкви, печатью которой, конечно, имѣетъ полное право пользоваться въ нужныхъ случаяхъ. „Но благочинный, пишетъ въ докладѣ консисторія, осматривая вѣдомственныя церкви и причты, не можетъ всегда возить оную съ собой, почему необходимо долженъ запечатывать конверты печатью, какая гдѣ случится“.

„Къ отвращенію могущаго произойти отъ сего какого-либо нарушенія порядка и цѣлости печати на конвертахъ“, консисторія въ докладѣ Архіеп. Парѳенію проектировала заготовить особыя печати для благочинныхъ, по примѣру церковныхъ съ Императорскимъ гербомъ или безъ него, какъ угодно будетъ Его Высокопреосвященству, и съ надписями кругомъ: „Владимірской епархіи, № округа № благочинія“.

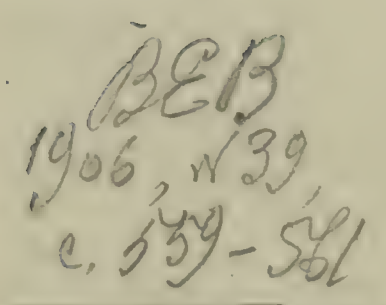
Архіепископъ Парѳеній согласился съ докладомъ консисторіи, но форму для печати благочиннымъ избралъ другую. Именно велѣлъ „въ гербѣ поставить Евангеліе со свѣтильникомъ“.

Благочинническія печати заказаны были тому же рѣзчику, что и церковныя, и вскорѣ разосланы по назначенію. При этомъ одна изъ печатей оказалась вырѣзанною неправильно. Благочинный 3 Гороховской округи

свящ. с. Боровицъ наименованъ былъ ошибочно благочиннымъ Меленковской округи, что дало ему поводъ обратиться съ рапортомъ въ консисторію и въ удостовѣреніе подлинности своихъ словъ представить сургучный оттискъ сдѣланной Азерскимъ печати. [1])

Благодаря этому оттиску, сохранившемуся въ дѣлѣ, мы имѣемъ возможность произвести сличеніе между нынѣшними благочинническими печатями и тою печатью работы Азерскаго, которая для нихъ должна имѣть значеніе оригинала. Въ общихъ чертахъ сходство, конечно, сохранилось. Но, повидимому, позднѣйшіе рѣзчики не всегда и не все ясно представляли, что имъ приходилось вырѣзать. Оттого-то верхушка свѣтильника (пламя) стоящаго за Евангеліемъ часто напоминаетъ корону (обычную на печатяхъ и потому знакомую рѣзчикамъ), а книга, изображающая Евангеліе, мало бываетъ похожа на книгу, а вызываетъ скорѣе представленіе о гусиномъ перѣ, которымъ писали въ старое время.

[1]) Арх. Владимірской дух. консистор и 1837 г., № 83799.

Церковь Іоакима и Анны при Успенскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

Каменная колокольня Владимірскаго Успенскаго собора построена въ сравнительно недавнее время вмѣсто старинной бѣлокаменной. Старинная колокольня была шатровая и, какъ указывали нѣкоторые старцы-очевидцы, находилась на нѣсколько саженъ сѣверозападнѣе современной. Въ 1806 г. старинная колокольня повреждена была громовымъ ударомъ, и въ 1810 году была закончена постройкой новая соборная колокольня, на которую употребленъ былъ годный матеріалъ изъ колокольни старой. [1])

Объ этой старой колокольнѣ исторія сохранила намъ мало свѣдѣній. Въ лѣтописи подъ 1196 г. читаемъ: „Того же лѣта заложи блаженный епископъ Іоаннъ (Ростовскій) на воротѣхъ святое Богородицы, церковь каменну во имя Акыму и Анны, мѣсяца мая въ 1 день, на память святого пророка Іеремія, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ велицѣмъ князи Всеволодѣ“ [2]). Эти ворота находились къ западу отъ Успенскаго собора. На нихъ впослѣдствіи былъ наложенъ третій этажъ въ видѣ шатра, въ коемъ и помѣщалась соборная колокольня [3]).

Якиманская церковь въ каменной колокольнѣ, заложенная въ XII вѣкѣ епископомъ Іоанномъ, существовала почти до конца XVIII столѣтія. Во Владимірскомъ архивѣ сохранилось дѣло, касающееся ея упраздненія, любопытное въ томъ отношеніи, что оно рисуетъ намъ картину полной безпризорности и запущенности старинняго храма, имѣвшей своимъ ближайшимъ слѣдствіемъ оффиціальное его упраздненіе.

Владимірской епархіей правилъ тогда епископъ Іеронимъ (Фармаковскій), при которомъ былъ такъ неудачно реставрированъ Успенскій соборъ, лишившійся своего древнѣйшаго благоукрашенія. Старину въ то время мало понимали и цѣнили.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1783 г. къ еп. Іерониму вошелъ съ докладомъ ключарь собора священникъ Алексій Саввиновъ, въ которомъ сообщалъ:

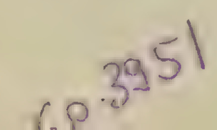
„На состоящей при томъ соборѣ каменной колокольнѣ имѣется церковь во имя святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, въ которой занавѣсъ съ престола и жертвенника невѣдомо какими воровскими людьми въ прошед-

---

[1]) См. объ этомъ „Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора въ Губ. г. Владимірѣ“ прот. А. Виноградова, 1905 г., стр. 69.

[2]) Пол. соб. лѣтописей. 1,174.

[3]) См. Истор. статистическое описаніе церквей и приходовъ Влад. Еп. В. 1, стр. 31.

шихъ годѣхъ содраны, о чемъ тогда и репортовано. А нынѣ и святые образа отъ давняго построенія всѣ обветшали, починивать же суммы не имѣется, почему и состоитъ безъ священнослужителя. О чемъ Вашему Преосвященству симъ представляя, прошу резолюціи, не благоволено-ль будетъ оную упразднить и изъ описи за ветхостію исключить“.

16 января 1783 г. послѣдовала резолюція Преосв. Іеронима: „Упразднить и изъ описи исключить“. [1]

[1]) Арх. Сузд. дух. консист. Влад. арх. 1783 г., № 5.

Гробницы князей Святослава Всеволодовича и его сына Димитрія въ г. Юрьевѣ-Польскомъ.

Въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія, какъ уже указано было раньше [1]), во многихъ епархіяхъ возникли дѣла о чудотворныхъ иконахъ, мощахъ, чествованіе которыхъ совершалось на основаніи разныхъ непровѣренныхъ народныхъ преданій и разсказовъ. Одни изъ этихъ дѣлъ начаты были по почину мѣстной епархіальной власти, другія на основаніи приказаній, полученныхъ свыше. Слѣдственное дѣло о церковномъ чествованіи Святослава Всеволодовича и сына его схимонаха Димитрія принадлежитъ къ категоріи дѣлъ второго рода, т. е. оно начато было въ силу распоряженія, полученнаго отъ высшаго духовнаго начальства.

11 марта 1722 года инквизиторъ Суздальской епархіи іеромонахъ Лаврентій (Юрьевченинъ) донесъ протоинквизитору іеродіакону Пафнутію „о нѣкоторыхъ образахъ и священныхъ реликвіяхъ“, найденныхъ имъ въ церквахъ Суздальской епархіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ: „Сего марта 6 дня 1722 г. въ г. Юрьевѣ Польскомъ въ соборной церкви близъ алтаря имѣются двѣ гробницы: и въ одной гробницѣ наверху земли обрѣтаются кости и надъ оными что будто суще мощи отпѣваютъ панихиды и того собора протопопъ Ѳеодоръ говорилъ, что оные мощи нынѣшній Варлаамъ, епископъ Суздальскій и Юрьевскій, не осматривалъ,—а другіе въ землѣ во гробѣ положены и надъ ними панихиды отпѣваютъ же“.

Вскорѣ послѣ этого доклада изъ приказа инквизиторскихъ дѣлъ послѣдовалъ указъ епископу Варлааму, а Варлаамъ распорядился учинить формальное разслѣдованіе дѣла.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1722 года были допрошены священники Юрьевскаго собора—попъ Сергѣй да Иванъ. На основаніи ихъ показаній можно составить нѣкоторое представленіе о положеніи княжескихъ гробницъ въ Юрьевскомъ соборѣ къ началу XVIII вѣка и о томъ чествованіи, какое было имъ оказываемо въ народѣ.

„Въ соборной де церкви страстотерпца Христова Георгія, показали попы Сергѣй да Иванъ, при алтарѣ по лѣвую сторону въ придѣлѣ двѣ гробницы есть и погребены въ той гробницѣ въ первой по правую сторону въ томъ придѣлѣ благовѣрный князь Святославъ Всеволодовичъ, въ святомъ крещеніи Гавріилъ, а въ другой, по лѣвую сторону, сынъ его, великаго

---

[1]) См. выше, стр. 3.

князя Гавріила, схимонахъ Димитрій. И нынѣ де благовѣрнаго князя Гавріила гробъ стоитъ наружу и покрытъ пеленою, а въ томъ гробѣ кости его или тѣло лежитъ, того они не вѣдаютъ, понеже де тотъ гробъ открываемъ не бываетъ, и покрытъ тотъ гробъ былъ до бытности ихъ при той церкви тому нынѣ больше ста лѣтъ и кто де тотъ гробъ покрылъ и для чего, о томъ они невѣдомы и отъ никого про то не слыхали. А сына де его схимонаха Димитрія гробъ стоитъ въ землѣ и закладенъ каменьемъ, а наверху каменья положена пелена. И къ тѣмъ де гробамъ въ торговые и прочіе дни приходятъ многіе христіане и приносятъ медъ и по просьбамъ де ихъ они попы отпѣваютъ надъ тѣми гробами панихиды, а за истинные мощи означенныхъ князя Гавріила и сына его Димитрія тѣлеса они не почитаютъ, понеже де отъ оныхъ положенныхъ въ гробахъ тѣлесъ исцѣленія никому и никакого не бывало и объ исцѣленіяхъ отъ этихъ тѣлесъ ни отъ кого не слыхали. А въ который де годъ вышеозначенныхъ князя Гавріила и сына его схимонаха Димитрія тѣлеса погребены, о томъ они попы неизвѣстны и письменнаго о томъ извѣстія ни у кого не видали и въ соборной церкви его нѣтъ“ [1]).

Изъ приведенныхъ показаній допрошенныхъ священниковъ Юрьевскаго собора можно заключить, что въ началѣ XVIII вѣка гробницы князей Святослава и Димитрія пользовались народнымъ уваженіемъ; сюда окрестные крестьяне приносили медъ и надъ ними служили панихиды. Но церковнаго почитанія князей въ собственномъ смыслѣ, какое почитаніе напр. видимъ въ с. Алексинѣ, Ковр. у., князя Ѳеодора Стародубскаго, въ гор. Юрьевѣ не было. Священнослужащіе Юрьевскаго собора утверждали, что при соборѣ не имѣется даже никакого письменнаго извѣстія о почивающихъ въ гробницахъ князьяхъ, т. е. того, что мы называемъ житіемъ.

Съ этими показаніями священниковъ Сергія и Ивана отчасти согласуются тѣ нѣсколько строкъ о Юрьевскихъ княжескихъ гробницахъ, какія находимъ въ книгѣ Суздальскаго ключаря Ананіи Ѳеодорова [2]). „Въ помянутой соборной церкви, пишетъ онъ, есть нѣкоторыя княжескія гробницы, и въ нихъ значатся кости цѣлы покрыты покровами, а кто тѣ быша благовѣрные князи и когда скончашася, никаковой достовѣрной исторіи въ той соборной церкви не имѣется отъ несыскания ту сущихъ священнослужителей. (А жители того града вышеупомянутыхъ благовѣрныхъ князей именуютъ перваго Димитрій, второго Гавріилъ)“ [3]).

Но какъ оказалось потомъ, въ г. Юрьевѣ больше знали о князьяхъ, чѣмъ сообщили на допросѣ священнослужители Юрьевскаго собора и въ своей исторіи ключарь Ананія Ѳеодоровъ. Опасаясь какихъ-нибудь непріятныхъ для себя осложненій слѣдственнаго дѣла, священники Сергій и Иванъ

---

[1]) Арх. Суздальской дух. консисторіи. 1722 г., № 13.

[2]) Ключарь Суздальскаго собора Ананія Ѳеодоровъ умеръ 1761 г. См. Арх. Сузд. дух. консисторіи. 1770 г., № 61.

[3]) „Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суздалѣ“, стр. 109.

о многомъ умолчали, а самое чествованіе князей въ народѣ представили въ болѣе невинномъ видѣ, чѣмъ, судя по послѣдующему, оно оказалось въ дѣйствительности. Ключарь Ананія Ѳеодоровъ, какъ лицо близко стоящее къ консисторіи и архіерею, могъ узнать въ Юрьевѣ и сообщить не больше этого.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Юрьевскихъ князьяхъ и о тѣхъ историческихъ данныхъ, какими располагалъ относительно этихъ князей Юрьевскій соборъ, Суздальская консисторія узнала лишь въ семидесятыхъ годахъ и то по доносу настоятеля Юрьевскаго собора протоіерея Николая Субботинскаго.

Прот. Николай Субботинскій, исправлявшій должность ректора въ Суздальской духовной семинаріи, попалъ въ г. Юрьевъ не по своему доброму желанію. Удаленный отъ ректуры вслѣдствіе жестокаго обращенія съ учениками и нетрезваго поведенія, онъ сразу же по опредѣленіи въ Юрьевъ вступилъ въ пререкательства и тяжбы съ мѣстнымъ причтомъ. [1]) Его доносъ о неправильномъ чествованіи мощей въ Юрьевскомъ соборѣ является однимъ изъ многихъ дѣлъ, которыя онъ возбудилъ противъ священнослужащихъ въ Юрьевскомъ Георгіевскомъ соборѣ.

„Прошлаго 1769 года въ декабрѣ, писалъ онъ въ консисторію, въ придѣльной соборной Троицкой церкви усмотрѣлъ я именованный гробъ благовѣрнаго князя Гавріила на вскрытіи, а тѣло его никѣмъ никогда не свидѣтельствовано. Какъ же отъ жителей реченнаго города Юрьева, такъ и отъ простолюдиновъ, приходящихъ изъ разныхъ селъ и деревень въ оную соборную церковь для моленія, почитается оное тѣло за истинные мощи, почему нарядъ бываетъ отъ нихъ штатнымъ означенныя соборныя церкви священникамъ Петру Андрееву и Алексѣю Семенову, такъ и заштатнымъ Андрею Демидову и Семену Матвѣеву къ отпѣванію надъ этимъ гробомъ панихидъ. Сверхъ же того возжигаются предъ онымъ гробомъ свѣщи и елей, и отъ лампады оными священниками раздается елей требующимъ; что признается мною принадлежащимъ до суевѣрія, и потому противнымъ Духовному Регламенту и Ея Императорскаго Величества указомъ,—такожъ и помянненному благовѣрному князю Гавріилу, яко предку Ея Императорскаго Величества, поругательнымъ, понеже гробъ, не имѣя доки, кромѣ пелены чичѣмъ никогда не закрывается, то какъ многократно примѣчаются въ означенной церкви крысы, можетъ быть и во гробъ его бѣгая скверпятъ“.

Въ заключеніе доклада протопопъ Н. Субботинскій, указавъ на то, что онъ неоднократно сообщалъ обо всемъ изложенномъ заказчику свящ. Якову Васильеву, пишетъ: „Того ради, дабы мнѣ предъ Богомъ за утаеніе такого богопротивнаго дѣла не дать отвѣта и отъ Его Преосвященства не принять со временемъ истязанія, моимъ доношеніемъ на благоразсмотрѣніе почтенно представляю“.

---

[1]) См. подробнѣе „Исторія Суздальской духовной семинаріи“. 1905, стр. 39—42.

По требованію консисторіи, въ сентябрѣ 1770 года протоіерей Н. Субботинскій подалъ второй докладъ, еще болѣе обстоятельный. Въ немъ онъ настаивалъ по прежнему на томъ, что тѣло князя Гавріила почитается въ Юрьевѣ за подлинные мощи.

„Гробъ, въ которомъ оный благовѣрный князь почиваетъ, писалъ Н. Субботинскій, имѣется каменный; тѣла же въ томъ гробѣ нетлѣннаго, понеже онъ покрытъ пеленою, въ глубинѣ гроба того не усмотрѣлъ, да и усмотрѣть, безъ представленія въ духовную консисторію, самъ собою дерзновенія принять не могъ. Вскрытіе пелены, понеже доски не имѣется, въ каковыя времена и кѣмъ бываетъ-ли, того примѣтить не могъ, а устное лобзаніе въ главу оному благовѣрному князю чрезъ пелену бываетъ“.

У гроба князя всегда, по словамъ Н. Субботинскаго, возжигаются лампады съ елеемъ и множество свѣчъ. Для поклоненія гробу приходитъ много народа, особенно по воскресеньямъ, когда въ Юрьевѣ бываетъ подторжье, и въ понедѣльникъ, когда бываетъ торгъ. Священнослужители, по просьбѣ богомольцевъ, служатъ панихиды и раздаютъ молящимся елей изъ лампады, подвѣшенной у гроба. Впрочемъ, замѣтилъ онъ, лампада въ последнее время снята. Въ ризницѣ Георгіевскаго собора хранится много прикладныхъ пеленъ, которыя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ мѣняются на гробѣ соборнымъ священникомъ Петромъ Андреевымъ.

Къ своему докладу протоіерей Н. Субботинскій приложилъ рукописное житіе Юрьевскихъ князей, хранившееся въ ризницѣ Юрьевскаго собора. Оно писано полууставомъ и украшено киноварнымъ заголовкомъ. Рукопись относится къ XVII вѣку.

Житіе имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Мѣсяца февруарія въ 3 день. Сказаніе вкратцѣ о житіи и пребываніи святого благовѣрнаго князя Святослава, нареченнаго въ крещеніи Гавріила, Всеволодовича и сына его Димитрія, иже во градѣ Юрьевѣ Польскомъ“. Начинаясь краткимъ сообщеніемъ изъ исторіи великихъ русскихъ князей—предковъ Святослава, житіе затѣмъ переходитъ къ самому Святославу и сообщаетъ о немъ довольно подробныя біографическія данныя. Правда, данныя эти представляютъ большею частью извлеченіе изъ лѣтописныхъ сообщеній о князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ, но какъ скомбинированныя въ связномъ разсказѣ и переданныя хронологически, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, заслуживаютъ того, чтобы быть воспроизведенными здѣсь полностью.

„Благовѣрный же и великій князь Святославъ, о немъ же намъ слово повѣствуетъ сице. Родися отъ сего благовѣрнаго великаго князя Всеволода, во святомъ крещеніи Димитрія, и отъ благовѣрныя княгини его Маріи въ лѣто 6704 (1196) и просвѣтися святымъ крещеніемъ во своемъ градѣ Владимерѣ и нареченъ бысть Гавріилъ. И егда бысть четырехъ лѣтъ послаша Новгородцы къ великому князю Всеволоду во Владимеръ владыку Мартирія архіепископа и лучшихъ людей посадниковъ нарицему Мировьюкину чадь просити къ себѣ на княженіе въ Новъ Градъ сына его благовѣрнаго князя Святослава. Владыка же на пути преставися, егда же идяше къ Всеволоду

во градъ Владимеръ. А князь убо Ярославъ Всеволодовичъ сойде до брата еще съ Нова Града на Клещино озеро и созда тамо градъ древянъ и нарече имя ему Переславль Русской Залѣской въ лѣто 6702 (1194) юля въ 29 день, а иеперва назда градъ той еще отецъ его Всеволодъ. Благовѣрный же князь Святославъ сѣде на княженіе въ Новѣ Градѣ, и бывъ тамо пять лѣтъ и паки еще сведе его отецъ Всеволодъ, для того еще младъ, со княженія изъ Нова Града къ себѣ во Владимеръ и дастъ имъ большаго сына Константина. Въ тоже время въ лѣто 6713 (1205) мѣсяца марта преставися великая княгиня Марія Всеволодова, во мнишескомъ чину Маѳа, а лежа въ немощи седмь лѣтъ, и положена бысть въ своемъ ея монастыри въ Володимерѣ. Въ лѣто 6715 (1207) призва великій князь Всеволодъ сына своего Константина изъ Нова Града съ силою на Половцевъ и Ольговичевъ и потомъ паки дастъ ему Ростовъ, благовѣрному же князю Святославу, сыну своему, паки дастъ ему славный Новъ Градъ, на княженіе второе уже бывшу 11 лѣтъ. Потомъ же, въ лѣто 6720 (1212) апрѣля въ 15 день преставися благовѣрный князь Всеволодъ (Димитрій) Георгіевичъ, и положенъ бысть въ понедѣльникъ въ церковь святыя Богородицы, иже созда братъ его князь Андрей Боголюбскій о единомъ верси, онъ же пристави четыре верха и позлати, постави же и церковь чюдную вельми велику рѣзаннымъ каменемъ во имя святого мученника Димитрія и верхъ ея позлати. Въ нейже икону постави, принесенную изъ Селуня града, зъ гроба св. Димитрія, точащу муро безпрестани въ лѣто 6705 (1197), сентября въ 11 день. Послѣди же та икона была принесена къ Москвѣ въ соборную церковь въ лѣто 6850 (1342), генваря въ 11 день. А княженіе Владимірское даде сыну своему князю Георгію Всеволодичю, иже убіенъ бысть отъ Батыя царя на Ситѣ рѣцѣ, при епископѣ Іоаннѣ. Прежде бо посылалъ дважды по большаго сына Константина во градъ Ростовъ, хотѣ бо его благословити великимъ княженіемъ Владимірскимъ, а Георгія Ростовскимъ. Князь же Константинъ къ отцу своему не поѣха, единъ хотя владѣти и Ростовомъ и всѣмъ княженіемъ. Отецъ же князя Георгія сына своего благослови и надъ всѣми братьями владѣти и потомъ ко Господу отъиде. Князь же Константинъ разгнѣвася на братію свою, паче же на Юрія. Благовѣрный же князь Святославъ паки сойде съ Нова Града, бывъ тамъ пять лѣтъ, и пріиде въ Ростовъ къ брату Константину. А Константинъ же нача градъ замышляти на князя Юрія, хотя подъ нимъ града Владимера. Тоже слышавъ князь Юрій, иде на него съ братіею, съ Ярославомъ, и Владимеромъ, и Іоанномъ и дошедше Ростова умиришася. Князь же Владиміръ бѣжа къ брату Константину въ Ростовъ, князь же Юрій съ Ярославомъ и Іоанномъ, и иде съ нимъ на снемъ и у Юрьева града смиришася. Князь же Константинъ посла брата Владимера княжити въ Москву, и пришедъ затворися въ ней. А князь же Святославъ Всеволодичъ пойде отъ Константина изъ Ростова ко брату князю Юрію въ градъ Владимеръ. Онъ же даде ему въ одержаніе градъ Юрьевъ Польской въ лѣто 6721 (1213) году. Князь же Константинъ паки нача градъ замышляти. Князь же Юрій съ братіею, съ Ярославомъ, и Святославомъ, и Іоанномъ, и Да-

видомъ Муромскимъ идоша въ Ростовъ. А Константинъ слыша то посла Кострому градъ сожещи. А князь Юрій съ силою бишася о рѣцѣ и стояше нѣколико время и земли той много зла сотвориша и такъ умиришася и крестъ цѣловаша и поидоша оттолѣ къ Москвѣ на князя Владимера брата и, миръ сотворше съ нимъ, даша ему Переславль Руской на Клещинѣ озерѣ. Онъ же иде съ Москвы въ Переславль въ лѣто 6723 (1215). Благовѣрный же князь Георгій посла брата своего князя Святослава къ Нову Граду въ Торжескъ въ помощь брату своему Ярославу на князя Мстислава Мстиславича; брань бо имаше съ нимъ о Новѣ Градѣ и оттолѣ паки по брани возвратися въ Юрьевъ градъ. Въ лѣто же 6728 (1220) великій князь Георгій паки посла брата своего князя Святослава, нареченнаго въ святомъ крещеніи Гавріила, Юрьевскаго на болгары со всѣми вои своими. А князь Ярославъ своя вои посла съ нимъ. А племянникъ ихъ Василій Константиновичъ посла Ростовцы и Устюжанъ, а Давидъ князь Муромскій посла сына своего Святослава, а братъ его князь Юрій посла сына Ольга Рязанскаго, и вси, пришедше съ нимъ близъ Ошлявы, идоша изъ ладьи на брегъ, и выде противъ себе князь болгарскій, и пріидоша противъ себе. Болгаръ же пустиша по стрѣлѣ и бѣжаша во градъ и затворишася. Князь же Святославъ со всѣми князи иде ко граду. Около же града бѣ островъ тынъ дубовый, а за нимъ два оплота и межъ ими валъ ссыпанъ, и по тому рыщуще, изъ-за тынія біяхуся. Приступи же князь Святославъ ко граду со всей страны, а напредь пѣшцы и копейцы, и бысть брань зла, и посѣкоша тынъ, и оплотъ раскопаша и зажгоша, и болгаре бѣжаша во градъ, а сіи за ними сѣкуще и потомъ ко граду приступиша отовсюду и зажгожа его ониже. И бысть буря, и дымъ великъ на сихъ потяну, они же опочивше и заидоша зъ другую страну, и тако напредъ всѣхъ потече самъ князь Святославъ Всеволодичъ ко граднымъ вратомъ и по немъ вси вои, и тамо посѣкоша тынъ и оплотъ, а болгаре бѣжаша во градъ другій, а сіи пришедъ градъ зажгоша и тако отвсюду обстоя огнь и бысть вопль великій. А князь ихъ бѣжа изъ града. А которіи выбѣгоша изъ града пѣши тѣхъ избиша, а женъ и дѣтей плѣниша, а иніи изгорѣша, а прочіи сами ся исѣкоша. Князь же Святославъ стоя ту дондеже сгорѣлъ градъ и взяша отшелъ іюня въ 15 день и тако возвратишася къ ладьямъ и поидоша по Волзѣ вверхъ. Тоже слышавше въ великомъ градѣ Болгарѣ и въ прочихъ градѣхъ собрашася идоша къ осадамъ на брегъ. Князь же Святославъ, слышавъ то, повелѣ воемъ своимъ вооружатися и стяги наволочити и изряди полки тамо въ насадахъ. И удариша въ бубны, и въ трубы, и въ сопѣли, а Болгары, стояще, зряху своихъ плѣненныхъ и плакаху. Князь же Святославъ мину и сады и ста на устьѣ Камы рѣки, и ту пріиде Воиславъ Добрынычь съ Ростовцы и Устюжаны и съ полономъ многимъ,—тѣ бо по Камѣ взяша многи грады и села и всю область поплѣниша. И поидоша ко граду Владимеру и сретѣ его благовѣрный князь Георгій у Боголюбова съ дѣтьми, и честь велику возда ему и всѣмъ воемъ по три дни. И потомъ князь Святославъ иде во градъ свой Юрьевъ Польскій въ лѣто 6733 (1225) зимою. Благовѣрный князь Георгій

паки посла братію свою на Мордву—благовѣрнаго князя Святослава и Іоанна и повоеваша. Въ лѣто же 6735(1227) князь Юрій посла брата своего князя Святослава въ Переславль Русской на езерѣ на княженіе, и бывъ тамъ три лѣта паки князь Святославъ пріиде съ Переславля во градъ свой Юрьевъ Польской. Въ лѣто же паки 6738 (1230) разруши церковь въ Юрьевѣ, иже бѣ обетшала, иже прежде созда дѣдъ его благовѣрный князь Юрій Долгорукій Владиміровичъ, яже стояла 78 лѣтъ, отъ зачала града, и созда чюдную вельми рѣзаннымъ каменемъ отъ подошвы и до верху святыхъ лики и праздники. Отъ Батыева же нечестиваго царя нахожденія на русскую землю плѣненія избави Богъ и Пречистая Богородица благовѣрнаго князя Гавріила и съ сыномъ его Димитріемъ и съ меньшимъ братомъ его княземъ Іоанномъ Всеволодовичемъ Стародубскимъ и съ прочими князи бывши въ то время въ великомъ Новѣ Градѣ у брата своего князя Ярослава Всеволодовича. А братъ ихъ великій князь Георгій Всеволодовичъ Владимерскій пострада отъ Батыя царя на Сити рѣцѣ съ прочими многими князи русскими въ 6745 (1237). Князь же Ярославъ по плѣненіи Батыевѣ и по убіеніи брата своего князя Георгія пріиде изъ Нова Града съ братіею въ Владимеръ и очисти и обнови градъ отъ трупія мертвыхъ и оставшія людіи утѣши отъ печали и паки собра. И дастъ же паки брату князю Святославу Всеволодичу въ княженіе градъ Суздаль и Юрьевъ Польскій, а князю Іоанну брату даде паки тойже градъ Стародубъ и Мицепескъ. Потомъ же благовѣрный князь Святославъ и Іоаннъ съ Ярославомъ братомъ ходиша въ Орду къ Батыю царю съ сыны своими въ лѣто 6754 (1246) и оттолѣ паки бывше пріидоша въ свои отчины. А князя Ярослава царь Батый удержа и посла къ Кановичемъ въ Крымъ и тамо много зла пострада отъ татаръ за исповѣданіе Христово и разболѣся тамо и въ немощи его отпустиша въ Русь, и на пути въ иноплеменницѣхъ преставися нужною смертію мѣсяца сентября въ 1 день и привезше тѣло его въ Володимеръ и погребоша въ соборной церкви. И сѣде по немъ на княженіе въ Володимерѣ градѣ братъ его сей князь Святославъ Всеволодичъ и былъ тамо три лѣта. Егдаже пріидоша племянники его Александръ, князь Андрей Ярославичъ изъ Орды отъ Кановичъ. Александръ   и на всю русскую землю. Андрей же сѣде въ Володимерѣ на отчи столѣ, благовѣрный же князь Святославъ, нареченный во святомъ крещеніи Гавріилъ, Всеволодичъ пріиде паки во градъ Юрьевъ Польскій. И поживе прочее богоугодно, господствуя въ постѣ, и молитвѣ, и въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ умиленіи, и въ слезахъ, и въ пощеніи, и всякими добрыми дѣлы, и угождая Господу Богу, и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ, бывъ четыре лѣта и преставися въ вѣчный покой въ лѣто 6760 (1252) мѣсяца февраля въ третій день, на память святаго Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, и много плакавше, и проводиша честно, со свѣщами, и кандилы, и положиша его въ соборной церкви святаго великомученика и страстотерпца Георгія въ придѣлѣ въ созданнѣй отъ него. Поживе же всѣхъ лѣтъ житія своего 56 лѣтъ. Остави же по себѣ на княженіи во градѣ Юрьевѣ сына своего благовѣрнаго князя Димитрія Святославовича. Въ лѣто же 6763 (2255) благо-

вѣрный князь Александръ Ярославичъ ходи изъ Володимера съ братомъ двуроднымъ, съ княземъ Димитріемъ Святославичемъ Юрьевскимъ и съ протчими князи въ Новѣ Градѣ ради умиренія, и утолиша мятежъ ихъ и посади у нихъ князь Александръ сына своего князя Василія на столъ, самъ же возвратися въ свою отчину во Владимеръ съ братомъ своимъ княземъ Димитріемъ Святославичемъ. Посемъ же благовѣрный князь Димитрій поживе протчее, господствуя во градѣ Юрьевѣ 17 лѣтъ, богоугодно державствуя, ревнуя стопамъ добродѣтели отца своего князя Святослава Всеволодича. Посемъ пострижеся во инoцѣхъ отъ святаго Игнатія, епискoпа Ростовскаго, и преставися сномъ вѣчнымъ въ лѣто 6777 (1269 г.). И погребоша его честно во градѣ Юрьевѣ Польскомъ, въ соборной церкви святаго великомученика Георгія, въ придѣлѣ по лѣвую сторону, близъ гроба отца его святаго князя Святослава, нареченнаго во святомъ крещеніи Гавріила, Юрьевскаго, идѣже и до нынѣ лежатъ Богомъ блюдомы и исцѣленія съ вѣрою приходящимъ подаютъ и до сего дни. Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Получивъ второй обширный докладъ Н. Субботинскаго, Суздальская консисторія начала самое обстоятельное дознаніе. Священноцерковнослужители Юрьевскаго собора, какъ и предупреждалъ прот. Н. Субботинскій, во всемъ учинили запирательство. Не могли они отвергнуть только одного факта — факта перемѣны ими пеленъ на гробѣ, но постарались значительно ослабить силу обвиненія, сославшись на то, что пелена смѣняемая полагается обыкновенно на нижнюю пелену, никогда не смѣняемую и никѣмъ не вскрываемую.

Отобраніемъ этихъ показаній слѣдственное дѣло о чествованіи Юрьевскихъ князей Святослава и Димитрія, озаглавленное въ старинныхъ архивныхъ описяхъ: „Дѣло по доношенію г. Юрьева протопопа Николая Субботинскаго якобы о богопротивномъ дѣлѣ“ [1], и закончилось. Докладъ протоп. Субботинскаго не подтвердился, такъ что священнослужители Юрьевскаго собора остались свободными отъ какого бы то ни было взысканія со стороны духовной власти. Но самое слѣдственное дѣло, произведенное со всею обстоятельностію, заставило ихъ, конечно, въ послѣдующее время быть болѣе внимательными и осторожными въ отношеніи чествованія памяти князей, погребенныхъ въ Юрьевскомъ соборѣ. Какихъ-нибудь дѣлъ о чествованіи Юрьевскихъ князей, аналогичныхъ съ приведенными, въ концѣ XVIII и XIX в. уже не встрѣчаемъ.

Въ настоящее время останки князя Святослава Всеволодовича почиваютъ въ открытой гробницѣ изъ бѣлаго камня; гробница обложена въ недавнее время бѣлою мѣдью. Останки сына Святослава схимонаха Димитрія покоятся подъ спудомъ. Гробница обнесена мѣдной изящной рѣшеткой и обложена мраморными досками съ изображеніемъ креста. Гробницы пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ и доселѣ.

---

1) Арх. Суздальской дух. консисторіи. 1770 г., № 191.

Влад. Епарх. Вед. 1906, № 41, с. 599-607.

Церковь въ с. Смоленскомъ, Переславскаго уѣзда.

Въ Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ Владимірской епархіи о церкви с. Смоленскаго, Переславскаго уѣзда, сообщаются такія свѣдѣнія: „Въ 1779 году мѣстнымъ помѣщикомъ Петромъ Сергѣевичемъ Свиньинымъ вмѣсто деревянной церкви устроенъ двухъэтажный каменный храмъ въ связи съ помѣщичьимъ домомъ, такъ что церковь оказалась домовая. Колокольни при церкви нѣтъ, колокольня помѣщается въ особой башнѣ. Этотъ храмъ существуетъ въ Смоленскомъ и въ настоящее время".[1]) Предлагаемая замѣтка будетъ посвящена выясненію вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ совершилось обращеніе приходскаго храма въ с. Смоленскомъ въ домовую церковь и дѣйствительно-ли оно совершилось.

Самое раннее упоминаніе о церкви с. Смоленскаго встрѣчаемъ въ патріаршихъ окладныхъ книгахъ, гдѣ подъ 136 г. (1628 г.) читаемъ: „Церковь Успеніе Пресвятыя Богородицы, въ селѣ Смоленскомъ, дани девять денегъ, десятильничихъ гривна. Марта въ 22 день на нынѣшній 136 годъ тѣ деньги взято". Тамъ же подъ 150 г. (1642) с. Смоленское значится вотчиною княгини Анны Урусовы[2]). Во владѣніи Урусовыхъ с. Смоленское находилось и въ половинѣ XVIII вѣка. Въ 1712 оно именуется вотчиной князя Семена Никитина, да князя Григорья Алексѣевича Урусовыхъ [3]), а въ 1759 г.—князя Сергѣя Григорьева сына Урусова.

При князѣ Сергѣѣ Урусовѣ въ приходской жизни с. Смоленскаго произошли нѣкоторыя немаловажныя для села событія—именно упраздненіе стараго ветхаго храма и постройка новаго. Въ прошеніи объ освященіи новопостроенной церкви, поданномъ на имя Амвросія, епископа Переславскаго, священникъ с. Смоленскаго Яковъ Ѳеодоровъ пишетъ такъ:

„Въ вышеписанномъ селѣ Смоленскомъ имѣлась ветхая церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы деревянная, которая за тою ветхостію по данному въ прошломъ 1753 году іюня 14 дня изъ Переславской духовной консисторіи указу разобрана, а вмѣсто ея по тому же указу построена вновь деревянная церковь на томъ же мѣстѣ въ тожъ именованіе и нынѣ всякимъ церковнымъ благолѣпіемъ, также и священноцерковнослужительскими облаченіи и книгами удовольствована и состоитъ къ освященію въ готовности".

---

[1]) Выпускъ 2-й, стр. 172—73.

[2]) Матеріалы для исторіи Владимірской епархіи. Вып. пятый. Переславская десятина жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ оброчныхъ земель. 1897 г., стр. 138.

[3]) Тамъ же.

Прошеніе подано было въ ноябрѣ 1759 г., а чрезъ нѣкоторое время новая деревянная церковь въ честь Успенія Божіей Матери, построенная на мѣстѣ обветшавшей старой, была освящена. [1])

Вскорѣ послѣ этого с. Смоленское отъ князей Урусовыхъ переходитъ къ помѣщикамъ Свиньинымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставится вопросъ о возведеніи въ селѣ каменной церкви, вмѣсто законченной въ 1759 году деревянной. Въ прошеніи, поданномъ на имя Θеофилакта, епископа Переславскаго, новый владѣлецъ с. Смоленскаго генералъ-маіоръ Петръ Сергѣевичъ Свиньинъ свои планы, касающіеся постройки новой каменной церкви въ Смоленскомъ и мотивы къ этому, излагаетъ въ такой формѣ:

„Въ Переславскомъ уѣздѣ въ с. Смоленскомъ имѣется деревянная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая отъ долговременнаго строенія хотя нѣсколько и обветшала, однакожъ во отправленіи божественной службы препятствія никакого нѣтъ. Вслѣдствіе что я положилъ обѣщаніе воздвигнуть собственнымъ моимъ коштомъ на другомъ близъ тояжъ старыя церкви мѣстѣ, отдаляясь для безопасности отъ пожара отъ церковнослужительскихъ и крестьянскихъ строеніевъ, новую каменную—вверху во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а внизу теплую во имя святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, которое мое обѣщаніе по благословенію Вашего Преосвященства исполнить потщуся и принадлежащіе къ оному строенію матеріалы въ готовности имѣются. Того ради Вашего Преосвященства покорно прошу, дабы архипастырскимъ Вашимъ благословеніемъ соблаговолено было во исполненіе обѣщанія моего ту каменную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ вышесказаннымъ внизу теплымъ придѣломъ и колокольню каменную жъ соорудить дозволить и о томъ дать благословенную грамоту; а между тѣмъ доколѣ та новая каменная церковь созидаться и чрезъ благословеніе Вашего Преосвященства освящена будетъ, чтобы я съ моею фамиліею и крестьяне мои по долгу христіанскому не лишились слышанія церковнаго пѣнія, объ отправленіи въ старой деревянной церкви службы Божія учинить Ваше архипастырское благоразмотрѣніе. Марта дня 1778 года“.

Прошеніе генералъ-маіора П. Свиньина приведено нами полностью съ тою именно цѣлью, чтобы лучше можно было видѣть, какого рода храмъ хочетъ построить Свиньинъ въ своемъ владѣніи въ с. Смоленскомъ О домовой церкви въ его прошеніи, какъ можно видѣть изъ вышеприведеннаго, нѣтъ и рѣчи. Деревянная приходская церковь с. Смоленскаго къ 1778 г. значительно обветшала, хотя и не до такой степени, чтобы въ ней нельзя было совершать богослуженія. Давъ обѣщаніе построить каменный храмъ въ то же именованіе, П. Свиньинъ проситъ разрѣшить ему воздвигнуть такой храмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ старой церкви и дозволить совершать богослуженіе въ старой церкви, пока будетъ производиться стройка новаго храма, „дабы, какъ онъ выражается, я съ моею фамиліею и крестьяне мои

[1]) Арх. Пересл. дух. консисторіи. 1759 г., № 102.

по долгу христіанскому не лишились слышанія церковнаго пѣнія". Послѣдняя просьба, повидимому, говоритъ за то, что Успенская церковь въ с. Смоленскомъ къ 1778 г. значительно обветшала. Если принять во вниманіе, что постройка ея была закончена лишь въ 1759 г., то фактъ этотъ можетъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Но не надобно забывать, что церковь, отстроенная въ 1759 г., была создана вмѣсто обветшавшей старинной на ея же мѣстѣ, послѣ того какъ послѣдняя была разобрана; вѣроятно, при постройкѣ церкви въ 1759 году употреблены были старые матеріалы, взятые изъ церкви разобранной, а потому новая церковь и могла простоять сравнительно недолго. А можетъ быть упраздненіе ея было нѣсколько ускорено и желаніемъ новаго владѣльца с. Смоленскаго имѣть въ своей вотчинѣ церковь каменную вмѣсто деревянной.

Преосв. Ѳеофилактъ, получивъ прошеніе П. Свиньина, распорядился послать въ с. Смоленское благочиннаго и осмотрѣть мѣсто, на которомъ предположено возвести новую каменную церковь. Въ своемъ репортѣ благочинный сообщилъ въ консисторію, что „по осмотрѣ его, оное мѣсто, гдѣ будетъ каменная церковь строиться, пристойное, а разстояніемъ отстоящее священно и церковнослужительскихъ и крестьянскихъ дворовъ въ сорока саженяхъ".

По полученіи доклада отъ благочиннаго генералъ-маіору П. Свиньину выдана была изъ Переславской консисторіи храмозданная грамота [1]).

Чрезъ полтора года на имя Преосв. Ѳеофилакта слѣдуетъ новое прошеніе отъ П. Свиньина; въ немъ онъ проситъ Владыку объ освященіи новосозданной церкви. И это прошеніе не даетъ никакихъ основаній считать выстроенную П Свиньинымъ церковь домовою, а не приходскою с. Смоленскаго.

„Въ прошломъ 1778 году марта 30 дня дана мнѣ за подписаніемъ Вашего Преосвященства, пишетъ П. Свиньинъ, храмозданная грамота о построеніи вмѣсто ветхой деревянной Успенія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ моей въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣсскаго въ с. Смоленскомъ каменной церкви о двухъ апартаментахъ—вверху Успенія Пресвятыя Богородицы, а внизу во имя св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, изъ коихъ верхняя Успенія Пресвятыя Богородицы къ освященію пріуготовлена, которая и благочиннымъ градской Сергіевской церкви свящ. Аѳанасіемъ Макарьевымъ свидѣтельствована и описана и оную опись прилагаю при семъ".

Опись, приложенная къ прошенію П. Свиньина, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что построенная П. Свиньинымъ каменная церковь и есть нынѣшняя церковь с. Смоленскаго, находящаяся подъ одной кровлей съ жилымъ домомъ сельскохозяйственной фермы.

---

[1]) Арх. Переславской дух. консисторіи. 1778 г., № 52.

Въ этой описи читаемъ: „Опись, учиненная новопостроенной въ Переславскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ генералъ-поручика Петра Сергѣевича въ с. Смоленскомъ вмѣсто ветхой деревянной во имя Успенія Пресвятыя Богородицы новой каменной церкви, что въ ней церковной утвари имѣется значитъ ниже сего. Означенная церковь построена каменная о двухъ апартаментахъ, верхъ сдѣланъ куполомъ, отъ купола шпиль, на шпилѣ глава и крестъ желѣзныя. вызолочены, куполъ покрытъ чешуею деревянною и выкрашенъ краскою зеленою. Оная церковь *соединена съ каменными палатами* и снаружи не выбѣлена“...[1])

Такимъ образомъ, П. С. Свиньинъ въ 1779 г. въ с. Смоленскомъ. вмѣсто обветшавшей деревянной приходской церкви, выстроилъ новую каменную въ то же именованіе, при чемъ выстроилъ на нѣкоторомъ отдаленіи отъ прежняго мѣста и соединилъ со своими каменными палатами. Но не смотря на эту связь съ помѣщичьимъ домомъ, новая церковь не была домовою въ собственномъ смыслѣ, а оставалась приходскою, выстроенною вмѣсто упраздненной деревянной. Оттого-то въ 1818 году, когда отъ пожара пострадала крыша этой каменной церкви, причтъ с. Смоленскаго вмѣстѣ съ церковнымъ старостою въ прошеніи на имя Преосв. Ксенофонта пишутъ: „сего 1818 года іюля 14 дня къ несчастію нашему *на церкви нашего села* крыша сгорѣла“ [2]). Другой церкви въ с. Смоленскомъ тогда не было,—очевидно, здѣсь разумѣется церковь нынѣшняя. А если бы она была домовою, причтъ и староста никогда не могли бы назвать ее *нашею сельскою*.

Влад. Епарх. Вед.
1906, № 42, с. 621–62[illegible]
Без подписи.

[1]) Арх. Переславской дух. консисторіи. 1779 г., № 223.
[2]) Арх. Владимірской духовной консисторіи. 1818 г., № 47907.

Чествованіе въ храмахъ иконъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Не смотря на крайнюю приверженность къ обряду, внѣшнее проявленіе религіозности у русскихъ въ XVI-XVII в. в. страдало крупными недостатками. Постановленія Стоглаваго собора не могли уничтожить ихъ, и собору 1666—67 года пришлось повторить снова прежнія предписанія и обличенія. Особенно къ большимъ непорядкамъ въ богослуженіи велъ странный обычай нашихъ предковъ приносить въ церковь свои иконы. Какъ бы не довольствуясь тѣми иконами, которыя находились въ приходскомъ храмѣ, каждый изъ молящихся приносилъ свои домашнія, ставилъ ихъ или вѣшалъ на церковной стѣнѣ, часто не только боковой въ отношеніи къ алтарю, но и противоположной, и предъ ними одними молился, полагалъ поклоны, возжигалъ свѣчи. Отъ этого происходило, что присутствующіе въ церкви во время богослуженія часто молились, оборотившись къ алтарю бокомъ, а иногда и задомъ, заводили распри въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь обращался съ молитвою къ иконѣ не своей, а чужой, считая, что такими „воровскими“ молитвами похищается благодать, принадлежащая по праву владѣльцу иконы. [1])

Патріархъ Никонъ строго запретилъ подобное чествованіе иконъ и велѣлъ вынести изъ церквей всѣ иконы, принадлежащія частнымъ лицамъ и развѣшанныя по стѣнамъ. Большой Московскій соборъ также осудилъ этотъ неблаговидный обычай и распорядился не держать въ церкви частныхъ иконъ для моленія. [2])

Но всѣ эти постановленія и предписанія оказались мало дѣйствительными предъ устойчивостью обычая, издавна вошедшаго въ богослужебную практику русскихъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ указовъ епископа Суздальскаго Варлаама, свидѣтельствующій о томъ, что зло, съ которымъ боролся Большой Московскій соборъ, не исчезло еще и въ XVIII вѣкѣ.

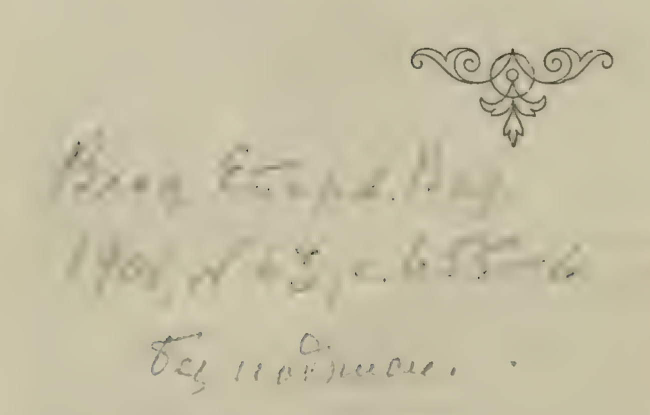
„1719 г. августа въ 27 день Великій Господинъ Преосвященный Варлаамъ, Епископъ Суздальскій и Юрьевскій, указалъ по всей своей архіерейской епархіи въ городахъ и селахъ приходскихъ священникомъ ска-

---

1) См. объ этомъ подробнѣе „Исторія Русской Церкви“ Макарія, т. XII, стр. 297.

2) Гл. II, пр. 36.

зать, чтобы они въ приходскихъ своихъ церквахъ приходскихъ людей святыя иконы, которыя поставлены на полкахъ низко, и тѣ святыя иконы велѣть поставить для украшенія церкви выше, чтобы до нихъ не можно было достать и полокъ бы не было и свѣчъ бы передъ тѣ иконы не ставили, понеже бо мѣстнымъ образамъ бываетъ отъ мірскихъ человѣкъ руганіе для того, что свѣчи ставятъ передъ своими образы, а мѣстные оставляютъ; а ставили бъ передъ мѣстные образы. А ежели кто приходскіе люди похотятъ изъ той церкви свои образы взять въ домы свои и тѣ иконы изъ церкви священники отдавали бы невозбранно". [1])

1) Арх. Суз. дух. консисторіи. 1719 г. № 44.

Уничтоженіе письменныхъ памятниковъ старины.

Эпизодъ, котораго я намѣренъ коснуться, живо характеризуетъ отношеніе къ памятникамъ старины въ концѣ XVIII в., когда погублено было много цѣннаго въ археологическомъ отношеніи, погублено потому, что цѣнность старины тогда мало понимали даже лица, занимавшія высокія отвѣтственныя мѣста.

Подъ колокольней Суздальскаго собора имѣется небольшая, слабо освѣщаемая солнечнымъ свѣтомъ комната, которой въ исторіи сохраненія письменныхъ памятниковъ Суздальской старины суждено было сыграть значительную, хотя и нѣсколько печальную роль.

Первое упоминаніе объ этой комнатѣ относится къ 1789 году. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года на имя Виктора, епископа Суздальскаго, каѳедральнымъ протоіереемъ собора Алексѣемъ Смирновымъ поданъ былъ рапортъ, изъ котораго узнаемъ, что имѣвшаяся подъ колокольней каменная палатка занята была старинными книгами, при чемъ окна и двери этой палатки закладены были наглухо кирпичемъ. Причтъ собора имѣлъ въ виду утилизировать эту палатку для своихъ хозяйственныхъ надобностей, почему и испрашивалъ у Преосв. Виктора распоряженія „оную палатку очистить“. Этотъ докладъ соборнаго причта и послужилъ началомъ довольно обширнаго и затянувшагося дѣла, которое въ концѣ концовъ и привело къ уничтоженію хранившихся въ палаткѣ старинныхъ книгъ.

Епископъ Викторъ, всего годъ тому назадъ переѣхавшій въ Суздаль вслѣдствіе объединенія трехъ каѳедръ—Владимірской, Переславской и Суздальской въ одну Суздальскую, былъ мало знакомъ и съ городомъ, и съ тѣмъ, что раньше въ немъ дѣлалось. О существованіи каменной палатки съ книгами онъ и не подозрѣвалъ и, дозволивъ ее очистить, въ тоже время велѣлъ сообщить ему, какъ давно и почему эти книги были заложены и скрыты подъ колокольней.

Начались справки. Соотвѣтствующаго дѣла въ консисторскомъ архивѣ не сыскали. Пришлось довольствоваться извлеченіями изъ консисторскихъ журналовъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ резолюціи епископъ Викторъ получилъ такія свѣдѣнія о заключенныхъ книгахъ.

Въ 1753 году въ Суздалѣ полученъ былъ указъ Св. Синода о соблюденіи въ всѣхъ церквахъ чистоты, о содержаніи оныхъ въ должномъ благолѣпіи и о исправленіи ветхостей. Преосв. Порфирій, бывшій тогда епи-

скопомъ Суздальскимъ, по полученіи этого указа распорядился послать по церквамъ Суздальской епархіи нарочито опредѣленныхъ для этой цѣли „духовныхъ персонъ“. Эти ревизоры имѣли осмотрѣть всѣ церковныя книги и въ случаѣ, если бы нашли гдѣ старонарѣчныя печатныя и письменныя древнія книги, должны были, описавъ ихъ и запечатавъ своею печатью, возвратить священноцерковнослужителямъ, но съ такимъ наказомъ, чтобы тѣ не выдавали этихъ книгъ никому ни читать, ни осматривать, и хранили ихъ въ цѣлости до указа, каковой имѣетъ воспослѣдовать.

Указъ воспослѣдовалъ очень скоро послѣ этой генеральной описи. Имъ предписывалось всѣ старопечатныя книги, усмотрѣнныя въ церквахъ епархіи, а равнымъ образомъ и имѣющіяся въ Суздальскомъ Спасоевѳиміевомъ монастырѣ собрать въ консисторію и, запечатавъ консисторскою печатью, сдать ключарямъ собора[1]) на храненіе. При этомъ имѣлось главнымъ образомъ въ виду предохранить православныхъ отъ чтенія этихъ книгъ и отъ исправленія по нимъ богослуженія.

Въ ризницѣ соборной, гдѣ отобранныя книги помѣщены были въ сундукахъ, имъ суждено было пролежать недолго. Чрезъ 16 лѣтъ по случаю какого-то осмотра обнаружилось, что печать на одномъ сундукѣ была сорвана, доска вынута и значительная часть книгъ изъ этого сундука исчезла неизвѣстно куда. Запросили ключаря собора. Но тотъ сослался на своего предшественника Ананію Ѳеодорова, котораго къ этому времени уже не было въ живыхъ. По его словамъ, Ананія Ѳеодоровъ получилъ отъ консисторіи эти сундуки подъ росписку и имѣлъ за ними наблюденіе; слѣдовательно, и отвѣтственность ближайшимъ образомъ падаетъ на него. Возможно, что это обвиненіе и имѣло нѣкоторое основаніе. Ключарь Ананія Ѳеодоровъ былъ первымъ историкомъ Суздальской епархіи; послѣ него намъ осталось обстоятельное историческое изслѣдованіе о градѣ Суздалѣ[2]). Какъ человѣкъ, знавшій цѣну стариннымъ документамъ и предвидѣвшій ихъ гибель въ запечатанныхъ консисторскими печатями сундукахъ, онъ и извлекъ оттуда часть содержимыхъ документовъ и книгъ, и можетъ быть, они и дали ему нѣкоторый матеріалъ для его цѣннаго историческаго труда.

Открытіе порчи печати и исчезновеніе нѣкоторой части книгъ ухудшило положеніе оставшихся старинныхъ печатныхъ и рукописныхъ памятниковъ. Именно, по внимательномъ обслѣдованіи сундуковъ и соотвѣтствующемъ докладѣ объ этомъ велѣно было вынуть изъ сундуковъ всѣ книги и рукописи и сложить въ подколокольную палатку, а для большей безопасности заложить эту палатку наглухо кирпичемъ.

Таковы были справки, которыя Суздальская консисторія дала епископу Виктору на его запросъ, какъ и почему старинныя книги попали въ каменную подколокольную палатку.

---

[1]) При Суздальскомъ соборѣ было тогда два ключаря.

[2]) „Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ“.

Послѣ такихъ справокъ Преосв. Виктору пришлось нѣсколько измѣнить свою резолюцію. Распоряженіе объ очисткѣ каменной палатки онъ оставилъ въ прежней силѣ, но самыя книги и рукописи велѣлъ консисторіи описать и по описи или сдать ключарю собора на храненіе, или перенести въ какую то другую архіерейскую палатку и заложить ихъ тамъ также наглухо кирпичемъ, дабы ходить туда никто не могъ.

Въ этомъ опредѣленіи для исполнителей его была нѣсколько неудобна, если можно такъ выразиться, одна сторона, погубившая, какъ оказалось впослѣдствіи, все дѣло,—именно, порученіе, возложенное на консисторію, описать старинныя книги и рукописи. Трудъ этотъ показался для лицъ, которымъ онъ былъ предписанъ, тяжелымъ, и они стали искать болѣе легкаго выхода изъ созданнаго положенія.

Поднятъ былъ прежде всего вопросъ,—съ котораго собственно и слѣдовало было начать все дѣло, дѣйствительно-ли такъ нужна уже та каменная палатка, которую собирались очистить. По частнымъ свѣдѣніямъ она предназначалась для храненія какой-то мѣдной и оловянной посуды. Но консисторія резонно замѣтила, что храненіе старинныхъ книгъ, „яко запрещенныхъ, должно быть уважаемо и предпочитаемо не только помѣщенію посуды, но и всѣмъ партикулярнымъ поклажамъ.“ Передачу книгъ на храненіе ключарю собора консисторія признала дѣломъ „весьма сумнительнымъ“. Вѣдь книги были расхищены и печать разломана именно во время храненія ихъ въ партикулярныхъ рукахъ. Переносить книги въ новую палатку консисторія нашла дѣломъ излишнимъ и для нея трудно выполнимымъ. „Вѣдь, если переносить ихъ въ другую палатку на прежнихъ основаніяхъ, писали члены консисторіи, то консисторія, оставя всѣ текущія дѣла, нѣсколько дней должна заниматься разламываніемъ дверей, перепискою, переноскою и закладываніемъ вновь каменною стѣною, къ чему и настоящее холодное время служитъ немалымъ препятствіемъ.[1]) Кромѣ сего въ случаѣ открытія этихъ книгъ, до времени, пока онѣ каменною стѣною закладены будутъ, консисторіи безотлучно при тѣхъ книгахъ быть надобно.“ На этихъ основаніяхъ консисторія предлагала оставить книги на прежнемъ мѣстѣ.

Конечно, членамъ консисторіи не пришлось бы ни разламывать дверей, ни закладывать стѣны, какъ они писали; но описывать книги и рукописи, согласно резолюціи епископа Виктора, необходимо было. И изъ-за этой описи въ консисторіи и составили особое представленіе въ отвѣтъ на резолюцію Владыки и придумали цѣлый рядъ возраженій, которыя при другихъ условіяхъ не имѣли бы мѣста.

Но епископъ Викторъ твердо стоялъ на своемъ прежнемъ опредѣленіи. „Сіе дѣло, написалъ онъ на докладѣ консисторіи, кажется, не заслуживаетъ дальняго вниманія и разсмотрѣнія. Поелику переносъ книгамъ изъ одной

---

[1]) Докладъ консисторіи написанъ 2 октября 1789 г.

палатки за надобностью въ другую никакимъ законамъ не противенъ, чего ради консисторіи исполнить по прежней резолюціи."

Консисторіи, послѣ такого подтвержденія со стороны Владыки объ исполненіи его резолюціи, оставалось лишь одно—просить объ отсрочкѣ возложеннаго на нее порученія, чтобы отдалить тѣмъ по возможности непріятное и хлопотливое дѣло. „А какъ нынѣ время осеннее, писали члены консисторіи, къ пересмотру тѣхъ книгъ, въ разсужденіи перемѣнной погоды, неспокойное, то не благоволено-ли будетъ отъ Его Преосвященства отсрочить до способнаго къ тому времени."

Отсрочка была дана до весны, и весной 1790 г. консисторія приступила къ разбору заложенныхъ въ каменной палаткѣ книгъ. Каменная дверь была разобрана въ присутствіи членовъ консисторіи, и книги перемѣщены въ другую палатку. Но дальше этого исполнительность членовъ консисторіи не пошла. Опись, которая могла бы хотя до нѣкоторой степени гарантировать сохранность переписанныхъ книгъ, не была составлена и на этотъ разъ. Этого мало. Трудность, встрѣченная при составленіи злополучной описи, повела теперь къ окончательному уничтоженію старинныхъ письменныхъ памятниковъ, причинившихъ столько безпокойства.

„Оныя книги, доносила еп. Виктору 12 апрѣля 1790 г. Суздальская духовная консисторія, исключая малое число, по свидѣтельству оказались въ такую гниль и истлѣніе пришедшими, что и листъ отъ листа раздѣлить не можно. Притомъ же оныя книги въ прошломъ 1753 году изъ епаршескихъ церквей и отобраны, яко церкви противныя и ко употребленію неспособныя". Отсюда консисторія находила вполнѣ естественнымъ поставить запросъ: „не благоугодно-ли будетъ повелѣть оныя книги всѣ безъ остатку, дабы онѣ понапрасну мѣста не занимали, сжечь?"

Епископъ Викторъ подъ настойчивымъ давленіемъ консисторскихъ рапортовъ наконецъ уступилъ, но предложилъ нѣкоторое ограниченіе; по его резолюціи предписывалось уничтожить только сгнившія и истлѣвшія книги. Ограниченіе это, конечно, не было принято во вниманіе, и книги сожжены всѣ.

18 іюня іеромонахъ Антоній, казначей дома Его Преосвященства, сообщилъ рапортомъ въ Суздальскую духовную консисторію, что сожженіе книгъ въ этотъ именно день приведено въ исполненіе. На соборномъ дворѣ освободилось сразу двѣ каменныхъ палатки. Въ палаткѣ подъ колокольней сложена была мѣдная и оловянная посуда.[1])

Долго-ли эта посуда хранилась подъ соборной колокольней, изъ архивныхъ дѣлъ не видно. Но во второй половинѣ XIX вѣка въ каменной подколокольной палаткѣ мы находимъ уже помѣщеннымъ, такъ называемый, Суздальскій архивъ, заключавшій дѣла трехъ духовныхъ консисторій,

[1]) Арх. Суздальской дух. консисторіи. 1789 г., № 461.

функціонировавшихъ въ XVIII вѣкѣ въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской епархіи. Правда, палатка на этотъ разъ уже не была наглухо заложена кирпичемъ, но вслѣдствіе сырости и по недостатку свѣта представляла для архива помѣщеніе, мало отвѣчающее самымъ обычнымъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ мѣстамъ, предназначеннымъ для храненія архивовъ. Притомъ доступъ въ эту палатку былъ открытъ и для стороннихъ людей, что представляло большую опасность съ точки зрѣнія сохранности дѣлъ въ порядкѣ и цѣлости. Быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ явилась бы снова необходимость прибѣгнуть къ такому же сожженію этихъ старинныхъ памятниковъ, какое устроено было въ Суздалѣ въ концѣ XVIII в., и подколокольной палаткѣ пришлось бы вторично быть косвенной виновницей гибели цѣнныхъ документовъ. Но къ счастію, покойный Архіепископъ Владимірскій Сергій во время обратилъ вниманіе на печальное положеніе Суздальскаго консисторскаго архива, и архивъ оказался въ мѣстѣ болѣе надежномъ и болѣе приспособленномъ къ его сохраненію, и такимъ образомъ былъ спасенъ для исторіи. Изъ него и позаимствована печальная повѣсть о томъ, какъ погибли въ концѣ XVIII вѣка старинные памятники, хранившіеся въ томъ самомъ помѣщеніи, которое при другихъ условіяхъ легко могло сдѣлаться могилою и для этого архива.

Оловянные сосуды въ церквахъ Владимірской епархіи.

Оловянные сосуды, представляющіе большую рѣдкость въ настоящее время, были явленіемъ обычнымъ въ сельскихъ церквахъ Владимірской епархіи въ половинѣ XVIII столѣтія. Бѣдность многихъ приходскихъ церквей дѣлала для нихъ расходъ на пріобрѣтеніе серебряныхъ сосудовъ трудно выполнимымъ, а установившаяся повсемѣстно практика, вошедшая въ обычай, и не выдвигала вопроса о замѣнѣ сосудовъ оловянныхъ серебряными, такъ какъ въ употребленіи оловянныхъ сосудовъ не усматривали какихъ-нибудь признаковъ недостаточно благоговѣйнаго отношенія къ Св. Дарамъ. Для многихъ памятны были еще сосуды деревянные, въ сравненіи съ которыми металлическіе, хотя-бы и изъ олова, представляли, конечно, громадный шагъ впередъ.

Со второй половины XVIII вѣка Владимірская епархіальная власть начинаетъ принимать нѣкоторыя мѣры къ введенію въ церквахъ сосудовъ серебряныхъ и къ совершенному упраздненію оловянныхъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1765 года, по распоряженію епископа Владимірскаго Павла, по всѣмъ благочиннымъ Владимірской епархіи разосланъ былъ указъ такого содержанія:

„По Указу Ея Императорскаго Величества, Преосвященный Павелъ, епископъ Владимірскій и Муромскій, разсуждая, что со вступленія Его Преосвященства въ свою епархію [1]) по производящимся въ духовной Его Преосвященства консисторіи объ освященіи вмѣсто сгорѣвшихъ и особливо вновь построенныхъ церквей дѣламъ усмотрѣно, что въ нерѣдкихъ церквахъ, коимъ объ освященіи требуются позволенія, имѣется ризницы и прочей церковной утвари довольное число, святыми иконами и прочимъ церковнымъ благолѣпіемъ весьма нескудно убраны, къ томужъ при тѣхъ церквахъ и приходы большіе; но при всемъ томъ часто бываютъ церковные сосуды оловянные, которые хотя имѣть и позволено, но по самой необходимой нуждѣ. А какъ святыя церкви строятся большею частью для того, чтобы въ оныхъ приносить всего рода человѣческаго Создателю безкровную жертву въ умилостивленіе къ отпущенію прегрѣшеній православнымъ христіанамъ; кромѣ того иныя тайны и службы могутъ отправляться и въ домѣхъ, самояжъ та безкровная жертва съ пресуществленіемъ Христа Спасителя нашего Пречистаго Тѣла и Крове, чего безъ сообщенія христіанамъ живота вѣчнаго наслѣдить неможно, совершается въ помянутыхъ сосудахъ; и въ разсужденіи таковой

[1]) Епископъ Павелъ опредѣленъ былъ на Владимірскую каѳедру 6 іюля 1762 г.; скончался во Владимірѣ 9 авг. 1769 г.

тайны, какъ не только здѣсь въ житіи, но и въ полученіи вѣчнаго наслѣдія христіанамъ главнѣйшимъ имѣется виномсловіемъ, соотвѣтствовать должно и сосудамъ, въ коихъ оная тайна совершаться имѣетъ. По причинѣ чего и надлежитъ по построеніи церквей во удовольствованіи оныхъ во первыхъ тщаніе имѣть, чтобы къ совершенію таковой нужнѣйшей тайны были необходимо серебряные сосуды, хотябъ въ другой утвари, а особливо въ священноцерковнослужительскихъ облаченіяхъ и меньшее было число, потому что въ количествѣ оныхъ законной нужды не состоитъ. И для того опредѣлилъ всѣмъ епархіи Его Преосвященства священноцерковнослужителямъ изъ консисторіи объявить, чтобы всякъ изъ нихъ, ежели гдѣ церковь вновь освящаема быть имѣетъ, прихожанамъ своимъ чинили довольное увѣщаніе, дабы оные ради вышеписанныхъ винословій какъ возможно, ежели бы гдѣ приходъ небольшой былъ, прилагали крайнѣйшее стараніе имѣть въ своей церкви сосуды серебряные, внутри же позлащенные, ибо чрезъ то только едино болѣе всѣхъ, какое бы во украшеніи церкви тщаніе кто не имѣлъ, теплѣйшее и искреннѣйшее къ почитанію чести Божіей засвидѣтельствовано быть имѣетъ усердіе; почему и въ отпускаемыхъ изъ консисторіи храмозданныхъ грамматахъ, чтобы сосуды были серебряные означать именно. Павелъ, Епископъ Владимірскій и Муромскій".

Таково содержаніе консисторскаго указа. При посредствѣ его предполагалось хотя въ церквахъ, которыя будутъ строиться вновь, ввести въ богослужебное употребленіе сосуды серебряные, взамѣнъ повсемѣстно распространенныхъ сосудовъ оловянныхъ.

Благочинные, которымъ были разосланы копіи этого указа, должны были поставить въ извѣстность о немъ всѣхъ подвѣдомыхъ имъ священнослужителей и взять съ нихъ соотвѣтствующія подписки въ строгомъ исполненіи объявленнаго [1]).

Но приведенный указъ епископа Павла естественно должны были принять во вниманіе и священнослужители тѣхъ приходовъ, въ которыхъ не было надобности воздвигать и освящать новую церковь. Примѣнительно къ основной мысли Преосвященнаго о важности и высотѣ таинства, совершаемаго на литургіи, они должны были приложить съ своей стороны все тщаніе, чтобы завести въ своихъ храмахъ сосуды серебряные. Упраздненію старыхъ оловянныхъ сосудовъ должно было содѣйствовать и нѣкоторое соревнованіе между прихожанами отдѣльныхъ приходовъ при благоукрашеніи своего храма. Разъ серебряные сосуды являлись въ одной церкви, о пріобрѣтеніи ихъ начинали думать и прихожане сосѣднихъ селъ.

Однако даже въ самомъ концѣ XVIII столѣтія далеко не всѣ церкви нашей епархіи завели у себя сосуды серебряные. Объ этомъ можно судить на основаніи одного изъ распоряженій епископа Суздальскаго и Владимірскаго Виктора отъ 3-го сентября 1795 года.

---

[1]) Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1765 г., № 8.

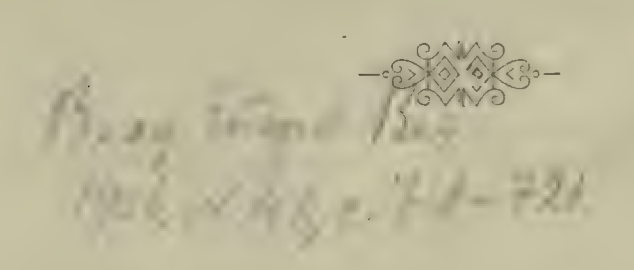
„При строеніи и освященіи новыхъ церквей, писалъ Преосв. Викторъ, въ данныхъ грамматахъ предписывается, чтобы въ нихъ сосуды были серебряные и внутри позлащенные. До свѣдѣнія же моего дошло, что во многихъ Суздальской епархіи церкахъ и понынѣ при священнослуженіяхъ употребляются къ крайней неблагопристойности оловянные, а въ нѣкоторыхъ таковые за излишествомъ и ветхостью лежатъ безъ употребленія. Чего ради консисторіи чрезъ духовныя правленія заказчикамъ и благочиннымъ предписать, имѣющіеся во всѣхъ градскихъ и сельскихъ церквахъ оловянные сосуды, какіе только окажутся, хотябы и ветхіе были, отобравъ представить съ описью въ Каѳедральный соборъ безъ замедленія, а вмѣсто оловянныхъ, гдѣ потребно, велѣть священно-церковно-служителямъ и прихожанамъ неотмѣнно купить серебряные, и по исполненіи консисторіи рапортовать".

Въ теченіе всей осени 1795 года въ Суздальскую духовную консисторію поступали оловянные сосуды, взятые заказчиками въ разныхъ церквахъ Суздальской епархіи. О числѣ ихъ можно судить на основаніи уже того, что одно Переславское духовное правленіе зарегистровало въ своей описи 45 церквей, въ которыхъ найдены были оловянные сосуды; въ Шуйской округѣ записано было 27 селъ.

Всѣ оловянные сосуды—какъ обветшавшіе, такъ и бывшіе еще въ употребленіи, согласно распоряженію епископа Виктора, сданы были консисторіей въ Суздальскій Каѳедральный соборъ подъ особую росписку [1]).

Дальнѣйшая судьба этихъ сосудовъ неизвѣстна. По всей вѣроятности, олово съ нихъ было утилизировано соборомъ для какихъ-нибудь церковныхъ надобностей....

Епископъ Викторъ употребилъ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ упраздненію оловянныхъ сосудовъ, и можно думать, что съ конца XVIII столѣтія они вышли изъ богослужебнаго употребленія во Владимірской епархіи.

[1]) Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1795 г., № 7.

Распоряженія епископа Іеронима, касающіяся отправленія богослуженій во Владимірской епархіи.

Епископъ Іеронимъ (Фармаковскій) правилъ Владимірской епархіей съ 1771 г. по 1783 годъ и оставилъ по себѣ память въ нашей мѣстной исторіи, какъ Владыка, при которомъ произошла реставрація Владимірскаго Каѳедральнаго Успенскаго собора, начатая, впрочемъ, еще при его предшественникѣ Павлѣ. Если разсматривать эту реставрацію со стороны сохраненія и возобновленія древнихъ художественныхъ сокровищъ нашего собора, то понятно ее нельзя признать исполненною удовлетворительно. Цѣнные памятники древне-русскаго иконнаго письма во время этой реставраціи были частію уничтожены, частію погребены подъ новою стѣнописью италіанскаго стиля. Оклады и вѣнцы съ ветхихъ образовъ и царскихъ дверей, а равнымъ образомъ нѣкоторыя золотыя и серебряныя вещи, взятыя изъ ризницы, были сплавлены или обмѣняны на монету. Но ставить это обстоятельство въ особую вину епископу Іерониму едва-ли можно. Онъ былъ въ этомъ отношеніи сыномъ своего вѣка и памятники древности цѣнилъ такъ же, какъ цѣнили всѣ вообще его современники. Во всякомъ случаѣ въ характерѣ реставраціи Успенскаго собора, произведенной при немъ, нельзя усматривать недостатка вниманія или безразличнаго отношенія со стороны Пр-осв. Іеронима къ предметамъ, имѣющимъ священно-богослужебное значеніе. До нашего времени сохранилось нѣсколько указовъ епископа Іеронима, которые, наоборотъ, говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ, ревнующемъ о благолѣпіи, торжественности и порядкѣ при богослуженіи. Ему мы обязаны установленіемъ тѣхъ празднествъ по случаю встрѣчи Боголюбскія иконы Божіей Матери, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ Владиміръ бываетъ ежегодно съ 21 мая по 16 іюня. Распоряженія этого рода, изданныя въ правленіе Владимірской епархіей Преосв. Іеронима, и будутъ составлять предметъ настоящей замѣтки.

Самымъ раннимъ распоряженіемъ еп. Іеронима изъ числа распоряженій, сдѣланныхъ имъ въ видахъ болѣе упорядоченнаго отправленія церковныхъ службъ, былъ указъ, изданный вскорѣ по вступленіи на Владимірскую каѳедру, о времени благовѣста въ церквахъ г. Владиміра. До сего времени благовѣстъ, очевидно, производился въ отдѣльныхъ церквахъ совершенно разновременно, въ зависимости отъ изволенія настоятеля, что конечно не могло не обратить вниманія новаго епископа тотчасъ же по прибытіи его во Владиміръ. 27 января 1771 года онъ распорядился „приказать консисторіи, чтобы всѣмъ здѣшнимъ градскимъ церковнослужителямъ подтверждено было, дабы при всѣхъ церквахъ, какъ въ воскресные и праздничные, такъ и про-

стые дни къ литургіямъ, утренямъ и вечернямъ благовѣстъ производимъ былъ въ то самое время, какъ при соборѣ начнется, неотмѣнно“ [1]).

Второе распоряженіе послѣдовало въ іюлѣ и касалось просфоръ, употребляемыхъ при богослуженіи священниками г. Владиміра. Замѣтивъ не вполнѣ внимательное отношеніе со стороны Владимірскаго духовенства къ требованіямъ, которыя предъявляетъ церковь на счетъ вещества, употребляемаго для совершенія таинства Евхаристіи, при чемъ такое отношеніе не могло быть оправдано и необходимостью, такъ какъ въ городѣ при желаніи можно было достать все нужное для этой цѣли, епископъ Іеронимъ распорядился чрезъ консисторію „строжайше объявить всѣмъ здѣшнимъ градскимъ священникамъ, дабы во всѣхъ церквахъ для служенія просфоры пріуготовляемы были изъ крупчатой или по необходимости изъ самой чистой и бѣлой пшеничной муки, печеныя искуснымъ образомъ и самаго добраго вкусу“. [2]).

Подошелъ конецъ 1771 г., приближались праздники. Епископъ Іеронимъ снова издаетъ распоряженіе, имѣвшее въ виду сообщить праздничному богослуженію въ Каѳедральномъ городѣ особенную торжественность. Въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года было приказано всѣмъ настоятелямъ штатныхъ монастырей епархіи „по древнему въ протчихъ епархіяхъ обыкновенію“ ежегодно являться для присутствованія при водоосвященіи 6 января „въ архіереопрестольный градъ Владиміръ“.

Впослѣдствіи Преосв. Іеронимъ еще болѣе увеличилъ число тѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ, которыя обязаны были являться для присутствованія на водоосвященіи 6 января въ г. Владиміръ. Въ концѣ 1776 года онъ распорядился являться во Владиміръ къ водоосвященію настоятелямъ и прочихъ (нештатныхъ) монастырей, т. е. Вязниковскаго Благовѣщенскаго, Санаксарскаго, Флорищевой и Саровской пустынь [3]), а также протопопамъ — Муромскому, Арзамасскому, Темниковскому, Починковскому и Вязниковскому

Всѣ перечисленные монастыри и города лежали въ немаломъ разстояніи отъ г. Владиміра и путешествіе изъ нихъ къ празднику Крещенія Господня въ г. Владиміръ представляло много затрудненій. Чтобы нѣсколько ослабить неудобства и тяготы, связанныя съ дальнимъ путешествіемъ, епископъ Іеронимъ распорядился въ тотъ же пріѣздъ во Владиміръ настоятелямъ и протопопамъ докладывать ему о поведеніи подвѣдомыхъ имъ духовныхъ лицъ. Такимъ образомъ, настоятели монастырей и протопопы городовъ освобождены были отъ необходимости вторично предпринимать въ одномъ и томъ же году дальный путь въ свой Каѳедральный городъ [4]).

1771 годъ былъ для Владимірской епархіи, какъ и для многихъ другихъ областей нашего отечества, годомъ испытаній. Нашу епархію посѣтила страшная болѣзнь — чума, унесшая немало жизней. Городъ Владиміръ

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. консист. 1771 г., № 20.

[2]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. консист. 1771 г., № 164.

[3]) Санаксарскій монастырь и Саровская пустынь входили тогда въ составъ Владимірской епархіи.

[4]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. дух. консист. 1776 г., № 154.

въ сравненіи съ другими мѣстами нашего отечества былъ пощаженъ. Въ связи съ этимъ стоитъ одно изъ важнѣйшихъ распоряженій еп. Іеронима, вызванное особымъ ходатайствомъ Владимірскихъ гражданъ и сохраняющее свою значимость до самаго послѣдняго времени — именно, распоряженіе о ежегодномъ [illegible] во Владиміръ изъ Боголюбова Боголюбскія иконы Божіей Матери. Консисторскій указъ касательно этого въ подлинникѣ читается въ такой формѣ.

„Какъ въ прошломъ 1771 году въ исходѣ сентября мѣсяца въ градѣ Владимірѣ оказалась продолжительная болѣзнь, то во время продолженія оной гражданскіе начальники и обыватели просили Его Преосвященства, чтобы ради умилостивленія всесильнаго и всемогущаго Бога, дабы оное праведное его наказаніе отвращено было, принесть изъ Боголюбовскаго монастыря образъ Божія Матери, нарицаемыя Боголюбивыя. Его Преосвященство, смотря на важность тогда бывшихъ обстоятельствъ, разсудилъ по оной просьбѣ сдѣлать удовольствіе. Почему оный образъ Божія Матери и принесенъ былъ во Владиміръ съ обыкновеннымъ крестнымъ хожденіемъ октября 22 числа того 1771 года, и съ того времени, бывши въ градѣ ноября до послѣднихъ чиселъ, ношенъ какъ въ имѣвшихся тогда крестныхъ хожденіяхъ, такъ и по желанію гражданъ, для отправленія предъ онымъ молебствія, въ домы ихъ. А какъ благодатію Божіею помянутая опасная болѣзнь во Владимірѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ того 1771 года совсѣмъ прекратилась, то нынѣ градскіе жители съ общаго своего согласія представили Его Преосвященству, дабы оный образъ Божія Матери и каждый годъ въ извѣстное время приношенъ былъ во Владиміръ, дабы вышеозначенное отъ милостиваго Бога оказанное благодѣяніе и въ послѣдующее время безъ забвенія свидѣтельствуемо было усерднымъ почтеніемъ и краткою благодарностію. Таковыя гражданъ представленія Его Преосвященство, находя справедливыми и благоугодными, чрезъ сіе опредѣляетъ, какъ нынѣ, такъ и въ послѣдующіе годы вышереченный образъ Божія Матери Боголюбивыя приносить въ градъ Владиміръ мая 21, а обратно въ монастырь относить іюня 17 чиселъ съ крестнымъ хожденіемъ и съ таковою церемоніею, каковая нынѣ отправляема быть имѣетъ, и о томъ въ Каѳедральный Успенскій соборъ и въ Боголюбовъ монастырь послать указы. Іеронимъ Епископъ Владимірскій. Мая 19 дня 1772 года.“ [1]).

---

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. консисторіи. 1775 г., № 105. Не съ этимъ-ли проявленіемъ особой милости Божіей, которое побудило Владимірцевъ ходатайствовать о ежегодномъ [illegible] приносѣ во Владиміръ Боголюбскія иконы Божія Матери, стоитъ въ связи [illegible] возбужденное ходатайство Суздальцевъ о постройкѣ за городомъ близъ Златоустовской церкви „для погребенія градскихъ жителей мертвыхъ тѣлъ каменной во имя Боголюбскія Пресвятыя Богородицы церкви съ двумя зимними придѣлами — во имя св. Іоанна Воинственника и священномученика Діонисія Ареопагита.“ Указъ Суздальской консисторіи, дозволяющій построить эту церковь, данъ былъ 2 мая 1774 года. Въ 1777 г. былъ готовъ придѣлъ въ честь Діонисія Ареопагита, но по распоряженію еп. Суздальскаго Тихона онъ былъ переименованъ въ придѣлъ Іоанна Предтечи (См. Арх. Суздальской дух. консисторіи. 1777 г., № 340). Правда, Суздаль въ то время принадлежалъ къ другой епархіи, но связь его съ Владиміромъ, [illegible] близости, была, конечно, также сильна, какъ и въ настоящее время. Болѣе важныя событія церковно-общественной жизни того и другого города не оставались безъ взаимнаго вліянія.

Въ слѣдующемъ 1773 году епископъ Іеронимъ издаетъ распоряженіе относительно совершенія въ градскихъ Владимірскихъ церквахъ всенощныхъ бдѣній. По смыслу этого указа тѣ дни, въ которые отправлялись всенощныя бдѣнія во Владимірскомъ Каѳедральномъ соборѣ, должны были освящаться такими же службами и въ другихъ церквахъ г. Владиміра. „Его Преосвященство повелѣть изволилъ, читалось въ указѣ, когда въ Успенскомъ соборѣ и кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней всенощныя бдѣнія будутъ, тобъ потомужъ оныя отправляемы были и во всѣхъ градскихъ церквахъ".

Въ послѣдующіе годы еп. Іеронимъ издалъ нѣсколько распоряженій, касающихся „благочиннаго поведенія молящихся за богослуженіемъ".

Еще предшественникъ Іеронима епископъ Павелъ неоднократно замѣчалъ въ разныхъ церквахъ своего служенія, что даже во время литургіи „стоящіи въ церкви простые люди, не зная строгихъ указныхъ запрещеній, а знатные уповательно отъ безстрашія различные о разныхъ матеріяхъ имѣютъ разговоры, чѣмъ подвергаютъ себя гнѣву Божію". Испытавъ всѣ средства мирнаго воздѣйствія для прекращенія такихъ безпорядковъ, Преосв. Павелъ обратился къ строгимъ указнымъ взысканіямъ, для чего во всѣхъ церквахъ епархіи повелѣлъ завести на цѣпяхъ ящики, куда опускались штрафы со всѣхъ, „кто по какому-либо безстрашію отваживался въ церкви разговаривать". Для пристойнѣйшаго наблюдательства за порядкомъ и взысканія штрафовъ въ Успенскомъ соборѣ, по требованію консисторіи былъ командированъ туда сержантъ Ефимъ Короткій. [1]).

Насколько при помощи такихъ штрафныхъ взысканій поддерживался за богослуженіемъ внѣшній порядокъ, сказать трудно. Но уже въ 1772 г. еп. Іеронимъ „при самоперсональномъ своемъ въ здѣшнихъ градскихъ церквахъ служеніи снова усмотрѣлъ, что многіе разнаго чина и званія люди, несмотря на публично выставленные листы, во время божественнаго пѣнія говорить отваживаются". Снова слѣдуетъ подтвержденіе указа. Отъ коменданта затребованъ былъ унтеръ-офицеръ для наблюденія въ соборѣ и взысканія съ говорящихъ штрафа. А когда присланному каптенармусу оказалось трудно управиться съ порученнымъ дѣломъ, запросили у коменданта въ помощь ему второго унтеръ-офицера. Просьба не была удовлетворена, хотя ее консисторія въ 1775 году усиленно повторила. [2]).

Еще хуже обстояло дѣло съ взысканіемъ штрафовъ въ приходскихъ церквахъ. Въ 1779 году въ консисторскій журналъ занесено сообщеніе, рисующее борьбу съ безчинствующими въ сельскихъ храмахъ въ самомъ неприглядномъ видѣ.

„Отъ нѣкоторыхъ Владимірскаго уѣзда разныхъ церквей священно-церковнослужителей, читаемъ въ этомъ журналѣ, а особливо с. Обращихи отъ священника донесено, что изъ тамошнихъ прихожанъ молодые ребята

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе „Изъ прошлаго Владимірской епархіи", вып. 1, стр. 50 - 56.

[2]) Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1765 г., № 129.

и дѣвки въ праздничные и воскресные дни во время служеній церковныхъ, будучи въ церкви, производятъ пустошные разговоры, особливожъ стоя на папертяхъ церковныхъ дѣлаютъ безчинные смѣхи и срамословія. Къ прекращенію чего хотя приходскими священниками довольно увѣщеваемы и страхомъ гнѣва Божія воспрещаемы были, чего однако они не мало не слушаютъ, а положенныхъ штрафовъ взыскивать съ нихъ тѣ священноцерковнослужители никакъ не могутъ, опасаясь себѣ за то отъ всѣхъ прихожанъ не только притѣсненій и обидъ, но и тѣлесныхъ побой".

Согласно распоряженію еп. Іеронима, консисторія, заслушавъ это сообщеніе, опредѣлила: „Во Владимірское намѣстническое правленіе послать сообщеніе и требовать, дабы оное благоволило Владимірскаго уѣзда по селамъ всякаго чина и званія жителямъ чрезъ кого надлежитъ подтвердить письменно, чтобы оные во время церковныхъ служеній какъ въ церквахъ, такъ и на папертяхъ церковныхъ никаковыхъ разговоровъ, смѣху и срамословія за состоявшимися запретительными указами не производили: а если бы кто и за такимъ подтвержденіемъ чинить оное отважился, оные бы при взысканіи въ церквахъ повелѣнной штрафъ платили безъ супротивленія" [1]).

Что отвѣтило на это отношеніе консисторіи Владимірское намѣстническое правленіе, изъ дѣла неизвѣстно. Но едва ли отвѣтъ послѣдовалъ въ желательномъ для консисторіи смыслѣ. Еще переписка объ унтеръ-офицерахъ для Каѳедральнаго собора довольно ясно говоритъ за то, что гражданская власть ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ по введенію благочинія при богослуженіи относилась отрицательно и къ концу 70 годовъ XVIII столѣтія, кажется, совершенно прекратила присылку военныхъ лицъ для наблюденія за говорящими.

Въ томъ же 1779 году еп. Іеронимъ издаетъ циркулярное распоряженіе, вызванное раздорами и несогласіемъ между священниками въ двухштатныхъ и трехштатныхъ приходахъ. Распоряженіе это имѣло въ виду вообще урегулировать взаимныя отношенія между членами причта такихъ приходовъ, но въ частности касалось первенства при богослуженіи. Въ указѣ читалось: „При двоеприходныхъ и троеприходныхъ церквахъ, гдѣ имѣются произведенные изъ ученыхъ священники тѣмъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ старшему священнику, какъ въ церковномъ служеніи, такъ и приходѣ имѣть всегдашнее предъ товарищами своими первенство" [2]).

Къ устраненію своеволія и непослушанія со стороны младшихъ членовъ клира и объединенію церковнобогослужебной дѣятельности священнослужителей направленъ и указъ 1780 года. Онъ касается нѣкоторыхъ самовластныхъ дѣйствій со стороны діаконовъ, о чемъ доведено было до свѣдѣнія Преосв. Іеронима.

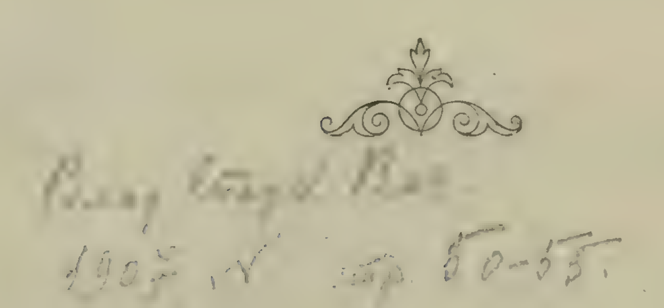
„Какъ де Его Преосвященства до свѣдѣнія дошло, что находящіеся епархіи Его Преосвященства при нѣкоторыхъ церквахъ діаконы о святой

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. дух. консисторіи. 1779 г., № 89.

[2]) Суздальскій архивъ. Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1779 г., № 158.

Пасхѣ и храмовыхъ праздникахъ по приходскимъ домамъ, взявши изъ церквей самовольно святыя евангелія, ходятъ одни безъ священниковъ и для того отъ Его Преосвященства въ духовныя правленія и Владимірскаго уѣзда къ благочиннымъ и смотрителямъ послать указы и велѣть находящимся при церквахъ діаконамъ объявить съ подписками, чтобы они въ дни святыя Пасхи и въ храмовыя праздники одни со святымъ евангеліемъ и другими святыми иконами отнюдь не ходили, а ходили бы каждый при своемъ священникѣ вообще и были бы у священниковъ въ надлежащемъ послушаніи, а если кто за симъ подтвержденіемъ оное откажется дѣлать, объ ономъ священникамъ съ причетники въ консисторію репортовать неупускно" [1]).

Изъ послѣдующаго времени не имѣется свѣдѣній о какихъ нибудь новыхъ распоряженіяхъ еп. Іеронима, касающихся богослужебнаго порядка. 3 авг. 1783 г. Преосв. Іеронимъ скончался.

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. дух. консисторіи. 1780 г., № 64.

Заботы еп. Іеронима о возвышеніи нравственности и благоприличія Владимірскаго духовенства.

Принимая мѣры къ упорядоченію и болѣе благолѣпному совершенію церковнаго богослуженія, епископъ Іеронимъ не могъ оставить безъ вниманія и совершителей этого богослуженія. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что нравственность духовенства Владимірской епархіи стояла въ половинѣ XVIII в. далеко не на должной высотѣ. Находясь довольно значительный періодъ времени внѣ непосредственнаго надзора архипастырей, Владимірская епархія ко времени своего возстановленія (1744 г.) представляла малоутѣшительную картину религіозно-нравственной жизни, и первымъ ея епископамъ понадобилось въ этомъ отношеніи положить много трудовъ для водворенія на первыхъ порахъ хотя бы только чисто внѣшняго порядка. Первому епископу нашему Платону пришлось для достиженія этой цѣли обращаться даже къ мѣрамъ довольно крутымъ и суровымъ.

Нѣсколько распоряженій, касающихся благоповеденія священнослужителей, издано было и въ правленіе Владимірской епархіей епископа Іеронима.

Первое распоряженіе этого рода опубликовано было вскорѣ же по вступленіи Преосв. Іеронима на Владимірскую каѳедру; оно, вѣроятно, обязано было своимъ появленіемъ тѣмъ неблагопріятнымъ первымъ впечатлѣніямъ, какія получилъ Владыка на новомъ мѣстѣ своего служенія.

Въ іюнѣ 1771 года отъ имени Преосв. Іеронима передано было въ консисторію для соотвѣтствующихъ распоряженій слѣдующее приказаніе.

„Какъ де по правиламъ святыхъ отецъ и по Духовному Регламенту священному чину въ корчемницы входить и упиваться весьма запрещено, нынѣ же Его Преосвященству извѣстно стало, что нѣкоторые градскіе и сельскіе священноцерковнослужители ходятъ въ питейные домы и бродятъ оттуда пьяные, чѣмъ наносятъ себѣ, а притомъ и прочимъ воздержнымъ нареканіе, простолюдинамъ же немалый соблазнъ; того ради Его Преосвященство приказалъ строжайше отъ консисторіи подтвердить, чтобы всѣ священноцерковнослужители отъ того удержались, въ чемъ надъ ними наблюдать. Кто впредь въ питейныхъ домахъ или по улицамъ пьяны бродящіе явятся, оныхъ брать и приводить въ консисторію, гдѣ съ нихъ взыскивать положенный въ патріаршихъ статьяхъ штрафъ“.

По выслушаніи приказа, въ консисторіи опредѣлили: „Означенное Его Преосвященства приказаніе всѣмъ здѣшнимъ градскимъ священноцерковнослужителямъ объявить съ подпискою, а чтобы надъ ними и прочими пріѣз-

жающими сюда священноцерковнослужителями по предписанному Его Преосвященства приказанію неупускно наблюдаемо и исполненіе чинено было, въ томъ здѣшняго благочиннаго, также и консисторскихъ приставовъ обязать особливыми съ подтвержденіемъ подписками".

Послѣ этого опредѣленія со всѣхъ священноцерковнослужителей г. Владиміра взята была подписка въ точномъ исполненіи и наблюдательствѣ указнаго повелѣнія. Консисторскіе пристава и градской благочинный подписались подъ особой бумагой, въ которой имъ угрожали въ случаѣ попустительства съ ихъ стороны „неизбѣжнымъ за то истязаніемъ". [1]).

Второе извѣстное по архивнымъ дѣламъ распоряженіе епископа Іеронима, направленное къ поднятію нравственной жизни Владимірскаго духовенства, объявлено было въ 1779 году. Ближайшимъ поводомъ къ изданію его послужила необходимость урегулировать взаимныя отношенія между членами причтовъ въ многоштатныхъ приходахъ. Рѣшая этотъ вопросъ въ смыслѣ предоставленія первенства въ такихъ приходахъ священникамъ, получившимъ школьное образованіе, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ старшимъ по возрасту [2]), указъ, изданный епископомъ Іеронимомъ, коснулся и вообще жизни духовенства въ сельскихъ приходахъ Владимірской епархіи и предписалъ священникамъ имѣть неослабный и отвѣтственный надзоръ за младшими членами клира.

„Оному первенствующему, читаемъ въ указѣ, дабы священноцерковнослужители въ церкви и въ [illegible] свои исполняли тщательно и исправно, житіе имѣли добропорядочное, не упивались и въ питейные дома не ходили, смотрѣть и наблюдать неослабно. Если же кто изъ священниковъ и діаконовъ окажется въ исправленіи церковной должности нерадивымъ и въ нетрезвомъ житіи, объ ономъ съ прочими священноцерковнослужителями вообще представлять въ консисторію; церковниковъ же въ такомъ случаѣ сперва при собраніи священниковъ и діаконовъ наказывать словами, потомъ, буде неисправнымъ же кто явится, штрафовать въ церкви поклонами. А кто когда чѣмъ и за что изъ нихъ оштрафованъ будетъ, объ ономъ обще съ священниками и діаконами имѣть записку. Если же кто изъ церковниковъ и за таковыми штрафованіями въ церковной должности пребывать отважится неисправнымъ и отъ пьянства не воздержится, о томъ и сколько онъ кратъ къ воздержанію того штрафованъ будетъ, представлять обстоятельно на разсмотрѣніе въ консисторію. Таковымъ же образомъ поступать во всемъ непремѣнно и при одноприходскихъ церквахъ священникамъ со своими церковниками". [3]).

При такомъ внимательномъ отношеніи ко всему, что касалось возвышенія нравственнаго уровня духовенства, епископъ Іеронимъ не опускалъ изъ виду и чисто внѣшняго благоприличія подвѣдомыхъ ему пастырей. [illegible]

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1771 г., № 141.

[2]) См. выше, стр. 45.

[3]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. дух. консисторіи. 1779 г., № 158.

это благоприличіе могло содѣйствовать возвышенію ихъ авторитета въ средѣ руководимой ими паствы.

Еще при предшественникахъ Преосв. Іеронима былъ поднятъ вопросъ о болѣе благоприличномъ, соотвѣтствующемъ указнымъ распоряженіямъ, внѣбогослужебномъ одѣяніи духовенства, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно являлось въ городъ и представлялось епархіальному архіерею. Болѣе ранніе распоряженія въ этомъ родѣ восходятъ ко времени управленія Владимірскою епархіею архіепископа Антонія, царевича Карталинскаго, для котораго, какъ для человѣка мало знакомаго съ обычаями и жизнью центральной Руси, одѣяніе нѣкоторыхъ священнослужителей, являвшихся къ нему по дѣламъ, казалось особенно страннымъ и неприличнымъ.

„Его Преосвященствомъ, читаемъ въ одномъ изъ консисторскихъ журналовъ времени архіепископа Антонія, усмотрѣно много епархіи Его Преосвященства священнослужителей безъ рясъ и безъ сапоговъ въ лаптяхъ ходящихъ, а священному чину такъ ходить весьма неприлично и, чтобы де впредь такъ не ходили, Его Преосвященство приказалъ отъ консисторіи куда надлежитъ подтвердить накрѣпко указами“.

Заслушавъ приказаніе архіепископа Антонія, консисторія распорядилась: „Въ подчиненныя Владимірской консисторіи мѣста послать указы и велѣть, чтобы отселѣ епархіи Его Преосвященства всѣ священнослужители верхнюю одежду, обыкновенно называемую рясами, носили долгую до самой почти земли, и ходили бы всегда въ сапогахъ и не простовласые, а просто безъ рясъ и безъ сапоговъ отнюдь бы ходить не дерзали, въ чемъ и обовязать ихъ крѣпкими подписками, съ тѣмъ, что ежели кто впредь будетъ усмотрѣнъ въ таковомъ же безпорядочномъ безъ рясъ и не въ сапогахъ хожденіи, то неотмѣнно будетъ штрафованъ по надлежащему, понеже въ прибавленіи Духовнаго Регламента въ 28-мъ пунктѣ между прочимъ повелѣно, чтобы священнослужители хранили на себѣ благообразіе, а именно, чтобы одѣяніе ихъ верхнее, хотя убогое, но чистое было и не ходили бы простоволосы“. [1]).

Но одними приказами и подписками трудно было уничтожить явленія, которыя стояли въ тѣсной связи съ общими условіями общественно-экономическаго положенія духовенства. Неблагообразія, на которыя жаловался архіеп. Антоній, продолжались и при его преемникахъ, такъ что уже Преосв. Іерониму пришлось издать почти аналогичный указъ, съ тою только разницею, что еп. Іеронимъ точно обозначилъ штрафъ, какому должны подвергаться лица, нарушившія указное распоряженіе.

„Въ прибавленіи Духовнаго Регламента, говорилось въ указѣ еп. Іеронима, о причтѣ церковномъ въ 28 пунктѣ священноцерковнослужителямъ повелѣно хранить на себѣ благообразіе, чтобы одѣяніе ихъ верхнее, хотя убогое, но чистое было, и единой черной, а не иной краски, не ходили бъ

[1]) Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1758 г., дополн. оп., № 2.

простоволасы, не ложилися бы спать по улицамъ, не пили бъ по кабакамъ, не являли бъ въ гостяхъ силы и храбрости къ питію и прочая симъ подобная; таковая бо неблагообразія показуютъ ихъ быти ярыжными, а они поставлены пастырями и отцами въ народѣ. Но какъ Его Преосвященство довольно присмотрѣлъ, что многіе епархіи Его Преосвященства священники и діаконы здѣсь не только по граду ходятъ, но и въ домъ Его Преосвященства приходить отваживаются въ лаптяхъ, а особливо и безъ рясъ, въ такомъ точно или еще и худшемъ одѣяніи, какое простолюдины носятъ, по причинѣ чего и распознать ихъ съ тѣми простолюдины неможно, и тѣмъ они явно на себѣ никакого не хранятъ благообразія, а духовный чинъ подвергаютъ немалому нареканію: во отвращеніе чего сего 1774 года марта 20 дня отъ Его Преосвященства повелѣно всѣмъ находящимся въ епархіи Его Преосвященства священникамъ и діаконамъ, здѣшнимъ въ консисторіи, а по Владимірскому уѣзду чрезъ благочинныхъ, по прочимъ же городамъ чрезъ тамошнія духовныя правленія объявить съ подписками, чтобы оные священники и діаконы отнынѣ впредь, по содержанію вышепрописаннаго изъ Духовнаго Регламента 28-го пункта, въ ношеніи на себѣ одежды, хранили пристойную опрятность и благообразіе, и для того какъ въ домѣхъ своихъ въ приходы, кромѣ исправленія домашнихъ работъ, такъ и въ городѣхъ ходили, а особливо въ домъ Его Преосвященства приходили въ сапогахъ и рясахъ, а безъ того въ простолюдинскомъ платьѣ отнюдь не ходили бъ и тѣмъ бы на себѣ неблагообразія не оказывали; которые подписки собрать съ нихъ изъ всѣхъ мѣстъ и прислать въ консисторію при репортахъ немедленно. Но если и за симъ подтвержденіемъ кто-либо изъ священниковъ и діаконовъ присмотрѣнъ гдѣ будетъ безъ рясъ и сапоговъ, съ таковыхъ, яко о чинѣ и званіи своемъ нерадящихъ и тѣмъ не только самимъ себѣ, но и всему священному чину нареканіе наносящихъ, взыскивать по здѣшнему уѣзду консисторіи Его Преосвященства, а по прочимъ городамъ въ тамошнихъ правленіяхъ штрафъ, за каждый разъ съ священника по 50 к., а діакона по 25 коп., и тѣ деньги записывать въ приходъ и присылать изъ духовныхъ правлений по третямъ года въ консисторію при репортахъ" [1]).

Но и этотъ указъ не положилъ конца „неблагообразію". Съ вопросомъ о соотвѣтствіи внѣшней формы духовенства съ высотою его внутренняго призванія пришлось считаться и послѣдующимъ Владимірскимъ епископамъ. Епископъ Викторъ возвысилъ штрафъ за явку священнослужителей въ публичныхъ мѣстахъ безъ рясъ или вообще въ неприличномъ видѣ до одного рубля за каждый отдѣльный случай. Штрафныя деньги по этой статьѣ опредѣлено было употреблять на богоугодныя дѣла. Требованіе это при еп. Викторѣ выполнялось со всей строгостью. Такъ, въ 1795 г. одинъ свящ. с. Аѳанасьевскаго, Шуйскаго округа, Иванъ Григорьевъ, который по несостоятельности отказался отъ внесенія указнаго штрафа за явку ко Владыкѣ въ не-

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Влад. дух. консисторіи. 1774 г., № 42.

благопристойномъ видѣ, былъ задержанъ въ консисторіи на хлѣбъ и воду въ теченіе трехъ сутокъ. [1]).

Практика еп. Виктора осталась дѣйствующею и при епископѣ Ксенофонтѣ, по крайней мѣрѣ въ первые годы его правленія. [2]).

---

¹) Арх. Влад. дух. консисторіи. Книга исходящихъ дѣлъ Суздальской дух. консисторіи. 1795 г., февр. 23, № 561.

²) См. подробнѣе Влад. Еп. Вѣд. 1898 г., № 13.

Къ исторіи Владимірской дух. семинаріи при епископѣ Павлѣ.

Періодъ управленія Владимірской епархіей епископа Павла (1763—69 г.) принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ въ нашей мѣстной исторіи. Письменныхъ памятниковъ за эти годы сохранилось во Владимірскомъ архивѣ очень ограниченное число, да и дошедшія памятники относятся главнымъ образомъ къ разряду ставленническихъ дѣлъ, дающихъ мало такого матеріала, который можетъ имѣть историческое значеніе. Мало свѣдѣній сохранилось за это время и касательно Владимірской духовной семинаріи. Исторію семинаріи этого періода приходится возстановлять главнымъ образомъ путемъ догадокъ, предположеній, на основаніи лаконичныхъ экстрактовъ изъ дѣлъ, находимыхъ въ исходящихъ и входящихъ книгахъ того времени. Благодаря этому по мѣстамъ пришлось ограничиться лишь голымъ перечнемъ именъ и цифръ.

Пробѣлъ этотъ, какъ оказывается, можетъ до нѣкоторой степени восполнить архивъ Суздальскій, недавно перевезенный во Владиміръ. Въ немъ найдено довольно значительное количество дѣлъ, относящихся къ исторіи Владимірской епархіи до соединенія ея съ Суздальской въ 1788 г. Правда, дѣла эти начинаются лишь съ 1769 г., т. е. съ года смерти епископа Павла, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились данныя, касающіяся и болѣе ранняго времени.

Одно изъ такихъ дѣлъ знакомитъ насъ съ вопросомъ о матеріальномъ положеніи Владимірской семинаріи въ первые годы по опредѣленіи правительствомъ штатной суммы на ея содержаніе.

Какъ извѣстно, до 1764 года наша семинарія содержалась въ счетъ сборовъ съ епархіи въ размѣрѣ $^1/_{20}$ съ монастырей и $^1/_{30}$ съ священноцерковнослужителей приходскихъ церквей. Сборы эти стоили семинаріи многихъ хлопотъ, выколачивались съ большимъ трудомъ и сопровождались постоянными недоимками. Но тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, они давали въ общемъ итогѣ сумму, которая позволяла семинаріи не только существовать, приглашать со стороны учителей, но и завести нѣчто въ родѣ казеннокоштнаго общежитія, бурсы.

Въ 1764 году этотъ способъ обезпеченія духовныхъ школъ былъ прекращенъ. Въ Высочайшемъ указѣ, полученномъ еп. Павломъ 27 марта 1764 г., взамѣнъ сборовъ съ священноцерковнослужителей, правительство обѣщало на содержаніе семинаріи „знатную повсягодно отпускать сумму“ изъ коллегіи экономіи. Чрезъ годъ во Владимірѣ стала извѣстна и величина

этой суммы. Оказалось, что на Владимірскую семинарію положено было по штату 653 р. 55 к. въ годъ, т. е. въ нѣсколько разъ меньше того, чѣмъ при всѣхъ недоимкахъ и недочетахъ семинарія получала до сихъ поръ съ епархіи. Дальнѣйшій ростъ семинаріи былъ надолго пріостановленъ. Даже болѣе того,—пришлось по необходимости сокращать и урѣзывать дѣло, доселѣ поставленное довольно широко и успѣшно.

Одинъ изъ документовъ Суздальскаго архива [1]) и даетъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ Владимірская семинарія рѣшила по введеніи штата тяжелый для нея вопросъ объ условіяхъ своего дальнѣйшаго матеріальнаго существованія.

Въ мартѣ 1769 года учитель семинаріи Петръ Тепеневъ, преподававшій съ 1768 г. философію, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы въ семинаріи „для сысканія спокойнѣйшаго мѣста“. Просьба была удовлетворена, и затѣмъ послѣдовалъ обычный запросъ со стороны семинаріи о дальнѣйшемъ распредѣленіи учительскихъ должностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и штатной суммы. Консисторія составила росписаніе, утвержденное еп. Павломъ, которое, конечно, въ существенныхъ чертахъ воспроизводило росписаніе прежнее съ замѣною лишь учительскаго персонала, восполненнаго іеромонахомъ Варлаамомъ (его предполагали вызвать изъ Саровской пустыни), и нѣкоторымъ измѣненіемъ въ распредѣленіи ихъ содержанія.

Въ росписаніи консисторіи 653 р. 55 к. распредѣлены были слѣдующимъ образомъ.

„Первому учителю Кириллу Добровольскому сорокъ восемь рублевъ [2]), второму учителю Родіону Раменскому тридцать девять рублевъ и третьему учителю іеромонаху Варлааму восемнадцать рублевъ. Болѣе сего числа учителей не полагается для того, что по произведенію жалованья прибавить не изъ чего. А какъ нынѣ будетъ только трое учителей, то имъ преподавать: первому философію и піитику [3]), второму риторику, грамматику и синтаксиму, а третьему нижніе два класса, коимъ опредѣленное жалованье производствомъ начать съ слѣдующаго мѣсяца мая и выдавать по прошествіи каждой трети по представленіямъ отъ ректора [4]) съ засвидѣтельствованіемъ о преподаваніи ихъ ученія“.

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1769 г., № 22.

[2]) Петръ Тепеневъ получалъ 60 руб. въ годъ,—можетъ быть, какъ обучавшійся въ семинаріи Троицкой лавры.

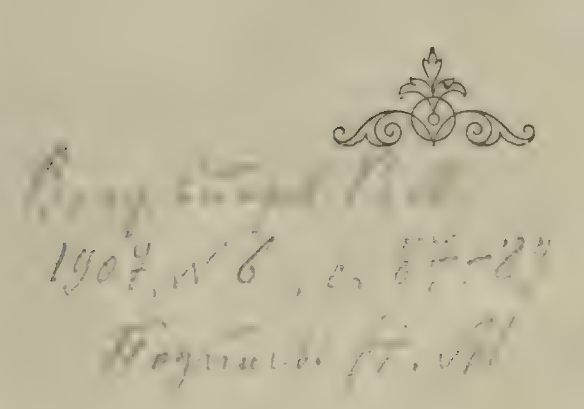
[3]) Съ января мѣсяца 1772 г. философію и піитику преподавалъ учитель Казанской семинаріи, выписанный во Владиміръ еп. Іеронимомъ, Ѳеодоръ Мосуновъ, впослѣдствіи префектъ семинаріи и игуменъ (Ѳеофилактъ) Боголюбова монастыря. Это былъ хорошо подготовленный наставникъ, знакомый даже съ новыми иностранными языками. Послѣ его смерти (1 апр. 1776 г.) при описи его библіотеки найдены были нѣмецкія книги. Но въ семинаріи не нашлось человѣка, умѣющаго читать по нѣмецки, и книги были зарегистрованы подъ общимъ названіемъ, изобличающимъ невѣжество лицъ, составлявшихъ опись: „нѣмецкихъ въ восьмуху печатныхъ десять книгъ, силу въ себѣ неизвѣстно какую содержащихъ“. (Суздальскій архивъ. Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1772 г., № 232 и 1776 г., № 60).

[4]) Ректоромъ тогда былъ архимандритъ Цареконстантинова монастыря Авраамій; ему особаго содержанія отъ семинаріи не положено.

„Числу учениковъ въ семинаріи быть прежнему пятьдесятъ человѣкъ. Имъ на пищу производить вышнихъ школъ двадцати человѣкамъ по три копѣйки на день—двѣсти девятнадцать рублевъ [1]), нижнихъ школъ тридцати человѣкамъ по двѣ копѣйки на день—двѣсти девятнадцать рублевъ. На наемъ трехъ сторожей съ лошадью съ октября по май—тридцать рублевъ; а съ мая по октябрь по одному сторожу съ лошадью— семь рублевъ“.

„За всѣмъ вышеписаннымъ расходомъ остальныя деньги семьдесятъ три рубля 55 к. употребить на покупку въ семинарію дровъ и на починку ветхостей“.

Вотъ въ какія тяжелыя матеріальныя условія была поставлена Владимірская семинарія послѣ введенія штатнаго оклада! Даже принимая во вниманіе существовавшія тогда цѣны на предметы первой необходимости [2]), должно сказать, что содержаться на двѣ копѣйки въ день ученику не было никакой возможности, точно также какъ и учителю на 18 руб. въ годъ. Притомъ должно замѣтить, что въ консисторское росписаніе совершенно не вошелъ расходъ на предметъ, составляющій жизненный нервъ всякаго упорядоченнаго учебнаго заведенія—библіотеку. Книги для чтенія и учебныя должны были пріобрѣтаться учениками изъ собственныхъ средствъ, что при тогдашнихъ условіяхъ экономическаго быта духовенства и отношенія его къ новозаведенной семинаріи являлось дѣломъ совершенно неосуществимымъ.

[1]) Разсчетъ денегъ на содержаніе учениковъ сдѣланъ на цѣлый годъ (365 дней), такъ какъ ученики въ то время рѣдко пользовались каникулярнымъ отпускомъ.

[2]) См. Исторія Владимірской духовной семинаріи, вып. 1, стр. 23, прим. 1.

Встрѣча Императрицы Екатерины II во Владимірской епархіи.

13 іюня 1767 года Императрица Екатерина II на пути изъ Казани остановилась въ г. Владимірѣ и посѣтила Владимірскій Успенскій соборъ. Къ посѣщенію этому Владиміръ заранѣе готовился. Былъ составленъ особый церемоніалъ встрѣчи высокой посѣтительницы, который дошелъ до нашего времени и на основаніи котораго можно до нѣкоторой степени возстановить картину того торжественнаго пріема, какимъ Владимірское духовенство, во главѣ съ епископомъ Павломъ, привѣтствовало Императрицу при входѣ ея въ вѣковую святыню епархіи —Каѳедральный соборъ. Порядокъ встрѣчи, въ которой принимали участіе и питомцы мѣстной школы, въ церемоніалѣ изложенъ въ такихъ выраженіяхъ.

„До пришествія Ея Императорскаго Величества въ городъ, при начавшемся благовѣстѣ, облачаются всѣ къ той Высочайшей встрѣчѣ принадлежащіе духовные чины въ первѣйшее священное облаченіе, а семинаристы въ пріуготовленное для ихъ платье, сколь возможно чисто и исправно.

„А какъ скоро Ея Императорское Величество въ городъ вступить изволитъ, то предшествующимъ на показанное для принятія мѣсто вначалѣ хоругвямъ и святымъ иконамъ, а потомъ священникамъ и прочимъ духовнымъ властямъ по два въ рядъ, безо всякаго утѣсненія, порядочно и невыходя одинъ предъ другимъ, слѣдуютъ за ними семинаристы почетверо, а за оными пѣвчіе жъ почетверо жъ въ рядъ, заключитъ всѣхъ оныхъ находящихся въ ходу Его Преосвященство, и пришедъ на показанное мѣсто въ томъ же порядкѣ остановятся по обѣ стороны одинъ противъ другою разстояніемъ на полъ аршина, съ тѣмъ токмо различіемъ, что идущіе младшіе, напредъ усмотря разстояніе до назначеннаго мѣста, остановляются по два такимъ же образомъ, какъ шли одинъ противъ другого, а послѣдующіе попарно, проходя остановившихся, становятся по прежнему по старшинству даже до архимандритовъ, кои мѣсто свое будутъ имѣть уже у самаго назначеннаго мѣста, а семинаристы становятся по осми человѣкъ въ рядъ предъ пѣвчими, пѣвчіе же за ними по двѣнадцати въ рядъ къ самому мѣсту, а Его Преосвященство, прошедъ сквозь весь ходъ, остановясь, ожидаетъ прибытія подлѣ пѣвчихъ. Сіе жъ для того учреждается, чтобъ въ ходу какъ впередъ, такъ и назадъ не нарушаемо было порядка. И когда Ея Величество, выступя изъ кареты, изволитъ приложиться къ святому кресту, то такъ скоро крестное хожденіе опять по прежнему слѣдуетъ и къ собору, а семинаристы съ пѣвчими обще поютъ сочиненные канты и дошедъ до церковныхъ дверей предшествующіе младшіе священники останавливаются отъ дверей по пути

одинъ противъ другого такимъ же образомъ, какъ шли, до тѣхъ, коимъ повелѣніе будетъ слѣдовать въ церковь; которымъ же приказанъ будетъ входъ въ соборъ, оные, вошедъ, обыкновенно станутъ по обѣ стороны, начавъ отъ Преосвященнаго, даже до святаго алтаря, а прочіе оставшіеся не вступаютъ въ соборъ, и потомъ по тѣхъ поръ, пока Высочайшее Ея Величества присутствіе во ономъ будетъ; а еслижъ и послѣ приказано будетъ, то и тогда бы шли подвое, какъ стояли порядочно, безъ всякаго замѣшательства и благопристойно, а семинаристы остановятся подлѣ самыхъ же церковныхъ дверей предъ священниками, по осми человѣкъ въ рядъ по прежнему.

„По вступленіи жъ Ея Величества въ соборъ, оставшіеся за церковью священники и семинаристы, перешедъ къ тѣмъ церковнымъ дверямъ, кои къ лѣтнему Его Преосвященства дому, становятся отъ тѣхъ дверей прежнимъ же порядкомъ, одинъ отъ другого на аршинъ, къ дому по галлереѣ, и стоять на одномъ мѣстѣ, не ходя впередъ никуда. А какъ Ея Величество изъ собора шествовать изволитъ въ лѣтній Его Преосвященства домъ, то тѣ духовные чины, кои будутъ въ церкви, предъидутъ прежнимъ порядкомъ какъ младшіе напередъ, а потомъ старшіе и становятся подлѣ тѣхъ, кои уже за соборомъ стояли по обѣ стороны одинъ противъ другого жъ даже до самаго дому, давая мимо себя шествіе Ея Величеству и прочимъ особамъ, а семинаристы, послѣдуя по прежнему архимандритамъ, а за ними пѣвчіе даже до самаго дому, поютъ канты.

„Когда жъ Ея Величество мимо стоявшихъ священниковъ и прочихъ духовныхъ въ домъ Его Преосвященства шествовать благоволитъ, тогда тѣ только, противъ которыхъ проходить изволитъ, со всякимъ благочестіемъ и благопристойностью, въ знакъ своего рабскаго почтенія, поклоняются не въ землю, но ниже пояса, освященной Ея Императорскаго Величества особѣ, а своей премилосердой Государынѣ и Самодержицѣ.

„По вступленіи же Ея Величества въ домъ всѣ духовные идутъ въ соборъ и, разоблачась, ожидаютъ въ соборѣ повелѣнія безотлучно, а семинаристы и пѣвчіе остаются у дому на галлереѣ и стоя по обѣ стороны тихо и порядочно во ожиданіи повелѣнія“. [1]).

Такъ должно было встрѣтить Императрицу Екатерину Владимірское духовенство при посѣщеніи ею Каѳедральнаго собора. Этого мало. Епископъ Павелъ принялъ мѣры къ тому, чтобы Императрицѣ оказана была подобающая честь при встрѣчѣ и въ другихъ мѣстахъ епархіи. Въ дѣлахъ консисторскаго архива сохранился указъ, изданный консисторіей и разосланный по епархіи за нѣсколько дней до прибытія Екатерины II. Въ немъ преподаны общія наставленія и предостереженія духовенству тѣхъ городовъ и селъ, чрезъ которыя имѣла проѣзжать высокая посѣтительница.

„1767 года мая 29, говорится въ указѣ, въ духовной Преосвященнаго Павла, епископа Владимірскаго и Муромскаго, консисторіи присутствую-

[1]) Церемоніалъ встрѣчи Екатерины II найденъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ В. И. Доброхотова († 1857). См. Влад. Губерн. Вѣдомости. 1876 г., № 4.

щій Боголюбскій игуменъ Иринархъ собранію словесно предложилъ, что Его Преосвященство повелѣлъ епархіи Его Преосвященства тѣхъ городовъ, чрезъ кои Высочайшее Ея Императорскаго Величества изъ Казани шествіе быть имѣетъ, въ духовныя правленія наикрѣпчайше подтвердить указами, дабы въ оныхъ городѣхъ обрѣтающимися духовными властьми и прочими священноцерковнослужителями (собравъ тѣхъ, ежели въ своемъ городѣ священниковъ немного, искуснѣйшихъ изъ уѣздовъ) надлежащая духовная Ея Императорскому Величеству встрѣча учинена была со всякимъ благочиніемъ и благолѣпіемъ. И дабы всѣ священноцерковнослужители чинно и трезвенно тогда находились, также и во всѣхъ церквахъ всякое благочиніе было, въ томъ строжайше управителямъ надсматривать, подъ опасеніемъ, ежели о каковыхъ неисправностяхъ Его Преосвященству впредь донесется, жестокаго виновнымъ наказанія. Причемъ въ Арзамасѣ особливое имѣть въ томъ наблюденіе Спасскаго монастыря игумену Іоасафу, коему и церковное благочиніе во всѣхъ церквахъ осмотрѣть и быть ему священноцерковнослужителямъ на то время во всемъ послушнымъ. А чтобъ и по тракту въ уѣздныхъ оныхъ городовъ селахъ подлежащая отъ церквей встрѣча Ея Императорскому Величеству неупускно жъ учинена была, о томъ изъ духовныхъ правленій, а въ Арзамасѣ обще съ реченнымъ игуменомъ послать въ тѣ селы съ наставленіемъ подтвержденія въ самоскорѣйшемъ времени. Того ради опредѣлено для дѣйствительнаго и неупускнаго по вышеписанному исполненію въ Арзамасское и Муромское духовное правленіе, также и къ помянутому игумену послать указы“ [1]).

[1]) Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1767 г., № 1.

Общія трапезы въ монастыряхъ Переславской епархіи.

Вопросъ объ общихъ монастырскихъ трапезахъ былъ поднятъ еще въ XVI столѣтіи на Стоглавомъ соборѣ. „Нѣкоторые архимандриты и игумены, говорилъ царь Іоаннъ Грозный на этомъ соборѣ, власти докупаются, а потомъ службы Божіей не служатъ, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ келліи и съ гостьми, да племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастырѣ и доволятъ всѣмъ монастырскимъ... тогда какъ бѣдные братія остаются алчны и жадны, терпятъ всякую нужду и не имѣютъ никакого покоя“.

Въ отвѣтъ на жалобы царя соборъ настойчиво потребовалъ отъ настоятелей монастырей ничего не предпринимать въ распоряженіи монастырскимъ имуществомъ безъ совѣта съ соборными старцами, казначеемъ и келаремъ и опредѣлилъ, чтобы они вмѣстѣ съ братіею посѣщали трапезу и и имѣли съ ними общій столъ; тамъ же въ трапезѣ они должны были принимать и гостей [1]).

Такія же требованія совмѣстной монастырской трапезы предъявлялись къ начальствующимъ монастырей и въ синодальный періодъ. „Духовный Регламентъ въ отдѣлѣ о монахахъ въ 24 и 25 пунктахъ ставитъ на этотъ счетъ рѣшительныя и опредѣленныя указанія. „Братіи всей и настоятелю, кромѣ общія трапезы, собственно по своимъ келліямъ не ясти кромѣ сущія нужды, или иныя благословныя вины. Пища и питіе и одѣяніе всѣмъ въ равенствѣ да будетъ, аще бо не тако, то всякъ тщатися будетъ красти, лишнихъ ради пищи и питія и одѣянія“...

Но въ синодальный же періодъ вопросъ объ общихъ монастырскихъ трапезахъ принимаетъ особенно острый характеръ въ виду ограниченій, которымъ подверглись вотчинныя монастырскія владѣнія. Съ назначеніемъ особыхъ штатныхъ окладовъ на содержаніе монастырей, при чемъ величина этихъ окладовъ опредѣлялась и росписывалась примѣнительно къ числу монаховъ, проживающихъ въ монастырѣ, въ нѣкоторыхъ обителяхъ стали предъявляться требованія со стороны братіи о выдачѣ штатнаго оклада на руки, съ тѣмъ, чтобы предоставить каждому возможность расходовать эти деньги на содержаніе по своему усмотрѣнію. Въ виду скромности штатныхъ окладовъ такое разрѣшеніе продовольственнаго вопроса и нѣкоторымъ изъ настоятелей представлялось наиболѣе удобнымъ и естественнымъ. Оно избавляло ихъ отъ лишнихъ хлопотъ и думъ по веденію монастырскаго хозяй-

[1]) См. подробно Исторія русской церкви митроп. Макарія, т. VII. СПБ. 1874, стр. 99—100.

ства и бюджета, въ которомъ поддерживать нужный балансъ, при ограниченности штатныхъ средствъ, было дѣломъ нелегкимъ. Въ жертву удобству въ данномъ случаѣ находили возможнымъ поступиться строгостью монастырской дисциплины.

Съ особенною настойчивостью требованія этого рода стали раздаваться со времени секуляризаціи церковныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II. Вопросъ о содержаніи монастырей былъ рѣшенъ окончательно и надолго, и притомъ въ довольно суровой формѣ, такъ что лицамъ, проживающимъ въ монастыряхъ, вполнѣ естественно было подумать объ условіяхъ и способахъ своего дальнѣйшаго существованія.

Въ архивѣ Переславской консисторіи сохранилось нѣсколько дѣлъ, обрисовывающихъ тѣ мѣропріятія, къ которымъ обратилось Переславское епархіальное начальство послѣ Екатерининскаго распредѣленія монастырей по штатамъ и связанныхъ съ этимъ распредѣленіемъ попытокъ со стороны нѣкоторыхъ монашествующихъ уничтожить монастырскія общія трапезы.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1765 года на имя Сильвестра, епископа Переславскаго, сразу поступило два доклада съ запросами, касающимися содержанія братіи въ монастыряхъ и дальнѣйшаго существованія общихъ монастырскихъ трапезъ.

Настоятель Іосифова Волоцкаго монастыря [1]) архимандритъ Адріанъ просилъ у епархіальной власти подтвердить прежнія распоряженія объ общихъ монастырскихъ трапезахъ, находя въ новыхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ со стороны монашествующихъ, начала мало совмѣстимыя съ интересами монастырской дисциплины.

„Въ Іосифовѣ монастырѣ имѣлась доселѣ въ силу правилъ святыхъ отецъ и Духовнаго Регламента общая для братіи трапеза, на которую употреблялся положенный въ 710 году по указу монастырскаго приказа хлѣбъ, съ прибавкою ко оному на покупку рыбы и прочаго изъ монастырской экономіи нѣкоторой денежной суммы; положенное жъ въ томъ же году имъ денежное жалованье по пяти рублевъ давалось на одежду и прочія нужды. А нынѣ оная братія положенное по нынѣшнему штату денежное жалованье все сполна брать и безъ общей трапезы себя содержать хотятъ. А понеже безъ содержанія общей трапезы оная братія будутъ лишены слышанія положенныхъ по уставу поучительныхъ словъ, также всякъ изъ оныхъ для полученія себѣ пищи претензію имѣть будетъ исходить изъ монастыря, отчего произойти могутъ монашескому чину непристойные и указомъ противные поступки, того ради Вашего Преосвященства прошу, дабы благоволено было о содержаніи общей трапезы по прежнему подтвердить на таковомъ основаніи, на каковомъ Ваше Преосвященство заблагоразсмотрѣть изволите“.

Настоятель Переславскаго Никитскаго монастыря архимандритъ Іеро-

[1]) Волоколамскій монастырь принадлежалъ въ то время къ Переславской епархіи.

нимъ, констатируя фактъ заявленія претензій со стороны монашествующихъ его обители, всецѣло передавалъ рѣшеніе дѣла на благоусмотрѣніе епископа Сильвестра, отказываясь высказать по этому вопросу свое сужденіе.

Эти два доклада и послужили ближайшимъ поводомъ къ изданію епископомъ Сильвестромъ общаго обширнаго указа, которымъ на будущее время должны были руководиться всѣ монастыри его епархіи. Въ этомъ указѣ собраны всѣ основанія въ защиту общихъ монастырскихъ трапезъ и даны подробныя наставленія, касающіяся такого распорядка монастырской жизни, при которомъ бы болѣе успѣшно достигались намѣченныя для монашества цѣли.

Какъ основанія въ пользу сохраненія общихъ монастырскихъ трапезъ, въ указѣ выставлены слѣдующія соображенія:

1. Общія монастырскія трапезы представляютъ „неизмѣнный уставъ и узаконеніе древнихъ отцевъ, чинъ монашескій предавшихъ“.

2. Онѣ предполагаются особыми правилами Духовнаго Регламента въ его узаконеніяхъ о монахахъ.

3. Правила эти на основаніи Высочайшихъ указовъ положено прочитывать еженедѣльно по воскреснымъ днямъ вслухъ всей братіи, что говоритъ „о Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества благоволеніи къ точнѣйшему учрежденнаго порядка наблюденію“.

4. При общей трапезѣ, за которой положено чтеніе духовныхъ книгъ, предлагается средство къ спасенію души и безграмотнымъ монахамъ.

5. При общихъ трапезахъ удобнѣе штрафовать нерадящихъ о своемъ спасеніи и опускающихъ безъ благословныя вины церковныя молитвы.

6. При существованіи общихъ трапезъ монахи освобождаются отъ излишнихъ заботъ о пищи и питіи, о пріобрѣтеніи необходимой одежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ пресѣкаются разнаго рода неустройства монастырской жизни, какъ-то — излишняя трата дровъ, волокита за монастырь изъ-за пріобрѣтенія столовыхъ припасовъ, смрадъ и нечистота въ келліяхъ, вызываемыя приготовленіемъ кушаній и проч.

7. Престарѣлые и больные монахи будутъ поставлены въ большое затрудненіе, если общія трапезы уничтожатся и заготовка пищи будетъ предоставлена усмотрѣнію каждаго монаха въ отдѣльности,—а такихъ немощныхъ и больныхъ братій въ монастыряхъ въ настоящее время, по словамъ указа, имѣется немало.

8. Въ отправленіи церковныхъ службъ, „за промышленіемъ каждому монаху повседневной для себя пищи“, произойдетъ задержка и препятствіе.

9. При общей трапезѣ устраняются поводы къ посѣщенію келлій монашескихъ со стороны родственниковъ и друголюбцевъ якобы для приношенія пищи и питія, что несомнѣнно произойдетъ съ уничтоженіемъ общихъ трапезъ.

10. Содержаніе всѣхъ братій вмѣстѣ общимъ столомъ обходится дешевле и можетъ быть поставлено лучше, чѣмъ пропитаніе каждаго въ от-

дѣльности. При условіяхъ общаго стола вмѣсто десяти братьевъ можно содержать тридцать.

11. Хотя по новымъ штатамъ каждому монаху его содержаніе расписано отдѣльно, но того, чтобы это содержаніе выдавалось каждому на руки, въ этихъ штатахъ не сказано,—да и не могло быть сказано, такъ какъ еще раньше въ этомъ отношеніи даны соотвѣтствующія предписанія въ Духовномъ Регламентѣ.

12. Еще въ 1710 году по штатамъ монастырскаго приказа содержаніе расписано было на каждаго монаха въ отдѣльности (по пяти рублей деньгами и по пяти четвертей хлѣба). Но однако имъ эти деньги на руки не выдавались: всѣ довольствовались общей трапезой, и если гдѣ общихъ трапезъ не существовало, то послѣднее происходило болѣе отъ ненаблюденія благопристойности и общежительныхъ монашескихъ правилъ.

13. При изготовленіи каждымъ монахомъ въ отдѣльности для себя пищи и питія настоятель монастыря потеряетъ возможность воспрещать инокамъ „частый изъ монастырей, а иногда и совсѣмъ ненужный исходъ изъ обители", благодаря чему, конечно, понизится уровень монастырской жизни и дисциплины.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ Преосв. Сильвестръ опредѣляетъ:

а) Во всѣхъ монастыряхъ Переславской епархіи начальствующимъ и монашествующимъ довольствоваться общею трапезою,—въ зачисленныхъ въ штатъ—изъ штатной суммы, а въ оставленныхъ на своемъ содержаніи изъ подаяній и другихъ монастырскихъ доходовъ. Что касается распорядка въ пользованіи монастырскимъ столомъ настоятелями обители, а равнымъ образомъ расходованія суммъ на пріемъ гостей, въ которыхъ монастырь имѣетъ нужду, то въ этомъ отношеніи въ каждомъ монастырѣ должно быть составлено соотвѣтствующее общебратское за подписью всѣхъ постановленіе, которое имѣетъ быть препровождено затѣмъ на архіерейское разсмотрѣніе и утвержденіе.

б) Въ трапезахъ во время кушанія всегда безъизятно читать житія святыхъ отецъ и поучительныя слова, а по днямъ воскреснымъ правила житія монашескаго, положенныя въ Регламентѣ, и синодальное опредѣленіе 1732 года объ исправленіи монашества.

в) Такъ какъ достаточно извѣстно, что многіе изъ монашествующихъ къ исправленію келейнаго правила не имѣютъ нужныхъ книгъ, а иногда и совсѣмъ не могутъ пользоваться книгами по безграмотности, то отнынѣ же учредить во всѣхъ монастыряхъ и пустыняхъ по окончаніи вечерняго моленія чтеніе келейнаго монашескаго правила съ присовокупленіемъ къ нему каноновъ, которые положено читать лицамъ, готовящимся къ исправленію священнослуженія.

г) Такъ какъ съ отнятіемъ вотчинъ монахи освобождены отъ излишнихъ мірскихъ заботъ, и иного какого-нибудь дѣла, кромѣ попеченія о спасеніи своихъ душъ, не имѣютъ, то настоятели монастырей, сверхъ поло-

женныхъ за трапезой чтеній, могутъ назначать еще особое время—всего лучше между утренею и литургіей—для чтенія душеполезныхъ книгъ и обученія монашествующихъ, а особливо молодыхъ и здоровыхъ „требуемому Регламентомъ искусству разумѣнія чтомаго“.

д) Иноковъ, нерадящихъ о своемъ спасеніи и опускающихъ безъ благословныя вины церковныя молитвы, штрафовать, согласно приложеннымъ при семъ указѣ пунктамъ, безупустительно.

е) Еще указомъ антецессора моего, пишетъ еп. Сильвестръ, Преосв. Арсенія, повелѣно было монашествующимъ четырежды въ годъ исповѣдываться и пріобщаться, о чемъ велѣно было въ концѣ каждаго года представлять въ консисторію особые экстракты. Но во всѣхъ-ли монастыряхъ совершается это душеполезное дѣло, за отсутствіемъ экстрактовъ, судить трудно. Преосв. Сильвестръ вновь подтверждаетъ это распоряженіе и велитъ консисторіи представить ему справки о тѣхъ монастыряхъ, отъ которыхъ экстрактовъ не поступило.

ж) Монашествующимъ въ келліи гостей „ни нарочно на пированіе, ни изъ церкви на препутіе безъ благословенія начальствующихъ не звать; и какъ входы и ночлеги въ мужскихъ монастыряхъ женамъ, а въ женскихъ мужеску полу въ келліи настоятельскія и монашескія вовсе пресѣчь, такъ и для обученія грамотѣ и разнымъ художествамъ никому изъ монашествующихъ безъ вѣдома или дозволенія ихъ начальствующихъ отнюдь никого не принимать“.

з) „Настоятелямъ монастырей для всегдашняго попеченія о ввѣренной имъ братіи безъ вѣдома и дозволенія архіерейскаго изъ монастыря въ другія епархіи и самимъ не отлучаться и порученныхъ имъ монаховъ въ города и села и по разнымъ монастырямъ и церквамъ для моленія и ради свиданія съ родными, кромѣ самыхъ правильныхъ и убѣдительныхъ винъ, не отпускать. Если же для исправленія какихъ-нибудь покупокъ откроется въ томъ настоятельная надобность, то отправлять казначея или другое лицо на сіе опредѣленное съ монастырскою подорожною, въ которой должно быть прописано, куда для чего и на какой срокъ посланный отправляется, и что онъ обязанъ вести себя въ пути трезвенно, останавливаться въ честныхъ и незазрительныхъ мѣстахъ и слѣдовать не другою какою-нибудь, а общею дорогою“. Въ случаѣ надобности послать кого-нибудь изъ иноковъ въ другую епархію по монастырскимъ нуждамъ, настоятель долженъ снестись съ духовною консисторіею, откуда и выдана будетъ ему соотвѣтствующая случаю подорожная.

и) Такъ какъ въ Переславской консисторіи не имѣется книгъ и табелей о монашествующихъ, которыя должны представляться сюда на основаніи синодальнаго указа 1732 г., то Переславской консисторіи предписывается забрать свѣдѣнія, имѣются-ли такія табели и книги въ самыхъ монастыряхъ и ведется-ли въ нихъ точная запись прибылыхъ и убылыхъ монаховъ.

к) „Всѣмъ настоятелямъ и настоятельницамъ накрѣпко наблюдать, дабы всѣ въ правилахъ отеческихъ, въ Регламентѣ Духовномъ и въ синодальныхъ опредѣленіяхъ изображенныя регулы, а особливо Регламентскія—19-е

о неимѣніи монашествующимъ служителей, кромѣ старыхъ и начальниковъ, 51-е о непринимании въ монастыри пришельцевъ, въ мужскіе—монаховъ, а въ дѣвичьи монахинь безъ надлежащихъ подорожныхъ, 26-е о недержаніи никому въ монастыряхъ чужихъ денегъ, пожитковъ и всякихъ сокровищъ—непремѣнно, неупустительно въ точной ихъ силѣ были сохраняемы подъ опасеніемъ означеннаго въ 50 Духовнаго Регламента правилѣ штрафа, и что повсюду все по вышепрописаннымъ законамъ имѣетъ быть исполняемо, а гдѣ что-либо противное онымъ воспослѣдуетъ, о томъ монастырскимъ начальствующимъ въ консисторію репортовать по прошествіи каждаго года безупустительно“.

Къ указу епископа Сильвестра приложено было „Изображеніе запрещеній, экстрактомъ выписанное съ печатныхъ о житіи братіи Александроневскаго монастыря листовъ 1723 года“.

Экстрактъ дѣлится на двѣ части. Первая содержитъ „запрещенія нехранящимъ чина молитвы“. Запрещенія эти идутъ въ такомъ порядкѣ:

1. Ежели который братъ вознерадитъ придти къ началу котораго-либо пѣнія, той во время обѣда собравшейся братіи въ трапезу да творитъ поклона три великіе, и испрося прощеніе у братіи, да сядетъ на послѣднемъ мѣстѣ.

2. Ежели который братъ не пріидетъ на полунощницу и въ начало утрени, въ такожъ трапезное собраніе да сотворитъ поклоновъ десять великихъ.

3. Ежели который братъ на утреню не пріидетъ, да сотворитъ поклоновъ тридцать великихъ, или да будетъ безъ пищи до вечера.

4. За часы тожъ, что и за полунощницу, поклоновъ десять великихъ.

5. За литургію въ такожъ трапезное собраніе поклоновъ пятьдесятъ великихъ, или да будетъ безъ пищи до вечера, а въ дни праздничные и вино съ пивомъ какъ за утреню, такъ и литургію да удержатся ему.

6. За девятый часъ тожъ, что и за начало, поклона три великіе на вечерней трапезѣ и да проситъ прощенія у братіи.

7. За вечерню тожъ, что и за утреню, поклоновъ тридцать великихъ, или да будетъ безъ пищи вечерней, гдѣ оная представляется.

8. За простое повечеріе тожъ, что и за полунощницу, десять поклоновъ на вечерней трапезѣ, за повечеріе жъ съ правиломъ, равно какъ за утреню поклоновъ тридцать великихъ.

9. Ежели который братъ отъ котораго-либо пѣнія прежде отпуста кромѣ крайней нужды изыдетъ, запрещеніе да пріиметъ за все, отъ котораго изыде.

10. Ежели который братъ во время церковнаго пѣнія и чтенія о чемъ-либо, кромѣ настоящей о порядкѣ молитвословія потребы, возглаголетъ неблагоговѣйно и не кротко, запрещеніе да пріиметъ тожъ, что и за полунощницу, поклоновъ десять великихъ въ церкви.

11 Ежели который братъ во время церковнаго пѣнія и чтенія смѣхо-

творитъ и кощунствуетъ, запрещеніе да пріиметъ тожъ, что и за утреню, поклоновъ тридцать великихъ въ церкви.

12. Ежели который братъ во время церковнаго пѣнія и чтенія сварится на кого, сквернословитъ или ропщетъ, запрещеніе да пріемлетъ тожъ, что и за литургію, поклоновъ пятьдесятъ великихъ въ церкви.

13. Ежели который братъ или бѣлецъ въ церкви дерзнетъ кого ударить, той да возмется въ смиреніе для наказанія по разсмотрѣніи вины.

14. Ежели который братъ учащаетъ преступленіе, да приложится тому сугубо запрещеніе.

15. Ежели который братъ, или бѣлецъ пренебрегаетъ покориться малымъ симъ запрещеніямъ, той и за малое преступленіе да накажется жесточайшимъ чимъ.

16. Ежели который братъ вознерадитъ придти на указное молебствіе, либо панихиду, о такомъ въ немедленности уставщику доносить для истязанія и сужденія.

Вторая часть запрещеній относится „къ нехранящимъ чина трапезнаго". Она содержитъ десять пунктовъ.

1. Ежели который братъ безъ благословной вины умедлитъ придти съ прочими на трапезу къ началу, и пришедъ послѣ начнетъ въ братіи смѣщенія творить, ища своего мѣста, таковый да лишенъ будетъ братскія пищи и питія и да ястъ хлѣбъ съ водою.

2. Ежели который братъ во время пѣнія въ трапезѣ кощунствуетъ и буесловитъ, да сотворитъ таможъде поклоновъ десять великихъ.

3. Ежели который братъ начнетъ роптати и охуждати пищу, тому да отымется братская пища и питіе и да ястъ хлѣбъ съ водою.

4. Ежели который братъ сквернословитъ и срамословитъ, тому да отымется братская пища и питіе, и да ястъ хлѣбъ съ водою, и сотворитъ поклоновъ двадцать великихъ въ трапезномъ собраніи.

5. Ежели который братъ возьметъ что кромѣ хлѣба и квасу отъ трапезы, отъ того взятое да отымется и да лишенъ будетъ пищи вечерней.

6. Ежели который братъ изречетъ что досадительное или противное настоятелю, или въ отсутствіи его уставщику, въ случаѣ его исправленія,— то да отымется братская пища и питіе и да накажется по разсужденію.

7. Ежели который братъ не покорится малымъ симъ запрещеніямъ, таковый немедленно да обложится узами до разсмотрѣнія.

8. Ежели который братъ дастъ другому удареніе, такожъ да обложится узами.

9. Ежели о вышеписанномъ изображеніи вознерадитъ уставщикъ и не будетъ братію исправлять по онымъ, долженъ быть истязанъ, яко развратникъ и разоритель монашескаго благочинія.

10. Ежели который братъ безъ благословенія настоятеля внѣ монастыря изыдетъ, таковой да возьмется въ смиреніе, а если къ тому самоволію приложится иное что-либо грѣховное, то да накажется по разсужденію преступства.

Всѣ эти запрещенія Преосв. Сильвестръ распорядился переписать на особливые листы и держать въ каждомъ монастырѣ, наклеивъ эти листы на стѣнѣ».

Указъ епископа Сильвестра затронулъ монастырскую жизнь болѣе глубоко, чѣмъ это вызывалось давшими поводъ къ указу запросами. Въ немъ начертанъ былъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію и упорядоченію монастырской жизни. Правда, большая часть этихъ мѣропріятій и распоряженій представляетъ ничто иное, какъ повтореніе того, что было дано и узаконено въ разное время раньше. Но теперь всѣ эти распоряженія были объединены, проникнуты ясно выраженнымъ стремленіемъ сообщить монастырской жизни строго общежитный характеръ съ общими братскими трапезами и не остались, конечно, безъ вліянія на теченіе монастырской жизни въ Переславской епархіи. Какъ бы то ни было, монастырямъ необходимо было съ ними считаться и въ случаѣ какихъ-нибудь препятствій къ проведенію ихъ въ жизнь, нужно было объясняться, отписываться.

Нѣкоторые монастыри, въ которыхъ не существовало общихъ трапезъ, пытались было отстоять старинную практику и просили по крайней мѣрѣ отсрочить заведеніе общихъ трапезъ. Но Преосв. Сильвестръ твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи и не принималъ никакихъ отговорокъ.

Такъ, игуменія Переславскаго Феодоровскаго дѣвичьяго монастыря Арсенія, получивъ указъ съ приложеніемъ запрещеній, вступила къ Преосв. Сильвестру съ доношеніемъ, въ которомъ писала:

„Въ томъ монастырѣ не точію принадлежащаго къ трапезѣ строенія и посуды не имѣется, но за малоположеніемъ, по нынѣшнему множеству въ наличіи монашествующихъ, на дрова и хлѣбъ, и къ заведенію необходимой къ общей трапезѣ посуды мало, почему завести вскорѣ общую трапезу неудобно“.

Епископъ Сильвестръ, получивъ этотъ докладъ, распорядился описать посуду, оставшуюся послѣ упраздненныхъ монастырей, и отдать во временное пользованіе игуменіи Феодоровскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи эта посуда была возвращена обратно, куда слѣдуетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно игуменьѣ „накрѣпко подтвердить о скорѣйшемъ трапезы устроеніи“.

При такой непреклонности Владыки, монастырямъ пришлось подчиниться заявленнымъ съ его стороны требованіямъ и заняться разрѣшеніемъ вопроса о болѣе точномъ распредѣленіи отпускаемыхъ монастырямъ на содержаніе денегъ.

Въ Переславскомъ Даниловомъ монастырѣ монашествующая братія распредѣлила отпускавшіяся на ихъ содержаніе деньги въ такомъ соотношеніи. Изъ общей суммы 175 рублей, положенной властямъ съ братіею на рыбу, вино и пиво, для настоятельскаго стола и для пріѣзжихъ гостей употреблять $^1/_3$ часть, для братскаго стола $^2/_3$ [1]. Изъ 150 руб., назначенныхъ на ко-

[1] При такомъ распредѣленіи денегъ, настоятелямъ предполагалось имѣть особую трапезу, что само собою уничтожало постановленія Стоглаваго собора и Духовнаго Регламента.

нюшенные припасы, желѣзо, уголь и дрова, половину оставлять на конюшенные припасы, желѣзо и уголья, а на другую покупать дрова и дѣлить ихъ на три равныя части, изъ которыхъ одна должна предназначаться для топки печей въ церкви, другая для нагрѣванія настоятельскихъ келлій и его поваренныхъ надобностей, а третья для братскихъ келлій и братской кухни. Прибавочные двѣсти рублей положено было дѣлить тоже на три части,—одна изъ нихъ должна была идти на нужды настоятельскія, другая—братскія и третья для раздѣленія подъячему и служителямъ, соотвѣтственно ихъ трудамъ, а также на покрытіе возникающихъ въ монастырской жизни случайныхъ расходовъ.

Приблизительно въ томъ же рядѣ предполагалось раздѣлить отпускаемыя суммы и въ другимъ монастыряхъ [1]).

Въ 1766 году, т. е. чрезъ годъ послѣ распоряженія еп. Сильвестра, указомъ Св. Синода, полученнымъ въ гор. Переславлѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, сдѣлано было подтвержденіе о заведеніи общихъ трапезъ во всѣхъ монастыряхъ Россіи [2]).

Но, очевидно, общежитные порядки прививались съ большимъ трудомъ, и распоряженіе какъ высшей духовной власти, такъ и мѣстной епархіальной, данное въ столь рѣшительной формѣ, вскорѣ было позабыто. По крайней мѣрѣ въ 1787 году возникаетъ снова дѣло объ общихъ монастырскихъ трапезахъ.

Правилъ тогда Переславской епархіей епископъ Ѳеофилактъ (Горскій). Въ указѣ отъ 10 января 1787 года онъ прямо заявляетъ, что, не смотря на прежнія строгія распоряженія объ общихъ трапезахъ, „однако нынѣ оныя общія трапезы не во всѣхъ монастыряхъ имѣются“. Находя съ своей стороны общія трапезы безусловно нужными, Преосв. Ѳеофилактъ въ своемъ указѣ дословно повторяетъ тѣ основанія въ защиту общихъ трапезъ, какія приведены были раньше въ распоряженіи Сильвестра. По сравненію съ этимъ распоряженіемъ указъ еп. Ѳеофилакта отличается только однимъ пунктомъ, внесеннымъ въ концѣ и вызваннымъ малообезпеченностью нѣкоторыхъ женскихъ монастырей.

„А какъ въ дѣвичьихъ монастыряхъ для сестеръ, читаемъ въ указѣ, кромѣ положеннаго жалованья, другихъ денежныхъ доходовъ не бываетъ, почему положеннаго жалованья становится на содержаніе общей трапезы иногда, а особливо за нынѣшнею дороговизною хлѣба мало, то въ дополненіе казначеѣ чинить съ сестеръ денежный сборъ и отъ сего сбора никто отговариваться не долженъ, для того, что а) Духовнаго Регламента въ прибавленіи о монашествующихъ 18 пункта повелѣно монашествующимъ праздным быти не попускати, избирая всегда дѣло нѣкое, и именно монахинямъ пряжу, шитье, плетенія кружевъ и прочаго, каковое рукодѣліе въ обоихъ дѣвичьихъ монастыряхъ Успенскомъ и Ѳеодоровскомъ и имѣется, почему и

[1]) Арх. Переславской дух. консисторіи. 1765 г., № 37.

[2]) Указъ 1766 года, № 12564.

монахини сверхъ положеннаго жалованья имѣютъ отъ рукодѣлій своихъ довольно пропитаніе съ тою только различностью, что всякая употребляетъ рукодѣліе свое для себя въ особенности, а не въ общую трапезу; б) слѣдственно, ежели сіе рукодѣліе отъ каждой употребляться будетъ въ общую трапезу, то каждая не можетъ же лишиться надлежащей мзды трудовъ своихъ; в) чтожъ принадлежитъ до больныхъ и увѣчныхъ и не могущихъ исправлять никакого рукодѣлія, то сихъ отъ оныхъ рукодѣлій освобождать по разсмотрѣнію игуменьи, однако въ общей трапезѣ, хотя бы на содержаніе оной и сборъ отъ прочихъ монахинь былъ, а отъ нихъ больныхъ монахинь никакого платежа не было, участницами быть допускать, для того, что сіе допущеніе ихъ къ общей трапезѣ разумѣемо будетъ яко самое богоугоднѣйшее милостинное подаяніе и больнымъ призрѣніе“.

Въ отвѣтъ на данное распоряженіе въ консисторію присланы были рапорты о полученіи указа и исполненіи его. Одна только настоятельница Успенскаго Александровскаго монастыря заявила, что при устройствѣ общей трапезы встрѣтились такія препятствія, преодолѣть которыя монастырь оказался не въ силахъ.

Во первыхъ, писала настоятельница, каменная палатка, гдѣ прежде приготовлялась пища, совершенно развалилась, крыша на ней погнила; на исправленіе палатки, кромѣ извести, ничего не имѣется. Во вторыхъ, котлы желѣзные, въ которыхъ раньше варились щи и каша, заржавѣли, чаны капустные развалились; изъ мѣдной и оловянной посуды осталась только одна старинная, къ употребленію негодная. Для исправленія всѣхъ этихъ нуждъ денежной суммы совсѣмъ въ наличіи не имѣется, да и скопить ее нельзя. Восполнить монастырскій бюджетъ посредствомъ разнаго рода рукодѣлій, о которыхъ говоритъ указъ, не представляется возможнымъ потому, что, какъ пишетъ настоятельница, не на что купить на пряжу льну и для шитья кружевъ и другихъ малостей, а къ шитью золотомъ—шелковъ, золота и серебра. Но если бы даже и нашлись средства для покупки этихъ матеріаловъ, то всеже возлагать большія надежды на восполненіе монастырскаго бюджета посредствомъ рукодѣльныхъ работъ, по словамъ игуменіи, нѣтъ особенныхъ основаній, такъ какъ той тщательности въ сбереженіи матеріаловъ, какая наблюдается при частныхъ работахъ, отъ монахинь Александровскаго монастыря и ожидать не чаятельно“.

Въ виду всего этого настоятельница Александровскаго монастыря проситъ сохранить въ неприкосновенности монастырскіе порядки, существовавшіе доселѣ. А доселѣ, по ея словамъ, каждой монахинѣ выдавалось хлѣба печенаго по $1\frac{1}{2}$ фунта въ день и квасу и соли по пропорціи безъ излишества. Да сверхъ того въ двунадесятые праздники и высокоторжественные дни вмѣсто булокъ денегъ по двѣ и по три копейки каждой монахинѣ порознь. Прочее же каждая монахиня снискивала для себя отъ своего рукодѣлія.

Получивъ такой докладъ, Преосв. Θеофилактъ 28 мая наложилъ слѣдующую резолюцію:

„Не принимая отъ игуменіи никакихъ отговорокъ, общую въ монастырѣ трапезу непремѣнно приказать завести, чтобы всѣ поведенія были сходственны съ правилами монашеской жизни, а содержаніе въ платьѣ оставить монахинямъ на ихъ произволеніе“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года общая трапеза для монахинь Александровскаго Успенскаго монастыря была уже заведена [1]).

Репорты, присланные въ Переславскую консисторію съ извѣщеніемъ о полученіи указовъ и исполненіи предписаннаго, не могутъ, конечно, считаться показателями дѣйствительнаго исполненія распоряженій Θеофилакта. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году, когда Переславская епархія была уже объединена съ Суздальскою, Преосв. Викторъ, епископъ Суздальскій, далъ такое распоряженіе консисторіи:

„Учинилось мнѣ извѣстнымъ, что въ Лукіановой пустыни общебратственной трапезы не имѣется и отъ братіи происходитъ ропотъ въ томъ, что изъ нихъ каждому отпускается кушаніе порознь и то самое убогое, а строитель для себя готовитъ отмѣнное и превосходное. Чего ради ему предписать, чтобы онъ неотмѣнно имѣлъ общебратскую трапезу, а приходъ содержалъ и изъ онаго расходъ производилъ сообща съ братьею, а одинъ отнюдь ни во что не вступалъ; сколько же нынѣ какого сбора имѣется представилъ бы за общебратскими руками вѣдомость въ консисторію да и впредь бы о томъ приходѣ и расходѣ представлялъ бы по прошествіи каждаго года для свидѣтельства“.

Строитель Лукіановой пустыни іеромонахъ Макарій представилъ въ отвѣтъ на это обвиненіе свои объясненія за подписью всей братіи. Но эти объясненія въ сущности подтверждали лишь то, въ чемъ его обвиняли, именно, что онъ не бывалъ за общебратской монастырской трапезой и имѣлъ свой особый столъ [2]).

„Строитель, читаемъ въ объясненіи настоятеля Лукіановой пустыни, во всѣ праздничные и воскресные дни бываетъ за общею трапезою, на которую въ надлежащее время собираемся по колоколенному сигналу, исключая только тѣ дни, когда случатся быти гости такіе, которые нужнопотребны монастырскимъ надобностямъ или по благопристойности лицъ; для таковыхъ бываетъ отличное кушаніе, смотря по различію лицъ и до нихъ касательствъ монастырскихъ. Въ прочіе же дни строитель нерѣдко за общебратственною трапезою не бываетъ для того, что отлучается для присмотру за наемными

[1]) Архивъ Переславской дух. консисторіи. 1787 г., № 2.

[2]) Нѣкоторое основаніе къ тому, между прочимъ, какъ мы уже видѣли, давало прежнее распоряженіе еп. Сильвестра, требовавшее установить особый распорядокъ въ пользованіи денежными средствами, отпускаемыми на монастырь, между настоятелемъ съ одной стороны, и братіей—съ другой.

работниками, пахотой земли, посѣвомъ и молотьбой хлѣба, кошеніемъ и уборкой сѣна, разными строеніями, пастьбой и кормомъ скота, а наче за порубкой лѣса.... и по тому резону строителю за общебратственною трапезою всегда быть неможно".

Объясненія строителя Лукіановой пустыни признаны были достаточными — и другихъ какихъ-нибудь распоряженій въ отвѣтъ на его докладъ не послѣдовало [1]).

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1788 г., № 616.

Иконы великомученицы Варвары въ с. Купани. Переславскаго уѣзда.

Село Купань или Хупань и въ немъ церковь въ честь св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова извѣстны по историческимъ памятникамъ издревле. Еще въ сотной выписи 1563 года упоминается въ с. Хупани церковь во имя Іоанна Богослова и при ней попъ Иванъ [1]).

Въ XVIII вѣкѣ, кромѣ церкви Іоанна Богослова, видимъ въ томъ же селѣ еще и другую деревянную церковь въ честь великомученицы Варвары. Памятникомъ этой древней, исчезнувшей къ концу XVIII вѣка церкви служитъ въ настоящее время престолъ въ честь великомученицы Варвары въ нижнемъ этажѣ нынѣшняго двухъ-этажнаго каменнаго храма и двѣ иконы ея имени. Одна изъ иконъ находится въ храмѣ и въ описи древнихъ предметовъ церкви с. Купани описана такъ:

„Позади праваго клироса находится чтимая прихожанами и окрестными жителями за явленную и чудотворную икона святыя великомученицы Варвары съ предстоящими мученицами Екатериной и Іуліаніей. Высотою сія икона 14 вершковъ, а шириной — 10 вершковъ. Дска деревянная съ выемкой; по краямъ дски поля темно-синяго цвѣта. Фонъ иконы темный. Краски отъ времени потемнѣли, а по мѣстамъ значительно и облупились. Риза на иконѣ и вѣнцы серебряные, 84 пробы, чеканные, отзолочены; вѣсу въ нихъ 3 фунта 30 золотниковъ. Икона по преданію древняя“.

О второй иконѣ, помѣщающейся въ часовнѣ, опись говоритъ:

„Размѣромъ сія икона 14 вершковъ, а въ ширину 13 вершковъ. Низъ иконы отъ времени обгнилъ. Дска гладкая. По краямъ дски выпуклыя поля. На одномъ боковомъ полѣ изображенъ св. священномученикъ Власій, а на другомъ преподобная Марія Египетская. Надъ главой св. великомученицы Варвары изображенъ Іисусъ Христосъ, а по сторонамъ Его — два ангела. Въ правой рукѣ св. великомученицы Варвары св. крестъ, а въ лѣвой хартія съ надписью: „Вѣрую во единаго Бога Отца“. Живопись отъ времени попорчена: лики почти облупились. Фонъ иконы зеленый, а полей — темнозеленый. На иконѣ имѣется мѣдная, чеканная, отзолоченная риза. Икона по преданію древняя“.

Судя по приведеннымъ мѣстамъ описи, въ с. Купани объ иконахъ великомученицы Варвары не сохранилось опредѣленныхъ преданій, кромѣ

---

[1]) Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Владимірской епархіи, выпускъ 2, стр. 108.

разсказовъ общаго свойства объ ихъ древности и особомъ почтенiи, которымъ онѣ пользовались издавна. Нѣкоторыя данныя къ исторiи этихъ иконъ даетъ одно изъ дѣлъ архива Переславской духовной консисторiи, возникшее во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ немъ, вѣроятно, и имѣются въ виду тѣ самыя иконы, о которыхъ говоритъ цитированная выше опись.

Указанное дѣло открывается сообщенiемъ священника с. Купани Өеодора Игнатьева, который 3 октября 1771 года въ Переславской консисторiи сообщилъ слѣдующее:

„Въ с. Купани въ церкви св. Евангелиста Iоанна Богослова имѣется часть св. мощей изъ персей св. великомученицы Варвары, серебромъ вокругъ оправленная, съ надписью на томъ серебрѣ о тѣхъ мощахъ великомученицы Варвары, да еще имѣется жъ во образѣ оной же великомученицы Варвары съ надписью, что мощи той же великомученицы,—о которыхъ св. мощахъ и въ описи въ Переславскую духовную консисторiю въ 1756 г. показано. А записки въ той церкви, когда оные мощи и отъ кого именно внесены, кромѣ что на тѣхъ мощахъ надписано, не имѣется. Слышалъ же онъ, священникъ, отъ старожилыхъ бывшихъ тутошнихъ священниковъ и крестьянъ, что того села изъ крестьянъ былъ въ Казани протопопомъ Андрей Никоновъ и ѣздилъ въ Кiевъ молиться и, оныя св. великомученицы Варвары мощей части оттуда привезши, по усердiю своему отдалъ въ Купанскую церковь, а сколько назадъ тому лѣтъ, никто не запомнитъ“.

Изъ дѣла не видно, по какому поводу дано было въ Переславской консисторiи это сообщенiе священникомъ Өеодоромъ Игнатьевымъ. Но сопоставляя его съ послѣдующими показанiями того же священника, данными имъ въ 1778 году, можно думать, что такое объясненiе было потребовано отъ Өеодора Игнатьева въ связи съ постигшимъ Россiю въ 1771 году бѣдствiемъ—опустошительнымъ дѣйствiемъ страшной болѣзни моровой язвы и тѣмъ почтительнымъ отношенiемъ къ Купанской иконѣ великомученицы Варвары, какое было оказано ей жителями г. Переславля. Объ этихъ событiяхъ священникъ Өеодоръ Игнатьевъ въ 1778 г. на новомъ допросѣ далъ показанiе въ такой формѣ:

„Въ 1771 году въ несчастливое для народа время взятъ былъ образъ великомученицы Варвары съ мощами изъ того села Купани, по приказанiю бывшаго Преосвященнаго Геннадiя епископа въ градъ Переславль для богомолiя градскимъ протопопомъ Иваномъ Ивановымъ, и былъ тотъ образъ въ этомъ градѣ Переславлѣ въ градской соборной церкви чрезъ 6 недѣль, съ которымъ и по купеческимъ ходили домамъ, и паки въ то село Купань оный образъ съ подобающею честiю съ крестнымъ ходомъ по приказу онаго жъ Преосвященнаго Геннадiя всенародно всѣмъ градомъ провожаемъ былъ, а во время съ онымъ по граду хожденiи прикладныя къ образу деньги собирались въ запечатанную экономическихъ вотчинъ казначеемъ Антономъ Никитинымъ Сухотинымъ кружку, который Сухотинъ, по окончанiи съ тѣмъ образомъ хода, отдалъ мнѣ, священнику, высыпанныхъ изъ

той кружки денегъ десять рублевъ пятьдесятъ коп.; свѣчи же продавались не изъ нашей Купанской церкви, но отъ градского собора, а доходныя за молебны деньги раздѣляемы были по частямъ на всѣхъ соборныхъ служителей, между коими и я священникъ Ѳеодоръ получалъ седьмую часть. На украшеніе жъ тѣхъ образовъ особливый тогда по граду учин пъ сборъ Переславской духовной канцеляріи ассесоромъ Иваномъ Алексѣевымъ Барыковымъ и сколько тѣхъ денегъ собрано, о томъ мнѣ священнику неизвѣстно; и украшены оные образа какъ серебромъ, такъ и жемчугами тщаніемъ его Барыкова"...

Итакъ, до 1771 года въ с. Купани было два образа великомученицы Варвары съ мощами, принесенными, по народнымъ преданіямъ, неизвѣстно когда протопопомъ Андреемъ Никоновымъ, уроженцемъ с. Купани, изъ г. Кіева. Одинъ изъ этихъ образовъ пользовался особеннымъ почетомъ не только въ с. Купани, но и среди населенія г. Переславля [1]), чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что во время моровой язвы его нарочито приносили въ г. Переславль. Здѣсь онъ оставался въ теченіе шести недѣль, принимаемъ былъ въ домахъ горожанъ, а затѣмъ снова возвращенъ на прежнее мѣсто въ храмъ с. Купани. Во время пребыванія образа въ Переславлѣ на украшеніе образовъ великомученицы Варвары, принадлежавшихъ Купанскому храму, учиненъ былъ по городу особый сборъ, благодаря которому иконы украсились серебромъ и жемчугомъ.

Само собою понятно, что послѣ всенароднаго чествованія Купанской иконы въ г. Переславлѣ почтеніе къ ней со стороны окрестныхъ жителей еще болѣе возрасло. Село Купань сдѣлалось мѣстомъ паломничества для ближайшаго населенія. Собираемыя отъ паломниковъ приношенія дали возможность старостѣ с. Купани ремонтировать церковь и колокольню, какъ показалъ объ этомъ священникъ Ѳеодоръ Игнатьевъ. Такъ продолжалось до 1778 года.

22 августа того года Преосвященный Ѳеофилактъ, епископъ Переславскій, узнавъ о существованіи въ с. Купани двухъ иконъ съ мощами [2]), распорядился взять обѣ иконы въ консисторію для разсмотрѣнія, а въ Кіевскую консисторію послать бумагу съ запросомъ, давались ли когда-нибудь и кому-нибудь частицы мощей великомученицы Варвары.

Въ сентябрѣ священникъ с. Купани Герасимъ Ѳеодоровъ съ двумя иконами великомученицы Варвары былъ высланъ въ консисторію и здѣсь допрошенъ. Допросили также его отца заштатнаго священника с. Купани, упомянутаго выше Ѳеодора Игнатьева и церковнаго старосту.

Ѳеодоръ Игнатьевъ въ дополненіе къ показанію 1771 года передалъ подробно исторію временнаго перенесенія иконы въ 1771 г. въ гор. Пере-

---

[1]) С. Купань находится отъ г. Переславля въ разстояніи всего 12 верстъ.

[2]) Епископъ Ѳеофилактъ (Горскій) вступилъ на Переславскую каѳедру въ концѣ 1786 г. О существованіи иконъ велик. Варвары и мощей въ с. Купани онъ узналъ, вѣроятно, при личномъ посѣщеніи с. Купани.

славль, о чемъ сообщалось уже раньше. Священникъ Герасимъ Θеодоровъ и церковный староста говорили больше о томъ, какъ въ последніе годы производилось подаяніе отъ приходящихъ и пріѣзжающихъ изъ разныхъ мѣстъ для богомолья людей. По допросѣ, священниковъ и старосту отпустили домой, а иконы оставили въ консисторіи.

Между тѣмъ приближалось 4 декабря, день памяти великомученицы Варвары. Прихожане с. Купани обратились къ Преосвященному Θеофилакту съ всепокорнѣйшей просьбой отдать образа хотя бы только на одинъ наступающій праздникъ. Епископъ Θеофилактъ призналъ ихъ просьбу заслуживающею удовлетворенія и распорядился возвратить прихожанамъ обѣ иконы на время до разсмотрѣнія.

Чрезъ четыре дня послѣ этой резолюціи пришло извѣщеніе и изъ Кіевской консисторіи. Она сообщала, что никакихъ записей объ отнятіи части мощей великомученицы Варвары и о дачѣ ихъ на сторону не имѣется. Епископъ Θеофилактъ даетъ вновь распоряженіе: „Оставить иконы по прежнему въ помянутой церкви, но съ тѣмъ, чтобы всю церковь священникъ старался привести въ лучшее благолѣпіе“ [1]).

Но это желаніе Владыки, выраженное, вѣроятно, на основаніи его личныхъ наблюденій при посѣщеніи с. Купани, было выполнено не скоро, несмотря на то, что церковь, благодаря многочисленнымъ богомольцамъ, располагала для этого средствами.

Въ 1782 г. священникъ села Купани Герасимъ Θеодоровъ и прихожане вступаютъ съ просьбой о произведеніи лишь частичной реставраціи своей деревянной церкви въ честь великомученицы Варвары. „Въ ономъ с. Хупани, пишутъ они, вторая церковь во имя св. великомученицы деревяннаго зданія, которая обнизла и желаемъ, оную церковь приподнявъ безъ поврежденія св. престола, подвесть подъ оную три ряда“.

Епископъ Θеофилактъ на прошеніи положилъ резолюцію: „Означенная церковь за ветхостію непрочна и ненадежна, а потому и подрублять не слѣдуетъ. Священнику жъ съ прихожанами объявить, чтобы приступали къ построенію новой непремѣнно съ будущаго сентября мѣсяца, а ежели о семъ вознерадятъ, то исправленіе церковныхъ требъ перевесть въ церковь с. Копнина, Купанскую за ветхостію запретя. Въ разсужденіи собираемаго дохода отъ приходящихъ молебщиковъ, давно бы уже надлежало построить каменную церковь. Мая 17 числа 1782 г.“ [2]).

Угроза епископа Θеофилакта перевести исправленіе требъ въ с. Копнино говоритъ какъ будто за то, что и первая церковь св. Евангелиста Іоанна Богослова къ тому времени сильно обветшала и не могла служить мѣстомъ для благолѣпнаго отправленія богослуженій.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ резолюціи Преосв. Θеофилактомъ выдана

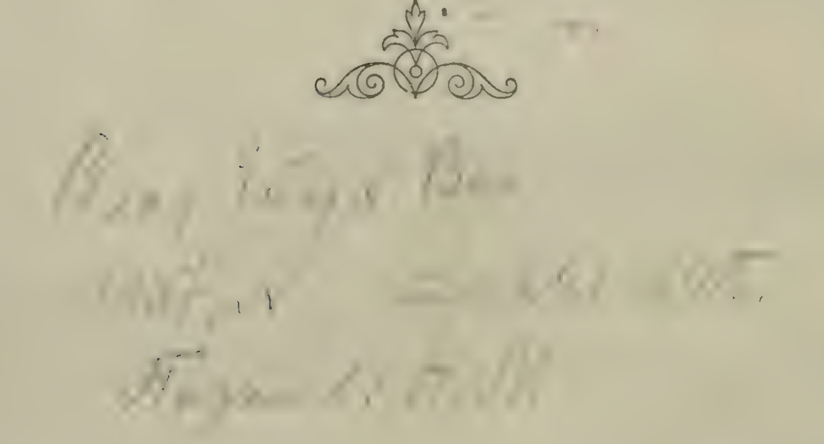
---

1) Архивъ Пересл. дух. консист. 1778 г., № 120.
2) Архивъ Пересл. дух. консист. 1782 г., № 68.

была въ с. Купань и грамота на построеніе новаго храма. Грамота эта хранится въ церкви с. Купани и помѣчена 31 мая 1782 г.

Но едва ли въ этомъ году, да и вообще до конца XVIII вѣка приступили къ постройкѣ новаго храма Дѣло ограничилось, кажется, разрушеніемъ Варваринской старой. По крайней мѣрѣ въ одномъ спискѣ церквей Владимірской епархіи конца XVIII вѣка читаемъ: „Въ с. Хупани церковь св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова деревяннаго зданія объ одномъ этажѣ построена тщаніемъ того села приходскихъ людей, а въ которомъ году неизвѣстно; при ней колокольня деревянная“ [1]).

Новый каменный храмъ въ с. Купани началъ строиться лишь въ 1806 г., по благословенію епископа Владимірскаго Ксенофонта, и оконченъ былъ постройкой въ 1814 году.

[1]) Архивъ Влад. дух. консист. 1799 г., № 80.

Къ исторіи Владимірскаго духовнаго училища въ первые годы его существованія.

(1790—1800 годъ).

Исторіи первыхъ годовъ существованія Владимірскаго духовнаго училища посвящено было нѣсколько статей во Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1899 годъ (№ 17, 19, 21). Данныя заключающіяся въ этихъ статьяхъ были затѣмъ суммированы и доложены въ формѣ особаго реферата въ одномъ изъ собраній Владимірской Ученой Архивной Комиссіи. Рефератъ этотъ былъ напечатанъ во III книгѣ Трудовъ Владимірской Архивной Комиссіи и кромѣ того вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ: „Открытіе во Владимірѣ духовнаго училища и первые годы его существованія (1790—1800 г.)". 1901 г. Къ сожалѣнію, авторъ статей и реферата (Н. В. Малиновскій) не имѣлъ возможности воспользоваться всѣми тѣми матеріалами, какими можно располагать въ настоящее время. Архивъ Владимірской духовной консисторіи тогда еще не былъ упорядоченъ и приведенъ въ состояніе удобное для научнаго пользованія. Что касается Суздальскаго архива, то не имѣлось свѣдѣній даже о его составѣ и содержаніи. Насколько положеніе автора было затруднительно, видно изъ того, напр., что годъ открытія Владимірскаго училища пришлось опредѣлять на основаніи дѣлъ Владимірскаго губернскаго правленія, при чемъ исходной точкой опоры при разыскиваніи нужнаго дѣла послужила, насколько помнится, кратенькая и темная замѣтка въ одной изъ полуистлѣвшихъ исходящихъ книгъ Владимірской консисторіи.

Въ настоящее время, съ приведеніемъ въ порядокъ архива Владимірскаго и перемѣщеніемъ во Владиміръ Суздальскаго, положеніе значительно измѣнилось къ лучшему и явилась возможность добыть нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о первыхъ годахъ Владимірской низшей духовной школы. Предлагаемая статья и имѣетъ въ виду восполнить тѣ пробѣлы, которые, независимо отъ вниманія автора вышеназванныхъ изслѣдованій, оказались въ его работахъ.

Какъ извѣстно, въ 1788 году Владимірская семинарія была переведена въ Суздаль, гдѣ образовалась одна громадная школа, представляющая соединеніе трехъ семинарій: Владимірской, Суздальской и Переславской. Многолюдство новой образовавшейся отъ соединенія трехъ семинарій духовной школы, [1]) связанная съ этимъ дороговизна жизни, недостатокъ средствъ,

[1]) Въ 1797 году въ Суздальской семинаріи обучалось 1012 человѣкъ. См. Исторія Владимірской дух. семинаріи, вып. I, стр. 172.

какими располагало для содержанія ея епархіальное начальство, и неудобство путей сообщенія побудили духовенство позаботиться объ устройствѣ въ разныхъ городахъ низшихъ духовныхъ училищъ съ курсомъ до риторики или даже философіи включительно. Всего естественнѣе было появиться такимъ училищамъ, притомъ съ курсомъ болѣе расширеннымъ, приближающимся къ нормальному семинарскому курсу, въ городахъ, изъ которыхъ семинаріи были переведены и въ которыхъ имѣлись готовыя для этой цѣли зданія. Дѣйствительно, въ Переславлѣ такое училище было открыто уже 14 декабря 1788 года съ курсомъ до риторики включительно. Во Владимірѣ низшая духовная школа открылась нѣсколько позже, но раньше училищъ Вязниковскаго (1791 г.), Муромскаго (1791 г.) и Юрьевскаго (1792 г.).

Иниціатива открытія въ городѣ Владимірѣ училища, повидимому, принадлежитъ Владимірскимъ градскимъ священноцерковнослужителямъ, къ которымъ присоединились и священноцерковнослужители Владимірскаго уѣзда. Нѣкоторый намекъ на это даетъ приговоръ, составленный 28 октября 1790 года, подъ которымъ градскіе священноцерковнослужители приложили руки первыми и выразительно упомянули о тѣхъ особыхъ неудобствахъ, съ которыми связано было для нихъ обученіе дѣтей въ Суздалѣ. Приговоръ составленъ былъ въ слѣдующей формѣ:

„1790 года іюня 28 дня. Епархіи Преосвященнаго Виктора, епископа Суздальскаго и Владимірскаго, града Владиміра и Владимірской и прочихъ состоящихъ въ близости ко Владиміру округъ священноцерковнослужители съ общаго своего согласія учинили сей приговоръ въ томъ, что какъ дѣти наши по упраздненіи Владимірской епархіи и семинаріи для обученія переведены въ Суздальскую семинарію, да и впредь къ обученію туда набираться будутъ, куда намъ въ отвозѣ пищи и питья, также и ихъ самихъ въ проѣздъ чрезъ г. Владиміръ настоитъ излишній убытокъ и отягощеніе, а градскіе Владимірскіе священноцерковнослужители для доставленія тѣхъ дѣтей своихъ въ Суздаль, по неимѣнію собственныхъ лошадей, должны нанимать извощиковъ; чего ради во избѣжаніе сихъ излишнихъ убытковъ и издержекъ за нужное сочли и желаемъ, если Архипастырское Его Преосвященства на то соизволеніе будетъ, для обученія нашихъ дѣтей съ низшихъ классовъ до философіи [1]) учредить семинарію въ градѣ Владимірѣ на собственный нашъ коштъ; сколько отъ Его Преосвященства на содержаніе учителей, на наятіе сторожа, на топленіе семинарскаго училища дровъ, бумаги и свѣчъ расположено будетъ съ священника, діакона и церковника, оное платить обязуемся, что все нашимъ рукоприкладствомъ и утверждаемъ".

На приговорѣ еп. Викторомъ положена была резолюція отъ 26 іюля: „Объявить просителямъ, чтобы они, сами положа коштъ на учителей, выб-

[1]) Надежды и желанія священноцерковнослужителей не вполнѣ оправдались: курсъ обученія во Владимірскомъ училищѣ не шелъ дальше риторики, да и классъ риторики открылся сравнительно поздно.

рали оныхъ отъ себя и представили также списокъ и о дѣтяхъ, кто именно и количихъ лѣтъ находиться будетъ во ученіи. по чему и разсмотрѣніе учинено быть имѣетъ“.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, дѣтей, отцы которыхъ пожелали организовать во Владимірѣ училище, оказалось 136 человѣкъ. Заручнымъ приговоромъ священноцерковнослужители положили съ каждаго мальчика, который взятъ будетъ для обученія въ школу, взимать по три рубля въ годъ. Въ учители священноцерковнослужители избрали на риторику и синтаксиму протоіерея Владимірскаго Успенскаго собора Іоанна Пѣвницкаго, а въ низшіе классы сына умершаго священника Предтеченской г. Владиміра церкви Дмитрія Соболевскаго. [1])

15 октября того же года во Владимірѣ полученъ былъ указъ изъ Суздальской дух. консисторіи съ сообщеніемъ новой резолюціи еп. Виктора. Въ указѣ говорилось: „По желанію священноцерковнослужителей ко обученію дѣтей ихъ нижняго класса латинскому діалекту во Владимірѣ завести училище съ тѣмъ, чтобы обучаться имъ и нотному пѣнію во вторникъ, четвертокъ и субботу послѣ обѣда. Для обученія жъ латинскому языку выбрать префекту учителемъ изъ окончившихъ курсъ богословіи, а нотнаго пѣнія уволенъ будетъ знающій изъ пѣвческаго хора. Изъ полагаемыхъ денегъ за выдачею учителямъ употреблять на покупку книгъ, на топленіе печей дровъ, свѣчъ и прочаго требующагося къ исправленію и содержанію училища съ записью въ расходъ“.

Префектъ Суздальской семинаріи архимандритъ Евгеній на посланный ему запросъ о выборѣ учителя для Владимірскаго училища представилъ студента богословіи Ѳеодора Новоселовскаго, но съ тѣмъ, чтобы ему положено было отъ училища, кромѣ квартиры и дровъ, не менѣе 40 руб. въ годъ [2]).

26 октября 1790 года послѣдовало открытіе Владимірскаго училища или, какъ называли его еще, Владимірской гимназіи. Главнымъ начальникомъ училища назначенъ былъ протоіерей Успенскаго собора Іоаннъ Пѣвницкій, первымъ учителемъ состоялъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Новоселовскій, обучавшійся раньше въ Переславской семинаріи и переведенный оттуда въ 1788 г. въ Суздаль.

Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ прот. І. Пѣвницкаго, во Владиміръ переданы были изъ библіотеки Суздальской семинаріи нѣкоторыя книги, безъ которыхъ не могло успѣшно идти начатое во Владимірѣ ученіе [3]).

---

[1]) Дмитрій Соболевскій по окончаніи во Владимірской семинаріи философіи поступилъ во Владимірское народное училище, а въ 1795 году опредѣленъ въ Суздальскую семинарію учителемъ россійскаго класса, географіи и ариѳметики. См. Исторія Владимірской дух. семинаріи, вып. I. стр. 157. Въ 1796 году Д. Соболевскій перешелъ на свѣтскую службу. Арх. Сузд. дух. конс. 1796 г. Оп. № 1, д. № 112.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1790 г. Оп. I, № 271. Впослѣдствіи ему платили въ годъ по 70 руб., но квартирою и дровами онъ не пользовался.

[3]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1791 г. Оп. I, № 42.

Старшему учителю прот. I. Пѣвницкому порученъ былъ лишь высшій надзоръ за училищемъ. По условіямъ приходской службы, онъ не могъ стоять близко къ учебному дѣлу, и всѣ тяготы его легли естественно на Өеодорѣ Новоселовскомъ. Такой трудъ для Новоселовскаго оказался непосильнымъ, и въ мартѣ 1791 года въ помощь ему въ высшее отдѣленіе (въ классъ грамматики и синтаксимы) назначенъ былъ другой учитель Сергѣй Грачевъ, воспитанникъ Суздальской семинаріи, опредѣленный въ 1789 году информаторомъ этой семинаріи, а 5 марта 1791 года переведенный на классъ синтаксимы и грамматики во Владимірское училище.

Но Сергѣй Грачевъ не долго учительствовалъ во Владимірѣ; 21 мая онъ былъ посвященъ во священника въ с. Нижній Ландехъ, Гороховецкой округи. [1]) Уроки С. Грачева нѣкоторое время давалъ Ө. Новоселовскій, объединяя въ своемъ лицѣ весь учащій персоналъ, а 29 октября того же года въ помощь Новоселовскому, для обученія уже низшихъ классовъ, опредѣленъ былъ новый учитель студентъ Суздальской семинаріи Діомидъ Каллистовъ, съ назначеніемъ ему жалованья по 50 рублей въ годъ. [2])

Но тѣмъ не менѣе и съ присылкой второго учителя ученіе во Владимірѣ не наладилось. Мало было единодушія и согласія прежде всего въ средѣ самихъ учащихъ. Архивныя дѣла, вслѣдствіе своей отрывочности, не позволяютъ установить съ достаточною опредѣленностію, кто изъ учащаго персонала былъ виновникомъ господствовавшихъ среди нихъ раздоровъ. Но, кажется, враждебныя отношенія между начальникомъ школы I. Пѣвницкимъ и учителемъ Ө. Новоселовскимъ возникли не безъ вліянія и содѣйствія сыновей прот. Пѣвницкаго, обучавшихся въ училищѣ. На это мы находимъ прямое указаніе въ жалобѣ Ө. Новоселовскаго, поданной въ октябрѣ 1791 года въ Суздальскую духовную консисторію.

„Причину притѣсненія, писалъ Ө. Новоселовскій, чинимаго мнѣ смотрителемъ училища, до сего времени я скрывалъ, но примѣтя, что нынѣ подобное тому производиться начало, о семъ подробно доношу Суздальской духовной консисторіи. Въ прошломъ 1790 году, немного спустя послѣ открытія училища, большой сынъ означеннаго смотрителя Петръ Пѣвницкій кромѣ того, что въ классахъ чинилъ обиды ученикамъ въ то время бывшимъ, но еще не пріобыкшимъ къ городской жизни, началъ было и въ публичныхъ мѣстахъ притѣснять взятками. Съ сего то времени за прекращеніе такихъ его поступокъ возбудилъ я къ себѣ гнѣвъ отца его. И нынѣ оный же его сынъ началъ строить безпорядки и шалости въ классахъ инымъ образомъ. Онъ, приходя въ классы въ небытность мою, чинитъ ссоры съ учениками и препятствія въ упражненіяхъ. Что касается до самого отца его, то опыты доказываютъ, что онъ болѣе старается о прибыткѣ своемъ, нежели о пользѣ учащагося юношества. Онъ въ обыкновенное время пріѣзда учениковъ

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1791 г. Оп. I, № 189.
[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1795 г. Оп. I, № 5.

изъ домовъ своихъ рѣдкаго изъ нихъ отпускаетъ безъ взятія съ него какого-нибудь подарка, а въ разсужденіи наблюденія пользы ихъ одно усматривается небреженіе. Я съ начала открытія училища требовалъ прописей для обученія учениковъ чистописанію и, начиная съ февраля мѣсяца, неоднократно просилъ я его о доставленіи потребнаго числа грамматикъ. Но всѣ мои просьбы пребываютъ даже до сего времени недѣйствительными. Всѣ сіи обстоятельства, предая благоразсмотрѣнію Суздальской духовной консисторіи, симъ доношу и прошу чинимые протопоповымъ сыномъ безпорядки повелѣть прекратить, къ доставленію потребныхъ для училища книгъ смотрителя училища понудить, а дабы я въ случаѣ неуспѣховъ ученическихъ былъ извинителенъ, докладъ о семъ учинить Его Преосвященству".

Черезъ нѣсколько дней послѣ приведенной жалобы Ѳ. Новоселовскимъ присланъ былъ второй рапортъ въ Суздальскую духовную консисторію на имя Епархіальнаго Владыки, возбудившій недоумѣніе и недовольство епископа Виктора.

„Поданное мною, писалъ въ рапортѣ Ѳ. Новоселовскій, доношеніе на смотрителя подало ему случай привесть учениковъ въ вящшее неустройство и причинить большее мнѣ притѣсненіе. Ибо онъ, увѣдомившись о томъ, пришедши въ классъ, во первыхъ запретилъ всякое и самое легчайшее тѣлесное наказаніе, называя меня тираномъ. Во вторыхъ, поставлялъ меня причиною болѣзней, коими нѣкоторые изъ учениковъ одержимы, укоряя меня тѣмъ язвительнѣйшимъ образомъ. Что касается до перваго, то признаюсь, что я учениковъ наказываю, но въ разсужденіи наказаній его и моихъ, имя тирана не столько мнѣ, сколько ему приличествовать можетъ, ибо онъ безъ всякой почти причины за дѣтей своихъ, при томъ не во время классовъ, нѣкоторыхъ учениковъ такимъ оскорблялъ наказаніемъ, какое и въ важнѣйшихъ преступленіяхъ рѣдко употребляютъ. Я же, хотя по должности своей и употребляю наказаніе, но соразмѣрное проступкамъ, при томъ съ добрымъ намѣреніемъ для исправленія ихъ самихъ и самое, могу сказать, дѣтское, которое и родители ихъ не только не запрещаютъ, но и приказываютъ употреблять. Что же касается до болѣзней, то статься не можно, чтобы я былъ ихъ причиною, когда не только мои ученики, но и посторонніе ими страждутъ. Слѣдовательно, все сіе есть только плодъ злобы, которая и тѣмъ доказывается, что онъ въ силу указа о произведеніи мнѣ жалованья не только не дѣлаетъ удовольствія, но даже не объявляетъ его. Того ради Ваше Преосвященство Милостивѣйшаго Архипастыря всепокорнѣйше прошу, да соблаговолено будетъ повелѣть о всѣхъ моихъ поведеніяхъ допросить какъ учениковъ, такъ и родителей ихъ, которые, если мною недовольными себя признаютъ, то я повиненъ буду лишенію порученной мнѣ должности, а отъ притѣсненій, чинимыхъ мнѣ смотрителемъ, прошу защитить Архипастырскимъ Вашего Преосвященства благоразсмотрѣніемъ".

Протоіерей І. Пѣвницкій пользовался особеннымъ расположеніемъ и вниманіемъ епископа Виктора, [1]) и жалоба Ѳ. Новоселовскаго даже въ

[1]) О прот. І. Пѣвницкомъ см. подробнѣе Исторія Владимірской семинаріи, вып. 1, стр. 140—42.

томъ случаѣ, если бы она была болѣе обоснована и не такъ туманна, едва-ли бы нашла сочувственный пріемъ у Владыки. Но въ данномъ случаѣ своею бездоказательностью, общностью обвиненій, а особенно несоблюденіемъ принятыхъ формъ [1] жалоба сама по себѣ теряла всякую силу. Въ резолюціи отъ 28 ноября еп. Викторъ назвалъ ее неосновательною и требовалъ впредь подобными прошеніями его не безпокоить.

„Въ семъ прошеніи не изъяснено, написалъ еп Викторъ, въ какое и кто ученики протопопомъ приведены неустройство, какое просителю отъ него причиняется притѣсненіе, когда и гдѣ протопопъ называлъ его тираномъ, въ какихъ болѣзняхъ и кто именно ученики находятся, кого протопопъ оскорбилъ жестокимъ наказаніемъ? Сверхъ же сего присовокуплена во ономъ просьба о неучиненіи ему протопопомъ жалованья въ производствѣ по присланному изъ консисторіи указу удовольствія. По которому неосновательному и замѣшанному разными матеріями прошенію къ разсмотрѣнію по силѣ законовъ и приступить неможно. Чего ради учителю Новоселовскому чрезъ духовное правленіе объявить, чтобы онъ о каждой матеріи порознь, не смѣшивая одну съ другою, по силѣ генеральнаго Регламента 19 главы, свидѣтельствомъ и крѣпкими доводами представилъ въ консисторію, а впредь таковыми неосновательными прошеніями къ единому въ дѣлахъ помѣшательству не утруждалъ“.

Резолюція еп. Виктора глубоко оскорбила Новоселовскаго, и онъ нашелъ нужнымъ представить особое объявленіе въ консисторію, въ которомъ писалъ.

„По силѣ присланныхъ изъ Суздальской духовной консисторіи во Владимірское духовное правленіе указовъ, велѣно мнѣ, ежели пожелаю, о каждой матеріи доносить формально. Производить сей судъ въ отношеніи доказательствъ я въ состояніи, но въ разсужденіи того не могу, что самъ я занимаюсь должностію, наипаче же по причинѣ моей бѣдности не только вмѣсто себя повѣреннаго нанять, но и пошлинъ указныхъ внесть не изъ чего. По симъ убо причинамъ всѣ тѣ обиды, кои мнѣ и ученикамъ причинены вышеписаннымъ протопопомъ и его сыномъ, принужденнымъ остаюсь, принявъ на себя великодушіе, оставить на судъ Богу, если обидѣвшіе насъ симъ довольны будутъ. Въ противномъ же случаѣ защитить себя надѣюсь всѣмъ тѣмъ, что составляетъ неложность моихъ жалобъ. Того ради Суздальскую духовную консисторію, симъ почтительнѣйше увѣдомляя, что я производить формальный судъ по вышеписаннымъ точно причинамъ оставляю, покорнѣйше прошу, дабы соблаговолено было сіе мое объявленіе, принявъ, хранить впредь для вѣдома въ цѣлости“. [2])

Послѣ резолюціи еп. Виктора и поданнаго на нее объявленія какихъ-нибудь новыхъ жалобъ со стороны Новоселовскаго уже не встрѣчаемъ; но и служба въ училищѣ его мало привязывала и привлекала. Въ 1795 го-

[1]) За соблюденіемъ канцелярской формы, особенно когда дѣло касалось жалобъ на прот. І Пьвницкаго, еп. Викторъ строго слѣдилъ. Ср. тамъ же. стр. 142.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1791 г. Оп. 1, № 331.

ду въ августѣ мѣсяцѣ онъ ушелъ съ духовной службы въ свѣтскую команду, въ вѣдомство генералъ губернатора Владимірскаго и Костромского намѣстничества[1]).

Мѣсто О. Новоселовскаго занялъ студентъ богословіи Суздальской семинаріи Михаилъ Каринскій[2]). Но и его учительская практика была не слишкомъ продолжительна. Въ февралѣ слѣдующаго года надзиратель Владимірскаго духовнаго училища прот. І. Пѣвницкій вошелъ къ еп. Виктору съ особымъ докладомъ, который закончилъ педагогическую дѣятельность М. Каринскаго.

„Учитель Михайло Каринскій, писалъ прот. Пѣвницкій, съ начала опредѣленія его въ учительскую должность нѣсколько времени училъ порядочно, а нынѣ примѣчено мною его о должности нерадѣніе. Сего февраля 16 дня не былъ поутру и послѣ обѣда въ классахъ и на квартирѣ его не было. Разсмотрѣны были мною задаваемые ученикамъ переводы и найдены въ нихъ многія и великія ошибки, отчего ученики не только исправиться, но и портиться могутъ. И потому впредь онъ усматривается для училища быть не способнымъ. Задачи его представляю при семъ къ Вашему Преосвященству“.

Епископъ Викторъ, разсмотрѣвъ приложенныя тетради, нашелъ ихъ „не только съ ошибками, но и съ великими погрѣшностями, которыя доказывали или крайнее нерадѣніе Каринскаго или же совершенное латинскаго языка незнаніе“, и опредѣлилъ Каринскаго отъ должности отмѣнить и велѣть пріискивать ему церковническое мѣсто[3]), а на освободившуюся вакансію опредѣлить студента богословіи Ивана Свавицкаго[4]).

Въ томъ же 1796 году ушелъ и другой учитель Діомидъ Каллистовъ, назначенный священникомъ въ с. Мошокъ, Судогодскаго уѣзда. Остался одинъ новоназначенный И. Свавицкій, но и тому вскорѣ оказалось учить некого.

Въ данномъ случаѣ пришлось считаться уже съ обстоятельствами другого рода, которыя, собственно говоря, и составляли главнѣйшую причину того, что ученіе во Владимірскомъ училищѣ не шло дальше синтаксическаго класса, что учителя изъ него бѣжали или оказывались нерадивыми и что училище вообще едва влачило свое существованіе.

Съ самыхъ первыхъ дней своей жизни Владимірскому училищу пришлось серьезно считаться съ труднымъ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи. Добровольно составленный приговоръ не послужилъ гарантіей къ точному выполненію содержавшихся въ немъ условій. Да и лицо, назначенное для сбора этихъ взносовъ и расходованія ихъ, оказалось не вполнѣ надежнымъ.

Именно, на первыхъ порахъ расходчикомъ, обязаннымъ собирать и вѣдать трехрублевые взносы, избранъ былъ священникъ Предтеченской церкви

---

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1795 г. Оп. 1. № 160.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1795 г. Оп. I. № 161.

[3]) Въ 1798 г. М. Каринскій былъ опредѣленъ свящ. въ с. Турабьево, Юрьев. уѣзда, а отсюда переведенъ въ с. Усолье, Ковр. уѣзда. Умеръ 1816 г.

[4]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1796 г. Оп. I, № 56.

г. Владиміра Егоръ Ивановъ. Но когда его позвали во Владимірское Правленіе для дачи отчета въ собранныхъ деньгахъ, то онъ объявилъ, что „по причинѣ отлучекъ въ разное время для исправленія мірскихъ требъ и домашнихъ нуждъ онъ еще не собралъ съ учениковъ положеннаго числа денегъ и потому не можетъ дать имъ отчета въ приходѣ и расходованіи денежной суммы и по симъ де причинамъ и впредь къ отправленію сей должности онъ признаетъ себя неспособнымъ“.

Пришлось освободить его отъ непосильной обязанности и возложить сборъ денегъ, съ разрѣшенія еп. Виктора, на учителя Ѳ. Новоселовскаго [1]). Какъ человѣкъ заинтересованный въ правильномъ поступленіи положенной на содержаніе училища суммы, Новоселовскій исполнялъ обязанности расходчика сравнительно хорошо, хотя и при немъ цифра расхода превышала доходъ и въ 1794 году дефицитъ достигъ 54 руб. 18 коп. при общемъ бюджетѣ въ 208 руб. 98 коп.

Въ 1795 году училище лишилось и такого расходчика. Вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, существовавшихъ между прот. І. Пѣвницкимъ и Ѳ. Новоселовскимъ, въ началѣ 1795 года Новоселовскій по жалобѣ Пѣвницкаго отставленъ былъ отъ должности расходчика, и сборъ денежной суммы снова возложенъ былъ на лицо уполномоченное отъ духовенства, выбираемое каждогодно [2]).

Послѣ этого денежныя дѣла училища совершенно пошатнулись. Число учениковъ все уменьшалось; оставшіеся не платили положенныхъ денегъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ началось бѣгство учителей, и стало падать школьное ученіе.

Въ 1795 году Ѳ. Новоселовскій, какъ указывалось выше, ушелъ въ свѣтскую команду. Назначенный на его мѣсто М. Каринскій неглижировалъ своими обязанностями, а Діомидъ Каллистовъ употреблялъ всѣ усилія уйти изъ училища на первое открывшееся священническое мѣсто. Въ консисторскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько прошеній его въ этомъ родѣ. Въ одномъ изъ нихъ онъ жалуется еп. Виктору на то, что „уже 10 мѣсяцевъ онъ лишился жалованья, претерпѣваетъ крайнюю нужду и совершенное разореніе“ [3]). Но еп. Викторъ медлилъ его назначеніемъ. Безвыходная нужда побудила Каллистова обратиться къ не совсѣмъ хорошему средству оговариванія престарѣлыхъ священнослужителей, якобы неспособныхъ къ продолженію своей службы, съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ самому занять освободившееся мѣсто. Такъ онъ поступилъ, когда просился на священническое мѣсто къ Покровскому собору въ городъ Меленки [4]). Такъ сдѣлалъ спустя нѣкоторое время послѣ этого при подачѣ прошенія на священническое мѣсто въ с. Кудрино, Меленковской округи. Послѣдній проступокъ вызвалъ справедливое негодованіе еп. Виктора, и онъ по разслѣдованіи дѣла наложилъ суровую резолюцію: „Каллистовъ въ прошеніи своемъ представлялъ, что свя-

---

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1792 г. Оп. I, № 190.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1795 г. Оп. I, № 5.

[3]) Архивъ Владимірской дух. консисторіи. 1795 г., № 163.

[4]) Архивъ Владимірской дух. консисторіи. 1795 г., № 157.

щенникъ Андреевъ имѣетъ въ с. Кудринѣ брата двоюроднаго діакономъ и дѣтей причетниками, объяснивъ при этомъ словесно, будто онъ священникъ по причинѣ старости и слабости должность свою исправляетъ съ немалою трудностью. Но священникъ по свидѣтельству моему оказался здоровымъ и должность свою исправлять могущимъ, да и діаконъ Кудринскій ему состоитъ въ дальнемъ родствѣ. За тѣмъ его Каллистова за напрасное утружденіе команды и учиненную попу проволочку оштрафовать положеніемъ въ Каѳедральномъ соборѣ ста земныхъ поклоновъ подъ присмотромъ ключаря“ [1]. —Должно быть нужда дѣйствительно была велика, если человѣкъ обратился къ такимъ средствамъ.

Какъ бы то ни было, въ началѣ 1796 года Каллистовъ достигъ своей цѣли и училище оставилъ. Учебное дѣло сосредоточилось въ рукахъ одного И. Свавицкаго, если не считать надзирателя школы прот. І. Пѣвницкаго, который къ тому времени совершенно оставилъ Владимірское училище и въ началѣ 1796 года даже взялъ изъ него своего сына подъ предлогомъ обученія его дома риторикѣ [2]. Но вскорѣ и одному учителю стало учить некого.

13 сентября 1796 года префектъ семинаріи Петръ Лебедевъ обратился къ еп. Виктору съ докладомъ, въ которомъ поставилъ ребромъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи училища во Владимірѣ.

„Владимірскаго духовнаго училища, писалъ въ докладѣ П. Лебедевъ, ученики Быстрицкій и Власовскій сего сентября 12 дня, явясь ко мнѣ, объявили, что для нихъ по сіе время ученіе не преподается и господина учителя Свавицкаго въ городѣ нѣтъ, почему желаютъ, чтобы имъ позволено было въ Суздальской семинаріи обучаться. Но поелику между Суздалемъ и Владиміромъ разстояніе весьма малое и въ пріѣздѣ великаго убытку понести не можно, для сихъ причинъ не благоволите ли Ваше Преосвященство Владимірское училище упразднить, а отъ господина надзирателя потребовать реестръ объ ученикахъ съ опредѣленіемъ каждаго породы, лѣтъ и кто въ какомъ классѣ обучается“.

Потребовали, конечно, объясненій отъ учителя И. Свавицкаго. Свавицкій въ оправдательномъ докладѣ отвергъ взведенныя на него обвиненія въ неявкѣ къ занятіямъ. „Во Владимірѣ, писалъ онъ, пріѣхалъ я 4 числа сентября и на другой же день явился къ своей должности, но учениковъ не нашелъ ни одного человѣка и классъ былъ запертъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать приказные служители духовнаго правленія. 6-го же числа сего мѣсяца, пришедъ, увидѣлъ двоихъ учениковъ Василія Ртищина и Дубенскаго, стоящихъ внѣ училища. Перваго пославъ за ключемъ къ расходчику, дожидался въ духовномъ правленіи, и когда классъ былъ отпертъ, не взирая на малое число учениковъ [3], преподавалъ имъ надлежащее ученіе,

[1]) Архивъ Владимірской дух. консисторіи. 1795 г., № 172.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1796 г. Оп. 1, № 53.

[3]) По дополнительному разъясненію прот. І. Пѣвницкаго, въ училище послѣ каникулъ пріѣхало только 17 человѣкъ, но и они, не желая платить положеннаго на содержаніе училища взноса, вскорѣ разъѣхались.

отъ чего они сами отпереться не могутъ".

Послѣ этой переписки Владимірское училище фактическі прекратило свое существованіе [1]).

Когда 4 октября 1796 года учитель Свавицкій обратился съ просьбой о выдачѣ ему заслуженнаго жалованья и указывалъ, что за все время пребыванія его во Владимірѣ со дня опредѣленія на службу онъ получилъ всего лишь десять рублей, вслѣдствіе чего и доведенъ до такой бѣдности, что не можетъ уплатить даже за квартиру, ему отвѣтили, что онъ уже отъ должности отставленъ и училище упразднилось. По требованію Суздальской духовной консисторіи, начался, тѣмъ не менѣе, сборъ недоимокъ съ отцевъ, дѣти которыхъ обучались во Владимірскомъ училищѣ. Но собрали всего лишь 14 рублей (вмѣсто 66), да и тѣ не выдали Свавицкому, а положили употребить на ремонтъ училища въ виду возможнаго открытія въ немъ когда-нибудь снова занятій. [2]).

Перерывъ въ занятіяхъ во Владимірскомъ училищѣ продолжался около года. 26 іюля 1797 года епископомъ Викторомъ сдано было въ консисторію опредѣленіе о возстановленіи училища.

„Въ прошломъ 1790 году, говорилось въ опредѣленіи, учреждены были въ городахъ Владимірѣ и Вязникахъ духовныя училища для обученія священноцерковнослужительскихъ дѣтей, но, по случаю нерадѣнія и безпечности священноцерковнослужителей, упразднены. Нынѣ многіе, являясь ко мнѣ, просятъ о принятіи дѣтей своихъ для обученія въ Суздальскую семинарію, но какъ въ оной учениковъ имѣется до 800 человѣкъ, почему вновь принимаемыхъ въ классы помѣщать негдѣ и учителямъ въ преподаваніи имъ правилъ будетъ отяготительно, для того оныя училища паки возстановить, опредѣля во оныя способныхъ учителей, коихъ ректору, выбравъ изъ студентовъ богословіи, представить ко мнѣ. Священноцерковнослужителямъ объявить, чтобы они дѣтей своихъ представляли на разсмотрѣніе для отсылки въ тѣ мѣста, гдѣ кому изъ нихъ быть способнѣе. Содержаніе училищъ остается на ихъ отчетѣ". [3]).

Съ осени 1797 года занятія во Владимірѣ вновь открылись. Средства содержанія остались тѣже, только въ силу особаго распоряженія еп. Виктора, изданнаго 21 ноября 1797 года, величина взноса соразмѣрялась съ званіемъ родителя. Священники обязаны были вносить по три рубля, діаконы по $1^1/_2$ и причетники по рублю. [4]).

Главнымъ начальникомъ училища по прежнему остался прот. І. Пѣвницкій, который получилъ званіе префекта и риторики учителя. Остальной учащій персоналъ набирался по преимуществу изъ студентовъ Суздальской семинаріи.

[1]) Архивъ Суздальской духовной консисторіи. 1796 г. Оп. I, № 196.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1796 г. Оп. 1, № 215.

[3]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1797 г. Оп. 1, № 144.

[4]) Тамъже.

Именно, для обученія грамматикѣ и синтаксимѣ взятъ былъ изъ Суздальской семинаріи студентъ Алексѣй Николинъ. Низшій классъ инфимы и аналогіи порученъ былъ діакону Борисоглѣбской церкви Василію Зобеву, обучавшемуся въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Въ академіи Зобевъ дошелъ до курса риторики, который слушалъ три года. [1])

Съ 1798 года А. Николинъ сталъ обучать риторическій классъ. На его мѣсто для преподаванія въ синтаксимѣ и грамматикѣ приглашенъ былъ прежній учитель И. Свавицкій, который послѣ закрытія Владимірскаго училища состоялъ нѣкоторое время учителемъ въ Переславскомъ училищѣ, а оттуда перешелъ въ Суздаль, гдѣ обучалъ въ семинаріи россійскій классъ. Такимъ образомъ, въ 1798 году во Владимірскомъ училищѣ обучало уже три учителя, кромѣ прот. І. Пѣвницкаго, главнаго начальника школы.

Въ 1799 году во Владимірскомъ училищѣ находимъ тоже трехъ учителей: учителя риторики Алексѣя Николина, учителя синтаксимы и грамматики Ивана Свавицкаго и учителя инфимы и аналогіи Ивана Добротворскаго, смѣнившаго В. Зобева, назначеннаго священникомъ въ с. Доброе, Владимірскаго уѣзда. [2])

Такимъ образомъ, возстановленное Владимірское училище нашло возможнымъ расширить свой курсъ и открыло классъ риторики. Число учениковъ въ немъ съ каждымъ годомъ все возрастало: въ 1797 году училось 141 человѣкъ, въ 1798 году—192 и въ 1799 году число учащихся достигло 235; въ риторикѣ въ 1799 году обучалось 57 [3]).

Такимъ расширеніемъ и классовъ, и состава учащихся училище обязано было главнымъ образомъ, конечно, тому, что въ 1798 году Суздальскую семинарію перевели во Владиміръ. Семинарія стала субсидировать своими средствами Владимірское училище, которое образовало собою какъ бы низшіе классы семинаріи. Но это же обстоятельство вскорѣ дало поводъ поставить вопросъ о правѣ Владимірскаго училища на самостоятельное существованіе.

Указомъ отъ 10 декабря 1798 года еп. Викторъ велѣлъ ректору Павлу оставить учениковъ училища по прежнему, если только отцы согласятся содержать ихъ на своемъ коштѣ. Отцы дали согласіе содержать на своемъ коштѣ лишь низшіе классы училища — инфимическій и аналогическій, высшіе же классы перешли послѣ этого на полное содержаніе семинаріи.

Но и въ содержаніи этихъ двухъ классовъ обнаружилась обычная неаккуратность, съ неизбѣжными недоимками и неплатежомъ. Въ 1800 го-

---

[1]) Въ 1799 году А. Николинъ посвященъ во священника къ Мироносицкой церкви г. Владиміра, но службы при училищѣ не оставилъ.

[2]) Архивъ Владимірской дух. консисторіи. Семинарскія Вѣдомости за 1797—1799 годъ.

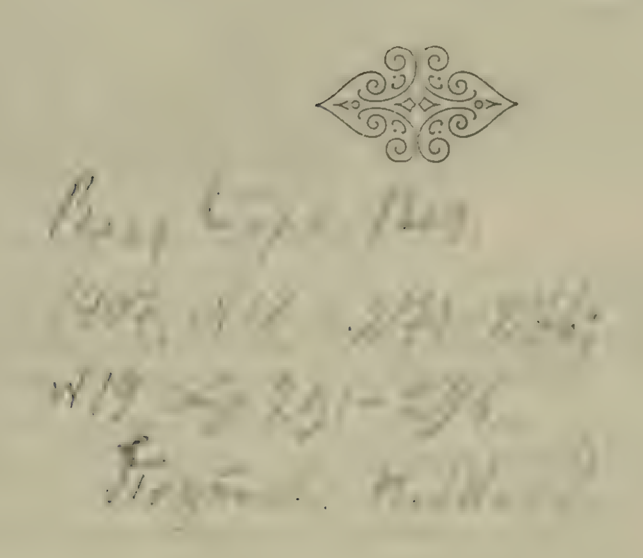
[3]) Тамъже.

ду Правленіе семинаріи рѣшило покончить со всѣми этими проволочками, нарушающими только правильное теченіе школьной жизни, и принять на свои средства и два низшихъ класса училища.

„Поелику, читаемъ въ докладѣ семинарскаго Правленія по этому поводу, во Владимірскомъ училищѣ на собственномъ содержаніи оставлены только два класса инфимическій и аналогическій и аналогическій учитель опредѣленъ на невѣрную сумму, то не благоволено ли будетъ ему опредѣлить казенное жалованье 60 рублей и равно дрова покупать и починку производить изъ семинарскихъ суммъ“.

24 февраля 1800 года послѣдовало распоряженіе еп. Виктора объ отпускѣ изъ семинарскихъ средствъ нужныхъ суммъ на жалованье учителю низшихъ классовъ, дрова и починку и объ отсылкѣ сиротъ въ Суздальскую бурсу. [1])

Это число и можно считать датою, которою закончилось существованіе стараго Владимірскаго училища. Въ 1814 году оно возобновило свое бытіе въ новомъ видѣ и на новыхъ началахъ.... Съ 1814 года начинается уже исторія училища современнаго.

[1]) См. подробнѣе Исторіи Владимірской дух. семинаріи, вып. 1, стр. 134-135.

Завѣщаніе епископа Владимірскаго Павла.

О времени управленія Владимірскою епархіей еп. Павломъ (1763—1769 г.), какъ объ этомъ говорилось уже раньше, [1]) сохранилось очень мало свѣдѣній. Немного мы знаемъ и о личности самого еп. Павла. Въ „Спискахъ архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Св. Синода (1721—1895). СПБ. 1896 г.“ не сообщена даже фамилія еп. Павла. Здѣсь о его служебной дѣятельности даны самыя краткія свѣдѣнія.

„Павелъ, въ 1762 г. архим. Тихвинскаго монастыря. 1763 г. іюля 6 епископъ Владимірскій. Скончался 1769 г. авг. 9“. [2])

Въ статьѣ прот. В. Орлова: „Краткія біографическія свѣдѣнія объ іерархахъ Владимірской епархіи отъ возстановленія ея до настоящаго времени“ [3]) находимъ біографическія свѣдѣнія о еп. Павлѣ до возведенія его въ архимандриты. Но и здѣсь дано немного. Именно, тутъ указывается, что онъ родомъ былъ великороссіяниномъ, по окончаніи наукъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи поступилъ въ С.-Петербургскій Петропавловскій соборъ во священника, былъ ключаремъ и потомъ протоіереемъ и духовникомъ императрицы Екатерины II; въ 1762 году овдовѣвши, постригся въ монашество и произведенъ въ Тихвинскій монастырь архимандритомъ. Притомъ, къ сожалѣнію, въ статьѣ прот. В. Орлова не процитированъ источникъ, откуда эти свѣдѣнія заимствованы.

Въ виду такой скудости матеріала, относящагося къ жизни и дѣятельности еп. Павла, небезъинтересными будутъ данныя, сохранившіяся въ Владимірскомъ архивѣ относительно послѣднихъ минутъ его жизни и въ частности тѣхъ предсмертныхъ распоряженій, какія находимъ въ его завѣщаніи. Завѣщаніе написано за нѣсколько дней до смерти и, судя по подписи, въ періодъ крайняго ослабленія тѣлесныхъ силъ. Текстъ завѣщанія слѣдующій:

„Какъ продолжающіяся во мнѣ болѣзни, усиливаясь гораздо болѣе, не только тѣлесныя, но и душевныя мои силы приводить стали въ крайнее истощаніе: то я, видя, что по судьбамъ Вышняго Творца приближается житію моему конецъ, разсудилъ о семъ моемъ намѣреніи учинить письменное завѣщаніе: тѣло по кончинѣ погребсть въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ, изъ оставшихся же собственныхъ моихъ денегъ тысячу рублевъ отдать во оный

[1]) См. стр. 52.

[2]) Стр. 12, № 114.

[3]) Влад. Епарх. Вѣд. 1886 г., № 19.

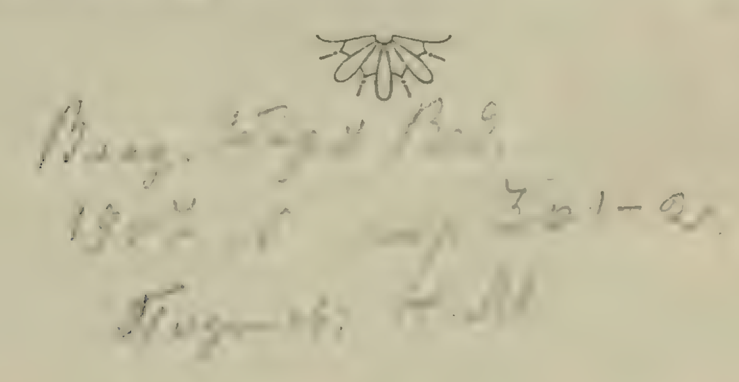
соборъ въ церковное строеніе, а пятьсотъ рублей употребить на погребеніе и поминовеніе, а остальныя мои собственныя деньги, платье и вещи оставляются дочери моей, а книги брату моему. Августа 6 дня. Павелъ, Е. Вл. и Муромскій.“

9 августа изъ Владимірской дух. консисторіи заготовлено было въ Св. Синодъ доношеніе, въ которомъ консисторія испрашивала разрѣшенія предать землѣ тѣло своего почившаго Владыки.

„Преосвященный Павелъ, епископъ Владимірскій и Муромскій, доносила консисторія, находясь, особливо сего августа съ 5-го числа, въ великой болѣзни, по исповѣди и святыхъ Таинъ сообщеніи и по совершеніи надъ нимъ елеосвященія 9 дня пополудни сего августа преставился. А до кончины своей о погребеніи и о имѣніи своемъ учинилъ письменное завѣщаніе, чтобъ тѣло Его Преосвященства погребсть въ Каѳедральномъ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Того ради Владимірская дух. консисторія симъ доношеніемъ благопочтеннѣйше представляя, проситъ о погребеніи тѣла Его Преосвященства повелительнаго указа“...

Повелительный указъ изъ Св. Синода о погребеніи тѣла еп. Павла пришелъ во Владиміръ 12 сентября, такъ что отпѣваніе могло совершиться лишь 16 сентября. Отпѣвалъ епископъ Суздальскій Геннадій въ сослуженіи Владимірскаго городского духовенства.

Согласно завѣщанію еп. Павла, на погребеніе и поминовеніе издержано было всего 500 рублей, въ томъ числѣ на поминовеніе дано было 30 руб. во Владимірскій Успенскій соборъ, 25 р. въ Архіерейскій домъ и 11 руб. въ церкви приходскія гор. Владиміра, считая по 50 коп. въ 22 церкви. Кромѣ того изъ общей суммы, оставленной на погребеніе и поминовеніе, выдано въ вознагражденіе игумену Боголюбова монастыря Иринарху и экзаминатору протоіерею Іоанну Іоаннову по 10 рублей каждому. Отпускъ этихъ послѣднихъ наградныхъ суммъ произведенъ былъ въ силу особаго предсмертнаго распоряженія еп. Павла. [1])

[1]) Суздальскій архивъ. Арх. Владимірской дух. консисторіи. 1769 г., № 58.

Погребеніе инспектора Владимірской духовной семинаріи архимандрита Іосифа въ 1817 году.

Первымъ инспекторомъ Владимірской духовной семинаріи по реформѣ ея въ 1814 году былъ архимандритъ Іосифъ, въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Березинъ [1]). Преданія и архивныя дѣла рисуютъ Іосифа человѣкомъ добрымъ по сердцу и внимательнымъ къ ученикамъ. Какъ преподаватель философіи, Іосифъ, по словамъ, ревизовавшаго Владимірскую семинарію архимандрита Филарета (впослѣдствіи митрополита Московскаго), „руководствовалъ учениковъ правильно и основательно“, за что по представленію ревизора удостоенъ былъ званія профессора.

Вѣроятно, этими личными качествами архимандрита Іосифа объясняется то непритворное соболѣзнованіе, съ какимъ встрѣчено было учениками извѣстіе о его смерти. По этому поводу устроено было даже нѣчто въ родѣ демонстраціи, сопровождавшейся нарушеніемъ школьной дисциплины. Извѣстія объ этомъ инцидентѣ находимъ въ Исторіи Владимірской духовной семинаріи К. Ѳ. Надеждина (см. стр. 153—155), который при воспроизведеніи его пользовался, очевидно, разсказами лицъ, близко знавшихъ это событіе, а можетъ быть и пережившихъ его.

Архимандритъ Іосифъ умеръ въ 1817 году. Заболѣвъ желтухой, онъ въ маѣ мѣсяцѣ этого года отправился въ Суздаль, гдѣ въ то время проживалъ докторъ медицины и хирургіи извѣстный Моренковъ. Но, вѣроятно, за врачебною помощью онъ обратился уже поздно. 27 мая во Владимірѣ узнали о кончинѣ Іосифа. Студенты философіи, его ученики, и нѣкоторые изъ богословіи обратились къ ректору семинаріи съ просьбой отпустить ихъ въ Суздаль, дабы отдать послѣдній долгъ своему любимому профессору и начальнику. Время было учебное, и семинарское начальство, естественно, не могло удовлетворить желанія своихъ питомцевъ. Тогда воспитанники старшихъ классовъ семинаріи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, порѣшили дѣйствовать самостоятельно и 27 мая вышли въ Суздаль. Чтобы не создавать исторіи съ непріятными для учениковъ послѣдствіями, семинарское начальство нашло возможнымъ примириться съ фактомъ самовольнаго ухода учениковъ изъ заведенія и приняло только мѣры къ тому, чтобы ихъ участіе въ похоронахъ инспектора выразилось въ формахъ, болѣе соотвѣтствующихъ случаю. Съ этою цѣлью въ Суздаль былъ командированъ

[1]) См. Исторія Владимірской дух. семинаріи, вып. I, стр. 202—203 и вып. II, стр. 57—60.

профессоръ Петръ Туберовскій [1]). По пріѣздѣ въ Суздаль онъ былъ осажденъ неотступными просьбами учениковъ о разрѣшеніи читать при погребеніи рѣчи и стихи, которыя, по недостатку времени, учениками были составлены въ дорогѣ во время путешествія въ Суздаль. Выработали торжественный церемоніалъ погребенія съ точнымъ распредѣленіемъ времени, когда и кому напутствовать покойнаго рѣчью или стихами. Церемоніалъ выполненъ былъ въ точности, и всѣ произнесенныя рѣчи и стихи вошли потомъ въ особый сборникъ, составленный по возвращеніи изъ Суздаля. Тамъ-же былъ помѣщенъ и церемоніалъ погребенія тѣла умершаго инспектора.

К. Ѳ. Надеждинъ въ своей Исторіи семинаріи привелъ нѣкоторыя мѣста изъ надгробныхъ рѣчей и стихотвореній. Это обстоятельство давало возможность предполагать, что въ его рукахъ былъ самый сборникъ, цитатами изъ котораго онъ и воспользовался. Но, къ сожалѣнію, при составленіи своей Исторіи семинаріи я не могъ его найти ни въ архивѣ семинарскомъ, ни въ консисторскомъ, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось ограничиться лишь выписками изъ Исторіи Надеждина. Въ недавнее время сборникъ этотъ мною наконецъ найденъ, найденъ случайно въ кучѣ редакціонныхъ бумагъ, преемственно переходившихъ отъ одного редактора къ другому и своимъ происхожденіемъ восходящихъ ко временамъ, когда редакторами Епархіальныхъ Вѣдомостей состояли А. Сервицкій и К. Надеждинъ.

Сборникъ этотъ, озаглавленный „Актъ погребенія Владимірской семинаріи инспектора Юрьевскаго Архангельскаго монастыря архимандрита Іосифа, совершенный   дня 1817 года“, по моему взгляду, заслуживаетъ воспроизведенія въ печати какъ въ виду его почти столѣтней давности, такъ въ особенности въ виду его значенія для характеристики опытовъ литературнаго творчества Владимірскихъ семинаристовъ и наставниковъ начала XIX вѣка. Правда, всѣ стихи и рѣчи сборника представляютъ спѣшную работу, о чемъ съ особенною настойчивостью замѣчаетъ многократно составитель сборника. Но и при такихъ условіяхъ, какъ плодъ непосредственнаго творчества, они заслуживаютъ вниманія историка, какъ показатели той степени умѣнія владѣть литературною рѣчью и облекать ее въ соотвѣтствующія художественныя формы, которую давала своимъ питомцамъ старая семинарская школа. Наконецъ, весь церемоніалъ погребенія, для участія въ которомъ ученики должны были пройти 33 версты, съ подготовкою трогательныхъ рѣчей въ пути, которыя, конечно, не могутъ быть разсматриваемы какъ продуктъ одной только риторики,—все это говоритъ о той тѣсной связи, какую старая семинарская школа, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по временамъ уста-

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ преданіе, записанное К. Надеждинымъ. Въ актѣ, какъ увидимъ ниже, событіе представлено въ нѣсколько иномъ видѣ,—будто бы ученики обратились съ просьбой къ начальству и получили соотвѣтствующее разрѣшеніе. Мнѣ представляется болѣе вѣроятною версія, сообщаемая преданіемъ. Содержаніе акта К. Надеждину было извѣстно, тѣмъ не менѣе, черпая изъ него свѣдѣнія, онъ въ тоже время передаетъ о самовольномъ уходѣ учениковъ Іосифа въ Суздаль. Очевидно, разсказъ объ этомъ онъ слышалъ изъ устъ, которымъ можно было довѣрить.

навливала между питомцами и ихъ наставниками. И съ этой точки зрѣнія описаніе погребенія архимандрита Іосифа заслуживаетъ того, чтобы сохранить его въ печатномъ видѣ для послѣдующаго времени.

Актъ начинается церемоніаломъ похоронъ, выработаннымъ, вѣроятно, профессоромъ П. Туберовскимъ. Церемоніалъ носитъ заглавіе: „Предначертаніе, данное ученикамъ семинаріи, уѣзднаго и приходскаго Суздальскихъ училищъ, когда и кому что дѣлать при погребеніи инспектора семинаріи и философіи профессора, архимандрита Іосифа“. Онъ состоитъ изъ 14 пунктовъ.

1. Ученики уѣзднаго и приходскаго училищъ въ 6 часовъ утра идутъ въ поле и каждый набираетъ шляпу цвѣтовъ и зелени и въ 7 часовъ являются въ назначенное мѣсто.

2. При начатіи благовѣста сіи же ученики идутъ къ дому прот. Смирнова, гдѣ лежитъ покойникъ, и становятся въ порядокъ по одному человѣку по обѣимъ сторонамъ улицы, оставя достаточный между собою проходъ для пронесенія между ими гроба.

3. Четыре ученика изъ семинаріи по назначенію для наблюденія порядка между малыми становятся по концамъ заднимъ и переднимъ и располагаютъ дѣйствіями учениковъ.

4. Поелику ученики уѣзднаго и приходскаго училищъ, поставленные въ два ряда, хотя и по одному человѣку, не могутъ составить изъ себя желаемаго протяженія отъ дома, гдѣ стоитъ покойникъ, до собора, въ которомъ отпѣваемо будетъ тѣло, то ученики сіи непримѣтно подвигаются отъ дому до собора, не разстраивая порядка, такъ, чтобы гробъ въ церемоніальномъ шествіи своемъ всегда находился среди двухъ рядовъ, изъ учениковъ состроенныхъ, исполненіе чего съ надлежащею точностью предоставляется четыремъ ученикамъ семинаріи, начинающимъ и замыкающимъ шествіе учениковъ.

5. Ученики покойнаго ожидаютъ въ порядкѣ гроба у собора.

6. Прочіе ученики семинаріи тутъ находящіеся идутъ четверо въ рядъ за гробомъ и попеременно несутъ на себѣ гробъ.

7. По приближеніи къ собору гроба одинъ изъ учениковъ философіи говоритъ стихи.

8. По внесеніи гроба въ соборъ всѣ ученики семинаріи входятъ тудаже и становятся порядкомъ по лѣвую сторону гроба, а ученики училища стоятъ на монастырѣ до вынесенія гроба изъ церкви.

9. По поставленіи гроба въ церкви назначенный ученикъ говоритъ стихи.

10. По окончаніи литургіи передъ начатіемъ погребенія назначенные ученики говорятъ стихи: русскіе, греческіе, латинскіе.

11. По прочтеніи разрѣшительной молитвы назначенный ученикъ говоритъ стихи.

12. Всѣ ученики безъ шуму за гробомъ выходятъ изъ церкви.

13. Въ воротахъ соборной ограды одинъ изъ учениковъ говоритъ стихи.

14. Ученики уѣзднаго и приходскаго училищъ двое въ рядъ идутъ впереди церемоніальнаго шествія гроба и каждый изъ нихъ понемногу ки-

даетъ цвѣты и зелень до заставы.

15. Ученики семинаріи четверо въ рядъ замыкаютъ шествіе и попеременно несутъ гробъ на себѣ до заставы.

16. По окончаніи послѣдней литіи двое, ставъ по обѣимъ сторонамъ гроба, изъ учениковъ говорятъ двое стихи.

17. Потомъ, когда гробъ поставленъ будетъ на дроги и кучеръ сядетъ, ученикъ говоритъ стихи прощательные.

Вслѣдъ за церемоніаломъ въ сборникѣ помѣщено „Полное описаніе церемоніи, бывшей при погребеніи Владимірской семинаріи инспектора, философскихъ наукъ профессора, Юрьевскаго Архангельскаго монастыря архимандрита Іосифа". Описаніе подраздѣлено тоже на пункты и заключаетъ въ себѣ детальную передачу всей церемоніи погребенія со всѣми рѣчами и стихами, какія при этомъ были произнесены.

1. 29 числа мая по утру въ семь часовъ начался благовѣстъ на соборной Суздальской колокольнѣ и продолжался около часу.

2. Ученики семинаріи добровольно, впрочемъ по дозволенію Правленія, пѣшкомъ нарочно въ Суздаль пришедшіе, также ученики уѣзднаго и приходскаго Суздальскихъ училищъ по предварительному приказанію, какъ показано въ предначертаніи, собрались къ мѣстамъ имъ назначеннымъ, т. е. ученики училищъ по одному въ рядъ составили два ряда отъ дома, гдѣ лежалъ покойникъ до собора, оставя между собою пространство удобное для несенія гроба, а ученики покойнаго стали у собора.

3. Когда духовенство собралось въ домѣ и начальствующій имъ Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря архимандритъ Мелхиседекъ пріѣхалъ, тѣло по совершеніи приличнаго обряда учениками понесено къ собору и какъ гробъ, такъ и духовенство шли между двухъ рядовъ учениковъ, которые, по предварительному предписанію, непримѣтно подвигаясь, до самаго собора составляли непрерывныя двѣ живыя улицы.

4. При вратахъ собора одинъ изъ стоящихъ при соборѣ учениковъ покойнаго встрѣчаетъ тѣло стихами:

„Не къ намъ ли, гость драгой, спѣшишь давать уроки?
Гряди, напой сердца—ихъ жажда злѣ томитъ.
Излей на вертоградъ живой воды потоки,
Онъ сохнетъ безъ тебя, теряетъ лѣтній видъ.
Отецъ, тебя зоветъ отечество къ наградамъ!
Споборствуй истинѣ и вѣрѣ христіанъ,
Гласъ мудрости твоей любезенъ церкви чадамъ,
Дражайшій даръ въ тебѣ отъ Бога ниспосланъ.
Почтожъ безмолствуешь? Ахъ злой судьбы рѣшеньемъ
Того скрываетъ гробъ, чья жизнь для всѣхъ была
Примѣромъ мудрости, всегдашнимъ утѣшеньемъ,
Кѣмъ наше счастье и наша жизнь цвѣла!
Отецъ, помедли, дай сынамъ благословенье!
Пусть слезы оросятъ священный въ гробѣ прахъ.

Тебя ждетъ увѣнчать небесное селенье,
А намъ осталось жить въ печали и слезахъ".

Учен. сред. отд. Иванъ Ельцинскій.

5. За нимъ говорилъ рѣчь семинаріи нѣмецкаго и еврейскаго языковъ учитель Иванъ Савеловъ.

„Итакъ за этимъ-то ты и оставилъ насъ! Ахъ, еслибы знали это, мы бы не отпустили тебя, мы бы стали умолять, заклинать нашею къ тебѣ и твоею къ намъ любовію, и ты бы не оставилъ насъ. Или любящее насъ сердце твое предчувствовало сей смертный хладъ и ты не хотѣлъ поразить насъ вдругъ вѣчною съ тобою разлукою? Но куда скрылся бы ты отъ слезъ нашихъ и отъ смертной нашей горести? Ужели есть на землѣ мѣсто, гдѣ бы не плакали о тѣхъ, кого любятъ? Чѣмъ отличаютъ тамъ гробы драгоцѣнныхъ сердцу отъ тѣхъ, кои были чужды ему?

Други, внемлющіи воплямъ сихъ осиротѣвшихъ! Не лесть собрала ихъ сюда къ вамъ,—мертвые рѣдко имѣютъ ласкателей. Пусть можно у сердечной скорби перенять скорби ея, но какое низкое чувствіе осмѣлится присвоить себѣ слезы ея.

И ахъ,—какое же утѣшеніе могутъ подать намъ небо, у насъ его отнимающее,—и земля, готовая скрыть отъ насъ и самый прахъ его? О, да усладитъ для насъ горесть потери его то, что онъ самъ полагалъ единственною своею наградою! Что подкрѣпляло его въ то время, когда онъ жертвовалъ послѣдними своими силами благу своихъ питомцевъ? Что поддерживало послѣдній потухающій жаръ въ сердцѣ его, когда онъ согрѣвалъ оныя сердца ихъ любовію къ истинѣ? Что какъ не свѣтлый взоръ небесъ въ мысли его и въ сердцѣ его, какъ не надежда, что любовь присныхъ его есть залогъ любви къ нему небесной?—Святая надежда! Божественная награда!

Благость вѣчная, позволь и намъ утѣшиться симъ высокимъ небеснымъ утѣшеніемъ, что любимецъ нашъ достоинъ наградъ твоихъ. И если что-нибудь человѣческаго препятствуетъ приблизиться къ тебѣ, то сими вздохами, сими слезами молимъ ему входа въ блаженнѣйшую вѣчность.

А ты, безцѣнный другъ нашъ, гряди поддерживаемый въ послѣдній разъ дѣтьми твоими, сопровождаемый ихъ и нашими благословеніями, гряди принять благословія матери нашей церкви! И ежели уже началъ ты наслаждаться тѣмъ, чего здѣсь никто не знаетъ и о чемъ никто говорить не умѣетъ, то пошли намъ хоть часть сихъ утѣшеній, да усладятся слезы наши и да хвалебные Богу гласы церкви не будутъ прерываемы печальными нашими воплями".

6. По вшествіи гроба въ церковь, взошли и ученики семинаріи за гробомъ, но за множествомъ стекшагося народа не могли стать вмѣстѣ въ желаемомъ порядкѣ.

7. По поставленіи гроба одинъ изъ учениковъ читалъ стихи:

„Возстань, драгой отецъ, сыны твои пришли!
Мы съ радостью твой гласъ услышать притекли.

Но, други, гласа нѣтъ, уста его безмолвны,
Скончались наши дни, блаженства, счастья полны!
Не будемъ въ радости его зрѣть больше дѣлъ,
И счастью нашему здѣсь положенъ предѣлъ.
Сокрылся умъ его, кой истины былъ мѣра,
Лишились мы его благого намъ примѣра.
Отецъ нашъ, много мы тобой одолжены,
Когдажъ благодарить тебя возможемъ мы?
Минута видѣть намъ твое бездушно тѣло,
И вѣчно ты сокрытъ, а время ужъ приспѣло.
Воззри въ послѣдній разъ, наставникъ, на дѣтей,
Всѣ здѣсь они грустятъ и сердцемъ и душей!"

Учен. сред. отд. Александръ Знаменскій.

8. Въ свое время учитель Суздальскаго уѣзднаго училища священникъ Козьма Смирновъ сказалъ слово.

„Какой глубокій сонъ объемлетъ утомленные члены? Какой священный мракъ сокрываетъ отъ насъ любезный зракъ сего неожиданнаго и безмолвнаго посѣтителя св. храма? Ничто не сильно возбудить его, никакой свѣтъ не можетъ разсѣять мглы и прояснить померкшій взоръ его! Почто безвременно оставилъ онъ вертоградъ наукъ, въ которомъ насаждалъ, напоялъ и возращалъ плоды истиннаго просвѣщенія? Возстани, неутомимый дѣятель, и гряди паки въ вертоградъ твой! Еще не приблизилось время успокоенія твоего. Еще предлежатъ тебѣ вящшіе подвиги на поприщѣ твоемъ. Прозри, наперсникъ мудрости, твои питомцы стеклись къ тебѣ и жаждутъ твоего проглаголанія, твоего наставленія. Возвратись въ святилище мудрости и вѣщай имъ высокія истины любомудрія, твои сподвижники ожидаютъ тебя.

Но, ахъ! тщетно любовь и усердіе взываютъ къ нему. Тотъ, въ коемъ св. церковь зрѣла вѣрнаго сына и ревностнѣйшаго подвижника благочестія, а юныя чада ея—мудраго руководителя и кроткаго начальника, сей достопочтенный мужъ преждевременно восхищенъ жестокою рукою неумолимой смерти. Лежитъ предъ нами бездыханное тѣло съ неподражаемою ревностью и долговременно трудившагося въ вертоградѣ Христовомъ и образовывшаго таланты юношей, готовящихся на служеніе церкви и отечеству. Духъ его воспарилъ къ источнику своему.—

Такъ, слушатели благочестивые, мы человѣки и не можемъ равнодушно взирать на восхищенный смертію любезнѣйшій предметъ. Но мы христіане и не можемъ не содрагаться во глубинѣ души нашей, когда опоры церкви отъемлются грознымъ правосудіемъ. Прискорбно лишиться благопріобрѣтеннаго имущества, лишиться друзей, единственнаго утѣшенія въ горести, лишиться дѣтей, надежной подпоры въ старости. Но тѣ теряютъ гораздо болѣе, кои лишаются мужа, просвѣщавшаго ихъ умъ, удобрявшаго сердце

и возвышавшаго душу. Сколько духъ преимущественнѣе тѣла, сколько вѣчность превосходнѣе тлѣнности, столько драгоцѣннѣе утрата зиждителей духовнаго совершенства, нежели строителей тѣлеснаго благоденствія.

Многіе подлыми средствами и способами непозволительными возвышались на степень суетной славы. Но сей въ Бозѣ почившій священно-архимандритъ Іосифъ истинными заслугами и достоинствами пріобрѣлъ вниманіе начальства, благоволеніе Архипастыря, уваженіе равныхъ себѣ, любовь и почтеніе всѣхъ, умѣвшихъ цѣнить рѣдкіе таланты его ума и добрыя качества его сердца. Проходя степени, не онъ мѣстомъ, а мѣсто всегда имъ украшалось и возвышалось. На священной каѳедрѣ гласомъ твердымъ и мужественнымъ, выраженіями сильными и разительными вѣщалъ онъ вслухъ церкви Божественныя истины откровенія, и его духовныя поученія, поученія въ своемъ родѣ примѣрныя, останутся памятникомъ его великихъ дарованій. Слушатели всегда отходили упоенны духовными чувствіями вѣры и благоговѣнія: ибо каждое слово его столь рѣзко, что пускало корни глубокаго размышленія.

Краткость слова моего не позволитъ подробно распространяться о его богатомъ просвѣщеніи и мудрости, могущихъ быть украшеніемъ самыхъ высшихъ духовныхъ училищъ. Говорить о глубокомъ и основательномъ знаніи философіи, его первѣйшей страсти и отличіи, о неподражаемомъ искусствѣ внушать истины любомудрія питомцамъ просвѣщенія я почитаю излишнимъ при слушателяхъ мудрыхъ уроковъ своего незабвеннаго учителя.

Качества сердца его были сколь любезны и правы просты, столько достойны уваженія и подражанія. Ласкательство и притворство, личность и своекорыстіе всегда были чужды доброму его сердцу. Будучи откровененъ и справедливъ, онъ необыкновенно обличалъ другихъ въ слабостяхъ ихъ и тѣмъ открывалъ способы къ исправленію себя. Самые строгіе выговоры, чинимые имъ по должности своей, всегда вдыхали тайную надежду прощенія.

Но къ чему плодить описаніе качествъ, всѣмъ извѣстныхъ? Кого не плѣнялъ онъ простотою обращенія своею и любезно привлекательною бесѣдою? Можно ли исчислить всѣ доблести его сердца, всѣ таланты ума? Самое злорѣчіе, вникательное къ однимъ порокамъ и слабостямъ, не находило пятенъ, помрачающихъ достоинство его.

Питомцы истиннаго просвѣщенія, васъ нынѣ вопрошаю: какимъ чувствіемъ побуждаемые притекли вы всѣ во градъ и храмъ сей, съ какимъ сѣтованіемъ и горестью предстоите печальному гробу скрывшаго отъ насъ навѣки очи свои? Съ какимъ цѣлованіемъ произнести послѣднее прости невозвратно отшедшему отъ страны свѣта сего въ жилище вѣчнаго покоя? Вы въ сѣтованіи, молча, отвѣтствуете: единое чувствіе благодарности привлекло насъ воздать послѣдній долгъ мудрому, попечительному, незабвенному наставнику нашему. Хотя онъ отошелъ отъ насъ, отошелъ на вѣки, но всегда будетъ жить въ сердцахъ нашихъ, въ любви, благодарности, въ памяти незабвенной.

Почивай отнынѣ, возлюбленная Богу и человѣкомъ душа, почивай въ свѣтлостяхъ святыхъ, въ селеніяхъ праведныхъ, наслаждайся при вѣчныхъ

источникахъ благости Божіей плодами доблестей твоихъ, вкушай пріятность того покоя, о коемъ глаголетъ Духъ Святый: блаженіи умирающіи о Господѣ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ.

Боже всеблагій! пріими въ пренебесный Твой жертвенникъ теплыя молитвы, возсылаемыя нынѣ церковію о усопшемъ священноархимандритѣ Іосифѣ и упокой душу его, идѣже праведные водворяются. Аминь“.

9. По окончаніи литургіи, когда начальствующій архимандритъ и духовенство вышли, ученики покойнаго говорятъ стихи:

„Какое зрѣлище ужасное для ока,
Все вкругъ исполнено унынія глубока.
Се зримъ наставника и кроткаго отца,
Что мудростью питалъ и умъ нашъ и сердца,
Зримъ не на каѳедрѣ нелестными устами
Гласяща истину межъ юными сынами,
Но, ахъ! отъ страха весь языкъ мой леденѣетъ
И выразить вполнѣ всѣхъ чувствій не умѣетъ,
Зримъ въ гробъ повержена, съ померкнувшимъ челомъ,
Безъ чувствъ, объятаго непробудимымъ сномъ.
Зримъ хладныя уста и длани леденѣлы,
Ланиты блѣдныя, сухія, помертвѣлы.
О, смерть жестокая, безжалостная тать,
Почто осмѣлилась у насъ отца отнять?
Но тщетны всѣ теперь всѣ вопли и взыванья...
Осталось лишь отцу послѣдне воздаянье—
Молитвы къ Господу сердечныя пролить,
Да успшаго къ святымъ благоволитъ причтить“.

Уч. ср. отд. Александръ Вигилянскій.

„O Pater!, ad verum num vis nos tendere solos?
Assurgas! nos ducta in penetralia veri.
Quid loquimur? somno mortis placido ille quiescit.
Jam nostrum solum est de pectore promere grates
Ac effere in pectoribus nostris monumenta,
Quae tempus velox possit convellere nusquam.
Magne animus! nos coelitus aspice moestque gerentes
Atque tuis precibis age vivere ruste“.

Далѣе прочитаны были греческіе стихи.

10. Предъ послѣднею эктеніею читаны были три рѣчи, училища священникъ Егоръ Лебедевъ по одну сторону гроба, а по другую священникъ же учитель Ѳедоровскій.

„Печальное собраніе.

Зѣло рано пришли мы на гробъ сей. Едвали преподобнѣйшій духъ опочившаго нынѣ о Господѣ вступилъ на полуденный горизонтъ жизни человѣческой,—и мы зримъ мгновенный западъ его. Зѣло рано! Едвали сіявшу не въ малѣ времени солнцу наукъ и знаній его, возсіявшу въ полной силѣ

блеска своего, мы пришли видѣть конечный закатъ его. Мы должны совершать надъ бездыханными мощами его послѣдній долгъ крушенія и слезъ сердечныхъ. Сего ли юныя скорбящія дѣти ожидали вы, преставъ на время вкушать изъ сладкихъ источниковъ ученія его? Нѣтъ! и мы, сочувствуя вамъ, надѣялись, что всеблагій Богъ воздвигнетъ паки свѣтильника своего отъ одра болѣзненнаго, да свѣтитъ какъбы снова на горизонтѣ своемъ, да еще сердца и умы духовнаго юношества просвѣщаются отъ него. Но, великій Боже, мы безмолствуемъ, читая тайную книгу непостижимыхъ судебъ Твоихъ. Конечно, Тебѣ угодна бѣ преподобнаго душа его. Утѣшитесь и вы, сѣтующіе юноши, симъ Вышняго къ нему благоволеніемъ. Вознесемъ паче, предстоя гробу сему, послѣдній молитвенный гласъ къ престолу Жизнодавца, да пріиметъ съ миромъ духъ его, ходатайствующій о ниспосланіи вамъ новаго наставника.“

„Почто скрывается отъ человѣковъ другъ человѣчества? Мы обращаемъ на тебя взоры, но ты закрылъ отъ насъ вѣжди своя. Се и питомцы твои съ нетерпѣливостью ожидаютъ мудрыхъ наставленій твоихъ. Но ты безмолвствуешь,—глубокій сонъ смерти объемлетъ чувства твои. Кого лишаются сіи питомцы мудрости? Мудраго наставника! Но утѣшитесь, юные. Вамъ осталось по смерти его богатое наслѣдствіе — совѣты и наставленія. Ваши умы будутъ имѣть въ себѣ отпечатки глубокихъ его познаній, сердца— отличныхъ добродѣтелей. Гласъ просвѣщенія будетъ отзываться благодарностью, пользуясь плодами трудовъ его, драгоцѣнными для каждаго воспитанника церкви. Сама церковь гласомъ благочестивой любви будетъ взывать непрестанно къ Господу, да почіетъ онъ отъ трудовъ своихъ.

Владыко живота и смерти! тебѣ онъ предалъ духъ свой, оставивши тѣло сіе. Молимся Тебѣ, пріими его по благодати обѣтованія своего и упокой его со святыми Твоими въ селеніяхъ свѣта.“

11. Послѣ нихъ читана рѣчь бывшимъ тутъ профессоромъ семинаріи Петромъ Туберовскимъ.

„Горѣлъ, чтобы другимъ свѣтить, горѣлъ любовью къ ученію доброму, свѣтоносному, богомудрому, горѣлъ любовью ко благу питомцевъ, его наставленіямъ ввѣренныхъ,—и ясенъ былъ свѣтъ его. Быстро и благодѣтельно проницалъ онъ сердца сихъ (указалъ на учениковъ покойнаго) юныхъ дѣтей церкви. Но гдѣ же отблески его? Они объяты тьмою, самъ свѣтившій подъ мракомъ смерти. Мужъ доблестьми сильный въ кругу сотрудниковъ твоихъ, мужъ радотворный среди друзей твоихъ, мужъ приснопамятный осчастливленнымъ тобою питомцамъ,—къ тебѣ взываемъ мы, отвѣтствуй на привѣтственный гласъ нашъ! Но что сіи (указалъ на гробъ) закрытыя уста, любившія истину, умолкли и нѣмотствуютъ? Это ли гласъ знакомый и близкій сердцу нашему? И что сей смежившійся взоръ, вѣрно обозрѣвавшій близкая и глубоко проницавшій въ отдаленная, не хочетъ видѣть печали дѣтей, пришедшихъ увѣриться въ горестной утратѣ своей и воздать по-

слѣдняя отцу наставнику? И что сіе тѣло, являвшее бодрость и мужество духа, въ немъ живущаго, не имѣетъ ниже вида, ниже доброты,—только сіи (указалъ на духовенство) благовѣстники мира и славы Божіей въ человѣцѣхъ повѣдаютъ намъ, что вошелъ въ покой твой. Убо крѣпокъ покой сей, когда ни слезы, ни рыданія не пробуждаютъ тебя. Убо сладокъ покой сей, когда ничто земное не привлекаетъ уже тебя, ни даже умоляющая горесть сихъ (учениковъ), толико любезныхъ тебѣ бывшихъ. Такъ ты внишелъ въ радость Господа Твоего, но намъ живущимъ оставилъ сѣтованіе. И сердце наше при всемъ утѣшеніи хвалебныхъ гласовъ церкви желало бы спросить тебя, почто такъ рано и неожиданно оставилъ, почто любовь твоя ко благу сихъ (учениковъ) такъ скоро принесла тебя въ жертву? Ничто не отлучило тебя отъ любви сей—чудная любовь! Не видимъ ли мы, что и одинъ ложный признакъ опасности устрашаетъ ложныхъ друзей истины? Не видимъ ли, какъ они самовольно устраняются отъ исполненія долга при малѣйшемъ чаяніи непріятностей для ихъ здоровья или только корыстолюбія? Но тебя, тебя ничто не отклонило отъ любви къ истинѣ, отъ исполненія обязанностей, Богомъ и придержащею властію на тебя возложенныхъ: ни сѣтованіе друзей, предчувствовавшихъ потерю сію и ранними совѣтами къ тебѣ желавшихъ отклонить отъ себя горестную утрату, ни болѣзненныя внушенія тѣлесной природы, явно ослабѣвшей и очевидно угрожаемой раннимъ и близкимъ разрушеніемъ бытія своего, ни смятенныя предчувствія сердца, устрашаемаго недоразумѣваемою тайною перехода отъ разрушенія къ бытію, отъ жизни временной къ безсмертію,—до конца пребылъ вѣренъ долгу твоему. И совершился жребій твой, и совершились наши опасенія, и приспѣла горесть тобою оставленныхъ. Но кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, взываетъ къ намъ душа твоя, нынѣ живущая во свѣтѣ Бога неприступномъ. „Богъ мой, говоритъ онъ, нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ". Такъ земной другъ нашъ, душею въ Богѣ живущій и уже не разсуждающій съ нами здѣсь, но тамо вѣдающій тайну бытія твоего, ты оскорбился бы нехристіанскимъ сѣтованіемъ нашимъ и упрекнулъ бы маловѣрному нашему ожиданію свиданія въ радостное утро. Сей то дружественный и знакомый намъ гласъ утѣшаетъ насъ, пришедшихъ дать тебѣ последнее цѣлованіе. Покойся убо, любезный прахъ, до вѣчнаго пробужденія! И пусть свѣтъ, коимъ ты свѣтилъ для сихъ (учениковъ) ищущихъ истины, просвѣтится для тебя за онъ полъ жизни, и тамъ сіе тлѣніе и прахъ (указалъ на тѣло) возродится жизнію новою, вѣчною."

12. Послѣ выноса тѣла изъ церкви, когда гробъ поровнялся съ воротами соборной ограды, ученикъ покойнаго говорилъ стихи:

„Куда спѣшишь, отецъ?
Но ты на гласъ не отвѣчаешь
Стенящихъ по тебѣ сердецъ!
Ужель на вѣки оставляешь
Любимцевъ сердца твоего?
Ужели мрачная могила

Тебя на вѣки отдѣлила?
Нѣтъ! нѣтъ, не можетъ быть сего.
Могила прахъ твой лишь пожретъ,
Но духъ твой воспаритъ къ обителямъ небеснымъ,
Гдѣ снова въ Богѣ оживетъ
Къ весельямъ въ мірѣ неизвѣстнымъ.
О духъ, безсмертный и блаженный!
Ты можешь дѣйствовать во всѣхъ краяхъ вселенны,
Воззри же на своихъ сыновъ,
Разсѣй вокругъ ихъ мракъ сгущенный
И сердце ихъ къ добру направь,
Да съ ними нѣкогда предъ тронъ Творца представъ,
Речешь Ему: се дѣти мнѣ врученны".

13. Ученики Суздальскаго уѣзднаго и приходскаго училищъ двое въ рядъ начали шествіе погребальной сей церемоніи и каждый изъ нихъ до самой заставы бросалъ цвѣты и зелень на дорогу, такъ что гробъ всегда шелъ по свѣжимъ цвѣтамъ.

14. За учениками шли по установленному порядку пѣвчіе причетники одѣтые въ стихарь, діаконы и священники изъ всѣхъ церквей Суздаля, коихъ число, выключая причетниковъ, было очень велико.

15. Шествіе священниковъ замыкалъ начальствующій архимандритъ, за которымъ несли гробъ ученики на себѣ до самой заставы.

16. За гробомъ четверо въ рядъ шли всѣ ученики семинаріи. Стеченіе народа обоего пола было многочисленно.

17. По дорогѣ пѣто три литіи: первая противъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря, вторая противъ Спасоевоимієвскаго монастыря, третья за заставою.

18. По окончаніи послѣдней литіи двое учениковъ по обѣимъ сторонамъ гроба говорили стихи.

„Отецъ! сердечно мы хотѣли
Тебя въ болѣзни посѣтить,
Но къ горести своей приспѣли,
Увы! надъ гробомъ слезы лить.
Надежда тщетно сердцу льстила,
Авось еще не умеръ ты;
Прошли какъ сонъ ея мечты
Тебя ждетъ мрачная могила.
Ни нѣжный взглядъ, ни кроткій гласъ
Не усладятъ несчастныхъ.
Смерть въ грудь твою вонзила жало;
Тамъ вопли плачущихъ дѣтей,
Здѣсь тяжкій вздохъ твоихъ друзей,
Всему лишь смерть твоя начало.

Увы! ктожъ бѣднымъ сиротамъ
Путь къ истинѣ покажетъ намъ.
Нѣтъ пастыря—блуждаетъ стадо.
Но ахъ! уже не внемлешь ты,
Воззри хоть съ горней высоты,
Утѣшь насъ наша ты отрада".

Уч. ср. отд. Ксенофонтъ Делекторскій.

„Отецъ! се мы къ тебѣ изъ далека пришли,
Не грозный гласъ—сердца дѣтей сюда влекли.
Не сладкія слова, не сладки наставленья
Услышать мы пришли,—слезу благодаренья
Излить къ тебѣ, и нашъ послѣдній долгъ явить.
Почто ты въ сиротствѣ дѣтей оставилъ жить?
Давноль ученіемъ твоимъ мы наслаждались?
Давноль?—и ты на вѣкъ сможилъ свой взоръ..
И нѣтъ тебя, ты тамъ, гдѣ ангеловъ соборъ.
Пріими, отецъ, отъ-насъ усердно приношенье—
Не монументъ, нашъ вздохъ, слезу въ благодаренье".

Уч. ср. отд. Никаноръ Скандовскій.

19. Потомъ, когда гробъ положенъ на дроги и кучеръ уже сѣлъ, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи сказалъ послѣдніе прощательные стихи:

„Миръ праху твоему, да будетъ миръ съ тобою,
Наставникъ ревностный, нѣжнѣйшій нашъ отецъ,
Оставя насъ, пришелъ ты къ вѣчному покою,
И не оставилъ намъ спокойствія сердецъ.

Блаженная душа, отъ свѣтлаго жилища
Приникни долу ты, воззри на скорби тѣхъ,
Которымъ сладостна твоихъ ученій пища
Была,—и отъ нея вкушали тьмы утѣхъ.

Воззри на скорби тѣхъ, тѣхъ—кои въ половину
Вкусили отъ питательныхъ словесъ,
Они, здѣсь предстоя, злосчастную судьбину
Оплакиваютъ всѣ, ліютъ потоки слезъ.

Такъ намъ осталось лишь одно воспоминанье
О семъ наставникѣ.—Какое воздаянье
Мы принесемъ ему?
Речемъ въ тоскѣ сердецъ: миръ праху твоему."

Послѣ того четвернею повезенъ гробъ до назначеннаго мѣста, а духовенство пошли на закуску въ домъ архимандрита Спасоевоиміевскаго монастыря.

21. Тогоже числа 29-го гробъ довезенъ до Юрьева.

22. За двѣнадцать верстъ не доѣзжая до Юрьева, монахи Архангельскаго монастыря встрѣтили своего настоятеля и въ облаченіи предъ гробомъ шли, который и былъ довезенъ до Юрьева тогоже 29-го числа. Но поелику за позднимъ временемъ (было уже 11 часовъ) церемоніальной встрѣчи дѣлать было нельзя, то тѣло остановилось за городомъ за четыре версты и постановлено въ церковь села Даниловскаго.

23. На утро дня 30 числа въ 7 часовъ въ монастырѣ начался благовѣстъ, и всѣ оставшіеся монахи подъ начальствомъ казначея пошли на встрѣтеніе гроба и встрѣтили его далеко за городомъ.

24. Не доходя до города, соединились съ ними и все Юрьевское духовенство и при многочисленномъ стеченіи народа и при колокольномъ звонѣ началось шествіе въ монастырь. Гробъ отъ мѣста встрѣчи до самаго монастыря несли на себѣ монахи Архангельскаго монастыря.

25. По принесеніи гроба началась обѣдня, а послѣ обѣдни большая панихида.

26. По окончаніи панихиды двое учениковъ говорили одинъ рѣчь, а другой стихи.

„Почтенный гость! въ послѣдній разъ
Мы зримъ тебя передъ собою,
Вѣщай намъ истину, плѣнялъ которой насъ,
Утѣшь тѣмъ сирыхъ чадъ, снѣдаемыхъ тоскою.
Вѣщай, мы ждемъ тебя... Мы ждемъ... но, ахъ, напрасно,—
Онъ мертвъ, во гробѣ онъ. Смерть лютая, ужасна,
Пресѣкла дни его. Въ сей урнѣ мертвый прахъ,
А духъ его на небесахъ.
Уста, что истину вѣщали,
На вѣки замолчали.
Онъ въ вѣчность воспарилъ безсмертною душой,
Почтите жъ прахъ его признанія слезой.
А ты, отецъ, изъ горней мирной сѣни
Пріосѣни насъ мудростью своей,
Благоволи, да твой великій мощный геній
Во вѣкъ съ дѣтьми живетъ!“

Р Ѣ Ч Ь.

„Ты уже пришелъ къ мѣсту упокоенія твоего, наставникъ нашъ, отецъ. Уже мрачная могила готова вмѣстить тебя, уже скоро сіи (указалъ на гробъ) тлѣнные остатки тебя самого засыпаны будутъ землей и сами скоро будутъ земля. Горестно вѣрить, что ты былъ земля и въ землю отходиши. Ахъ, если бы можно было,—мы поспорили съ тобою самимъ со всею природою нашею къ тебѣ и твоею къ намъ любовію, и любовь твоя восторжествовала бы“..

Примѣчаніе. Поелику рѣчь и стихи по скорости и на дорогѣ писаны были карандашомъ, то и стерлись; и по пріѣздѣ, когда всѣ сочиненія собирались во едино, стихи едва были разобраны, а рѣчи одно только здѣсь представленное начало могло быть разобрано, а прочее совершенно стерлось; дополнить не хотѣлось потому, что сей конецъ, какъ нѣчто обдуманное, былъ бы контрастомъ со всѣми прочими, писанными безъ всякаго приготовленія.

Потомъ гробъ монахами Архангельскаго монастыря понесенъ къ могилѣ, которая уготовлена была противъ алтаря главной церкви съ правой руки.

Когда гробъ начали спускать по холсту, ученикъ говорилъ рѣчь, между тѣмъ какъ работники держали гробъ на холстѣ въ половину опущенный въ могильное отверстіе.

Примѣчаніе. Рѣчь эта по вышесказанной причинѣ совсѣмъ не могла быть разобрана и лучше найдено ее оставить.

Когда священнодѣйствующіе по обыкновенію посыпали опущенный гробъ землею и падавшая земля уныло застучала о гробовую доску, бывшій тутъ племянникъ, совершенный сирота, жившій по бѣдности на его содержаніи, читалъ слѣдующіе стихи:

„Свершилось все — и нѣтъ тебя,
Засыпанъ прахомъ ты могильнымъ,
Минула радость для меня,
И горемъ сильнымъ и обильнымъ
Сугубо надѣлитъ судьба.
Отецъ, отецъ мой, гдѣ, когда
Увидимся мы здѣсь съ тобою?
Что будетъ съ бѣднымъ сиротою?
Увы, уже не внемлешь ты,
И тщетны счастія мечты.
Приникни хоть, отецъ, оттолѣ,
Когда въ твоей то будетъ волѣ,
Меня совсѣмъ ты не оставь;
Бывъ съ Богомъ тамъ, хотя мольбою
О мнѣ къ нему, ты съ сиротою,
Отецъ, бесѣдуй иногда.
Моиже сердца и уста
Не замолчатъ нигдѣ и никогда“...

Поелику и сіи стихи писаны были карандашомъ, какъ и потерянная рѣчь, то едва и сіи здѣсь представленные послѣ могли быть разобраны, а конецъ ихъ стертъ и по той же какъ выше причинѣ не могъ быть дополненъ.

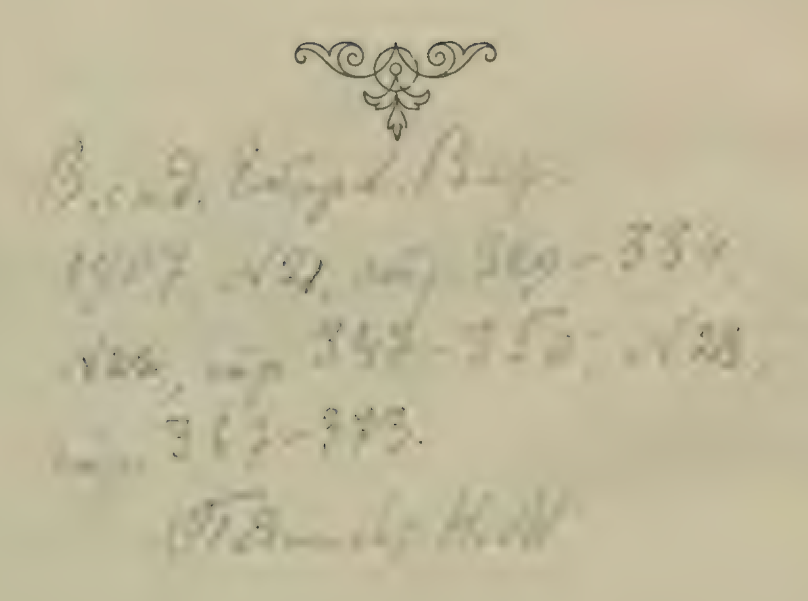
Но поелику онъ отъ рыданія не могъ читать стихи, то бывшій тутъ профессоръ, чтобы пособить сему замѣшательству, произнесъ слѣдующій экспромтъ:

„Итакъ—свершилось все—и нѣтъ тебя,
Тебя засыпалъ прахъ могильный.
Мольбы, желанія безсильны.
Ужели гнѣвная судьба
Твоихъ питомцевъ въ наказанье
Тебя—ихъ радость отняла,
Къ тебѣ ль завистлива была?
Ахъ, нѣтъ! она лишь въ воздаянье
Твоихъ для общества услугъ,—
Ты истины былъ вѣрный другъ,
Тебя отселѣ преселила,
И тамъ, о вѣрно, наградила
Безсмертья радостей вѣнцомъ.
Бывъ сердобольнымъ сихъ (указалъ на учениковъ) отцемъ,
Ты заслужилъ любовь небесну,
Судьба твоя для насъ извѣстна.“

Послѣ сего священнодѣйствующіе и весьма многіе изъ гражданъ, любившихъ покойнаго, пошли въ кельи его, гдѣ и были угощаемы закускою казначеемъ монастыря.

Примѣчаніе. Надобно замѣтить, что всѣ представленныя здѣсь сочиненія не могли быть плодомъ обдуманности, но паче безъискусственныя изліянія сердца, проникнутаго до глубины чувствованіемъ настоящаго печальнаго случая. Что сіе замѣчаніе правда, доказывается тѣмъ, что извѣстіе о смерти уважаемаго сотрудниками и любимаго учениками профессора пришло въ понедѣльникъ по утру, когда ученики пришли въ классъ, гдѣ, по неотступной ихъ просьбѣ, получили позволеніе отправиться въ Суздаль. И поелику всѣ шли пѣшкомъ 33 версты, то всѣ почти пришли въ сумерки, и натурально, что всѣ они отъ усталости были склоннѣе къ отдохновенію и не могли съ настоящею обдуманностію сочинять. И что выдумаетъ неопытный ученикъ? Но сердце ихъ бодрствовало и въ шесть часовъ утра, т. е. во вторникъ 28 мая, откомандированный отъ правленія семинаріи профессоръ оглушенъ былъ, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ неотступными просьбами то тому, то другому что-нибудь позволить прочитать. Поправлять было некогда, да и лучшимъ почелъ оставить усердныя приношенія, какъ они есть. Тоже можно сказать о проповѣдяхъ и о рѣчахъ Суздальскихъ учителей, ибо отряженный профессоръ, пріѣхавъ въ понедѣльникъ уже къ вечеру, и, поелику ничего не было готоваго къ имѣющей быть заутра въ 7 часовъ погребальной про-

цессіи, по множеству дѣла едва успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія и уже поздно увѣдомить объ ономъ г. учителей. Изъ вышесказаннаго видно, что все здѣсь написанное обработано не временемъ и обдуманностію, но усердіемъ: отъ избытка бо сердца и уста глаголютъ."

Вѣдомость о мощахъ святыхъ, почивающихъ въ г. Переславлѣ, составленная въ 1745 году.

Въ 1744 году изданъ былъ Высочайшій указъ о наведеніи справокъ и представленіи въ Св. Синодъ подробныхъ свѣдѣній о мощахъ святыхъ, почивающихъ во всѣхъ епархіяхъ Россійской имперіи. Указомъ этимъ архіереямъ предписывалось „учинить достовѣрныя опредѣленія, въ коемъ которыя мощи году и при коемъ епархіальномъ архіереѣ отъ нѣдръ земли верху ея и съ гробницами выступили, и въ какомъ кои тѣлеса качествѣ состояли, и какія, и когда, кому отъ коихъ явленія и исцѣленіе отъ недуговъ и болѣзней были, и прочія чудеса происходили, и когдажъ оныя паки и по какимъ указомъ, и кѣмъ скрыты.“[1])

Приведенный указъ вмѣстѣ съ другими архіереями получилъ и архіепископъ Арсеній, назначенный въ 1744 году на новооткрытую Переславскую каѳедру.[2]) По его распоряженію Переславская духовная консисторія тотчасъ же приступила къ собранію соотвѣтствующихъ свѣдѣній и въ концѣ 1745 года (30 ноября) представила въ Св. Синодъ во исполненіе указа особую вѣдомость „о находящихся въ Переславлѣ-Залѣсскомъ святыхъ мощахъ.“

Цитируемая вѣдомость не издана въ печати.[3]) Она имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для научнаго установленія тѣхъ свѣдѣній, какими располагалъ Переславль о мощахъ чтимыхъ имъ святыхъ къ половинѣ XVIII столѣтія, а также отчасти для ознакомленія съ состояніемъ, въ какомъ находились гробницы Переславскихъ Чудотворцевъ въ указанное время. Вѣдомость эта приводится ниже цѣликомъ, исключая патріаршихъ грамотъ и челобитья Данилова монастыря, которыя уже издавались и въ виду того здѣсь опускаются.[4])

О мощахъ Преподобнаго Данила Игумена, Переславскаго Чудотворца, состоящихъ въ Переславскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Во объявленномъ Даниловомъ монастырѣ отысканы три грамоты, каковы даны въ прошлыхъ 7161-мъ и 7162-мъ годѣхъ отъ святѣйшаго Никона.

---

[1]) См. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія Россійской имперіи. Т. II, № 785.

[2]) См. тамъже, № 745.

[3]) Нѣкоторыя извлеченія изъ нея, впрочемъ, сдѣланы профес. Е. Голубинскимъ въ его сочиненіи „Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви“ по нему Синодальнаго архива (стр. 575—76).

[4]) См. Влад. Губ. Вѣд. 1744 г. и Житіе Преподобнаго отца нашего Даніила, Переславскаго Чудотворца. Прот. А. Свирѣлина. 1894 г.

патріарха Московскаго и всея Россіи, того Данилова монастыря архимандриту Тихону да келарю старцу Никитѣ: 1-я о свидѣтельствѣ помянутаго Преподобнаго Данила Игумена, Переславскаго Чудотворца, мощей, 2-я о строеніи во имя его Преподобнаго каменной церкви, 3-я о праздновании ему Чудотворцу Данилу въ томъ монастырѣ и во градѣ Переславлѣ на преставленіе апрѣля 7-го, на обрѣтеніе мощей его декабря 30 чиселъ.—да челобитье, каковое подано святѣйшему Никону патріарху отъ архимандрита Тихона да отъ келаря Никиты объ означенномъ же праздновании Чудотворцу Данилу и о строеніи надъ гробомъ его полатки, съ которыхъ грамотъ и челобитья въ Переславскую духовную консисторію отъ Данилова монастыря при репортѣ объявлены копіи и въ тѣхъ грамотахъ и челобитьѣ между прочимъ упоминается о свидѣтельствѣ мощей его Преподобнаго Данила Игумена, Переславскаго Чудотворца.—Преосвященному Іонѣ, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, дана грамота, а въ которомъ году и гдѣ та грамота нынѣ и свидѣтельство онымъ мощамъ было ли, и въ какомъ оныя тѣлесе качествѣ состоятъ, о томъ де въ Даниловомъ монастырѣ извѣстія не имѣется.[1]) А оныя Преподобнаго мощи имѣются вверху земли въ гробницѣ нескрываемы. А какія, кому, когда отъ мощей явленіи и исцѣленіи отъ недугъ и болѣзней были и прочія чудеса происходили, о томъ съ записокъ въ Переславской духовной консисторіи объявлены копіи. А празднество ему Преподобному Данилу происходитъ въ вышеобъявленныхъ апрѣля 7-го и декабря 30-го чиселъ и по прологу онаго апрѣля 7-го числа положено ему Преподобному слово.

Выписка съ записокъ о чудесахъ Преподобнаго Данила Игумена, Переславскаго Чудотворца, по обрѣтеніи святыхъ мощей его отъ 7160-го года, каковы и кому отъ недугъ и болѣзней исцѣленіи были и прочія чудеса происходили, значитъ ниже сего:

Боярина Лаврентья Дмитріевича Салтыкова жена его Евдокія одержима была лѣта три болѣзнью разслабленія и отъ той болѣзни молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Боярской сынъ Богданъ Ермолинъ сынъ Анцинъ отъ одержимыя болѣзни внутренней яко до семи лѣтъ и молитвами Преподобнаго отъ гроба его святаго исцѣленіе получи.

Поселянинъ Степанъ Слоевъ отъ болѣзни, нарицаемой огневой, и бысть во изступленіи ума и молитвами Преподобнаго отъ гроба и отъ воды святой исцѣленіе получи.

[1]) Судя по показанию „Неизвѣданія“ настоятеля Переславскаго Данилова монастыря Варлаама Высоцкаго (былъ настоятелемъ съ 1710 по 1726 г.), митрополитъ Ростовскій Іона, по освидѣтельствованіи мощей, „понеже переносить ихъ безъ указу ему было не вольно, паки въ тоже мѣсто, гдѣ были, въ землю въ гробъ“ положилъ. Мощи остались, такимъ образомъ, подъ спудомъ, въ могилѣ, выложенной кирпичемъ, только надъ главою оставлено было небольшое окно. Надъ могилою находилась гробница и сѣнь. Въ 1716 году, съ разрѣшенія мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, который, по просьбѣ архимандрита Варлаама, распорядился „Преподобнаго Данила перенесть въ удобное мѣсто, гдѣ пристойно, въ славу Св. Троицы“, Варлаамъ Высоцкій вынулъ изъ могилы мощи Прен. Данила, положилъ въ раку и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ почиваютъ досель. (См. Русскій Архивъ, 1901 г., кн 3, стр. 353—363).

Служней сынъ того монастыря Илія отъ болѣзни разслабленной молитвами Преподобнаго отъ кладезной воды, юже самъ Преподобный при животѣ ископа своими рукама, исцѣленіе получи.

Соколей помытчикъ Антипа Казариновъ въ болѣзни разслабленной отъ кладезной воды исцѣленіе получи.

Поваровъ сынъ Иванъ Богдановъ отъ болѣзни, нарицаемой черной, молитвами Преподобнаго и отъ кладезной воды исцѣленіе получи.

Посацкой человѣкъ Автономъ отъ глухоты и отъ великаго шума и ломоты во главѣ его молитвами Преподобнаго отъ гроба святаго исцѣленіе получи.

Горицкаго монастыря слуги Петра Фролова жена его Θекла, имѣя на себѣ великую болѣзнь, и отъ очевной болѣзни слѣпоты отъ кладезной воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Того монастыря села Романова крестьянина Стефана Слоева жена его Матрена отъ очной болѣзни молитвами отъ кладезной воды Преподобнаго исцѣленіе получи.

Θеодоровскаго монастыря попъ Викула отъ болѣзни трясавицы отъ кладезной воды Преподобнаго молитвами его исцѣленіе получи.

Бояринъ Лаврентій Салтыковъ отъ очной болѣзни исцѣленіе молитвами Преподобнаго получи.

Старецъ оной же обители Іона отъ великой болѣзни ногъ его молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Села Усолья жена Матрена отъ очной болѣзни молитвами Преподобнаго отъ гроба святаго исцѣленіе получи.

Жена Θекла отъ болѣзни, нарицаемой огневой, молитвами Преподобнаго отъ гроба святаго исцѣленіе получи.

Горицкаго монастыря иконописецъ Димитрій отъ болѣзни, нарицаемой трясавицы, отъ кладезной воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Города Переславля-Залѣсскаго церкви Рождества Христова попъ именемъ Аѳанасій отъ трясавицы отъ кладезной воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Димитрій Богдановъ отъ болѣзни подъ щекою его молитвами Преподобнаго отъ гроба святаго исцѣленіе получи.

Тогожъ Данилова монастыря поварова жена именемъ Стефанида отъ болѣзни отъ разслабленія отъ кладезной воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Попа Викулы сынъ Петръ отъ болѣзни, что глава обратися ему на страну и назадъ себѣ зряше, отъ кладезной воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Отрокъ Симеонъ случися ему болѣзнь, зла бысть, во изумленіи металшеся на землю, молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Тогожъ монастыря конюха Петра сынъ его Аѳанасій бѣсновавшійся молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Луговой слободки жена именемъ Мавра Мостоухина, имѣя ножную болѣзнь и не мало ею ступаше, молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи

Прежде реченнаго попа Викулы жена его Епистимія отъ сердечной болѣзни молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Села Усолья крестьянинъ Петръ отъ разслабленной болѣзни молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Горицкаго монастыря старецъ Моисей, имѣяй ножную болѣзнь, отъ кладезной воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Рыбной слободы нѣкто именемъ Θеодоръ, прослытьемъ Молчаковъ, жена его именемъ Параскевія одержима бѣсновавшейся болѣзнью, молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Посадская жена именемъ Ульяна, имѣя у себя очную болѣзнь, молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Θеодоровскаго монастыря казначей старецъ Ермогенъ отъ неразумія его вотрузи въ кладезь Преподобнаго жезлъ свой, имъ же подпирахся, и въ той часъ отъястся руцѣ его, яко древо, и не можаше ничесо ими творити и о согрѣшеніи томъ покаяся и паки молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Священника Родіона сынъ его младенецъ Петръ, имѣяй болѣзнь яко все тѣло его вреды исполнися, тоя ради болѣзни едва живъ бысть, и исцѣленіе молитвами Преподобнаго получи.

Тойже Рыбной слободы мужъ именемъ Θеодоръ, скорбь имѣяй ногою своею и не можаше ходити ею, молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Дворянина Ивана Климентовича, прослытьемъ Чулкова, жена его Ксенія ногами зѣло скорбяше до двою лѣту и исцѣленіе получи.

Переславля-Залѣсскаго посадскаго человѣка именемъ Максима, прослытьемъ Поплевина, жена его Матрена имѣяше болѣзнь, ногъ ея персты опнившие и на одрѣ лежаще годъ и шесть мѣсяцевъ, и исцѣленіе молитвами Преподобнаго получи.

Тогожъ града Рыбной слободы мужъ именемъ Василій, прослытьемъ Щелагинъ, сынъ его Василій и дщерь его именемъ Ксенія одержима огневою болѣзнью и отъ кладезя Преподобнаго воды молитвами его исцѣленіе получи.

Тогожъ Данилова монастыря старецъ Корнилій, имѣя у себя сердечную болѣзнь, и отъ того кладезя воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Тогожъ града мужа именемъ Прокопія, прослытьемъ Угримова, дщерь его дѣвина Θеодосія одержима болѣзнью отъ гроба святаго и отъ кладезя воды молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Села Кабанскаго деревни Оламова крестьянина именемъ Григорія дочь его дѣвица Агаѳія, имѣя скорбь разслабленную, отъ гроба святаго молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Деревни жъ Оламова жена именемъ Агриппина, имѣя въ себѣ болѣзнь внутреннюю и во главѣ ея ломота велія, молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Села Будовскаго попъ именемъ Іоаннъ, имѣя болѣзнь ногою его, кимало ступаше ею, но молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Тогожъ града Переславля мужъ нѣкто именемъ Григорій жена его Евдокія, имѣя очима болѣзнь, и отъ гроба святаго молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Тогожъ града посадской человѣкъ именемъ Симеонъ, имѣяй очную у себя болѣзнь и нимало зрѣ, но отъ гроба святаго молитвами Преподобнаго исцѣленіе получи.

Вдова именемъ Устинія, имѣяй скорбь внутреннюю, и у мощей Преподобнаго взяше земли, а отъ кладезя святаго воды и тѣмъ исцѣленіе получи.

Тогожъ Данилова монастыря старца Игнатія сынъ его именемъ Матоей, имѣяй скорбь до пятнадцати лѣтъ, глаголемую черную, и многажды меташе его на землю и бѣсновашеся, но молитвами Преподобнаго отъ гроба святаго и отъ кладезя воды исцѣленіе получи.

Тогожъ града Рыбной слободы рыболовъ именемъ Никита имѣяше болѣзнь—гніяше нога его, и молитвами Преподобнаго отъ кладезя святаго воды исцѣленіе получи.

Лѣта 1733 году марта 12-го Успенскаго Дѣвича монастыря, что въ Новоалександровой слободѣ духовникъ іеромонахъ Паисій Крапивинъ, имѣяй у себя очевную невидѣнія болѣзнь и ни мало зряше и отъ кладезя Преподобнаго воды исцѣленіе себѣ получи.

О мощахъ святаго Благовѣрнаго Князя Андрея Смоленскаго, Переславскаго Чудотворца, обрѣтающихся въ Переславскомъ Князь Андреевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Оныя святаго Благовѣрнаго Князя Андрея Смоленскаго, Переславскаго Чудотворца, мощи состоятъ подъ спудомъ, надъ которыми имѣется образъ его Благовѣрнаго Князя Андрея, о которыхъ во объявленной въ Переславскую духовную консисторію письменной книжицѣ[1]) между прочимъ показано. Въ лѣто 7048-е при Благочестивѣйшемъ и христолюбивомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Самодержцѣ Всероссійскомъ и при Преосвященномъ митрополитѣ Іоасафѣ Московскомъ и всея Россіи и при Благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Еленѣ, по повелѣнію Его Царскаго Величества, а по доносу Переславля-Залѣсскаго Горицкаго (нынѣ же и катедральнаго) монастыря Преподобнаго архимандрита Данила, онымъ Преподобнымъ архимандритомъ Даниломъ съ священнослужители града Переславля мощи его Благовѣрнаго Князя Андрея, преопочивающія въ нѣд-

[1]) Книжица эта вмѣстѣ съ докладомъ отослана была въ 1745 году въ Св. Синодъ, откуда въ 1746 году прислана была обратно въ консисторію. Изъ дѣла не видно, чтобы консисторія ее возвратила въ Князь-Андреевскій монастырь. Но въ настоящее время при Князь-Андреевской церкви хранится древняя рукописная книга, составленная неизвѣстно кѣмъ и когда и заключающая въ себѣ службу Благовѣрному Князю Андрею Смоленскому, краткое житіе его, сказаніе объ обрѣтеніи мощей его, повѣсть о хожденіи по водамъ Благовѣрнаго князя Андрея, повѣданную преподобнымъ Даніиломъ, Переславскимъ Чудотворцемъ, повѣсть о сгорѣніи церкви Князь-Андреевской и молитву Благовѣрному Князю Андрею. (См. Опис. древнихъ предметовъ, находящихся въ Князь-Андреевской церкви). Возможно, что это и есть та книжица, о которой говорятъ составители вѣдомости.

рахъ земли при церкви святаго Николая Чудотворца, близъ вратъ града Переславля (гдѣ нынѣ монастырь, зовомый Князь Андреевскій Дѣвичь) отысканы, и обрѣтеся не во гробѣ, но скалами берестовыми обвиты и около его множество гробовъ исполнены костей человѣческихъ, онъже ничимъ врежденъ, ниже смѣсися со иными костьми, аще и вкупѣ лежаху, мощи же его цѣли и яко миромъ обліяни видяхуся, благоуханіе испущающе; власы же главніи русы и велиціи и цѣли бяху; и яко свѣтъ свѣтяшеся; ризы же его, въ нихъ же Бога ради препроводи жизнь свою, въ нихъ же и погребенъ бысть, обрѣтошася сверху главы и до ногу на едину страну, яко скутани бяху, на нихъ же и пуговицы мѣдяны. И егда отгребаху отъ мощей землю, въ нихъ же бяху и крупицы многія береста онаго, имъже быша мощи обвиты, и тыя крупицы мнози недужни взимаху и исцѣлевахуся, о чемъ въ той книжицѣ и объявлено именно. А потомъ по объявленію объ ономъ святыхъ мощей обрѣтеніи чрезъ посланнаго отъ упоминаемаго Преподобнаго архимандрита Данила нѣкоего священника вышереченному митрополиту, посланные тѣмъ митрополитомъ Чудовскій архимандритъ Іона, последиже бысть епископъ града Суждаля, и Успенскаго собора протопопъ Гурій тѣ мощи свидѣтельствоваша, при чемъ представлены быша получившіе отъ вышеобъявленныхъ берестяныхъ частицъ цѣльбу, и по свидѣтельствѣ томъ оныя Благовѣрнаго Князя Андрея мощи преложиша въ новый гробъ, обвивше новыми плащаницами и отпѣвше узаконенныя погребенію службы и погребоша его честно.[1]) Нынѣ ему Благовѣрному Князю Андрею по объявленной книжицѣ въ надлежащіе дни исправляется служба. А въ прошлыхъ годѣхъ назадъ тому лѣтъ двадцать и больше, а въ которомъ именно году не показано[2]), присланнымъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода іеромонахомъ Варлаамомъ Овсянниковымъ изъ того монастыря во оный Синодъ забрано книга письменная, въ которой написана служба и житіе его Благовѣрнаго Князя Андрея съ чудесы въ полдесть, желѣза, рекомыя вериги, о которыхъ въ житіи его явствуетъ. А болѣе того въ показанномъ монастырѣ записокъ никакихъ, послѣдующихъ ко оному, не имѣется.

О мощахъ Преподобнаго отца Корнилія, имѣющихся въ Переславскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Пескахъ.

Оныя Преподобнаго отца Корнилія, преставльшагося въ прошломъ 7201-мъ году іюля въ 28-мъ числѣ, мощи нынѣ имѣются подъ спудомъ. А по преставленіи его до прибытія во оный монастырь отправленнаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода для свидѣтельства мощей святыхъ

---

[1]) Очевидно, празднованіе св. Князю Андрею Смоленскому установлено было не въ этотъ разъ (1540 г.), а когда-то позже. (Ср. „Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви“ Е. Голубинскаго, стр. 86, 152 и 557). Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ цитируемаго доклада, въ половинѣ XVIII вѣка уже отправлялась ему служба въ Переславлѣ.

[2]) Іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, о которомъ упоминается ниже, при учрежденіи Св. Синода былъ сдѣланъ его ассессоромъ и оберъ-секретаремъ, а въ

іеромонаха Варлаама Овсяникова мощи его Преподобнаго находились не подъ спудомъ, а какъ отъ нѣдръ земли верху ея зъ гробницею выступили или кѣмъ выняты и въ какомъ тѣлесе качествѣ состояли и кѣмъ свидѣтельствованы, о томъ во ономъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ никакого извѣстія не обрѣтается и никто о томъ сказать не упомнитъ [1]). А въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ имянно сказать не упомнятъже, приказомъ присланнаго отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода помянутаго іеромонаха Овсяникова съ товарищи [2]) велѣно тѣ мощи скрыть, которыя бывымъ тогда того монастыря вѣдателемъ Переславскаго Данилова монастыря архимандритомъ Варлаамомъ въ тожъ время и скрыты въ землю въ трапезѣ и на томъ мѣстѣ учинена каменная гробница, противъ которыя гробницы поставленъ во имя его Преподобнаго Корнилія образъ, писанный въ прошломъ 1714-мъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ [3]) иконописцемъ Переславскимъ жителемъ Антипою Казариновымъ, на томъ же образѣ написанъ оному преподобному тропарь съ кондакомъ, а кѣмъ изложены, о томъ не показано, [4]) съ которыхъ въ

1723 году подпалъ суду. Пріѣздъ его въ Переславль могъ состояться, такимъ образомъ, между 1721—23 г. („Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ И. Чистовича, стр. 97, 168 и др.; ср. Голубинскаго, тамъ же, стр. 576).

[1]) Въ челобитной, поданной Петру Великому архимандритомъ Варлаамомъ (Высоцкимъ), о вскрытіи мощей Корнилія Переславскаго передаются такія подробности: „И какъ Ея Высочеству, блаженной памяти Государынѣ Царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, Никольскаго монастыря игуменъ Варлаамъ доносилъ словесно, что Корниліево тѣло нетлѣнно, только малая часть тлѣнна, и на груди у него мокроты было, и ту мокроту снялъ онъ игуменъ Варлаамъ и положилъ въ пузырекъ стекляной и тою мокротою помазалъ слѣпой дѣвкѣ глаза, и отъ того стала видѣть, и съ того времени и Государыня Царевна изволила намѣреніе положить: какъ будетъ церковь святить, тогдаже и гробъ Корниліевъ разрывъ осмотрѣть, какъ доносилъ Никольскій игуменъ Варлаамъ. И какъ церковь достроили, и изволила Государыня Царевна звать на священіе церкви онаго Рязанскаго митрополита, и онъ отказалъ за немощью, а велѣлъ онъ звать Ростовскаго митрополита Дмитрія, и при томъ изволила Государыня Царевна говорить, чтобъ и гробъ Корниліевъ осмотрѣть и перенести. И съ позволенія словеснаго митрополита Рязанскаго изволила приказать, позвать митрополита Дмитрія. И бывъ церковь святилъ, и гробъ Корниліевъ раскрыть велѣли. И увидѣли то тѣло тлѣнно, одни кости и мало частей съ кожею, и призвали тое дѣвку, про которую доносилъ Ея Высочеству Никольскій игуменъ о слѣпотѣ и о исцѣленіи ея. И та дѣвка сказала Ея Высочеству Государынѣ Царевнѣ и митрополиту Дмитрію, что была слѣпа, а стала видѣть отъ помазанія той мокроты, что съ груди снята въ Корниліевомъ гробѣ, и у той дѣвки взята о томъ сказка за рукою брата ея дѣвки родного Василія Теголева. И по той сказкѣ Ея Величество Государыня Царевна и митрополитъ Дмитрій и я почитали за святаго, а письменно оной митрополитъ хотѣлъ объявить Государынѣ Царевнѣ впредъ, только оставилъ, сочиня въ томъ монастырѣ тропарь да кондакъ. И послѣ того Ея Высочество указала столярамъ своимъ сдѣлать кипарисный гробъ и обить парчею. А митрополитъ Дмитрій приказалъ положить во оной новый гробъ священному чину и подъ тѣ кости велѣлъ сдѣлать бумажникъ и убрать, какъ и до нынѣ обрѣтается. И по тому убранію во гробъ убранныя кости осмотрѣли Ея Высочество Государыня Царевна и митрополитъ Дмитрій и перенесли въ церковь и пѣли панихиду и поставили на мѣсто, идѣже до нынѣ обрѣтается въ Переславлѣ Залѣсскомъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ“. (Русскій Архивъ, 1901 г., № 3, стр. 356—357).

[2]) Слѣдовательно, между 1721—23 г. См. выше.

[3]) Въ описи древнихъ предметовъ Смоленской церкви написаніе образа прен. Корнилія, хранящагося нынѣ въ церкви, отнесено къ 1705 г. Кажется, это тотъ же образъ, о которомъ упоминается въ вѣдомости. Послѣ посѣщенія города Переславля іеромонахомъ Овсяниковымъ онъ взятъ былъ въ Св. Синодъ: въ 1744 г. въ монастырѣ его не было, а возвращенъ онъ былъ сюда уже, вѣроятно, послѣ представленія вѣдомости.

[4]) Если факты, сообщенные въ челобитной Варлаама (Высоцкаго), соотвѣтствуютъ истинѣ,—а это едва-ли можно отрицать, въ такомъ случаѣ составителемъ тропаря и кондака Корнилію надобно признать Святителя Ростовскаго Димитрія. А. Ти-

Переславскую духовную консисторію объявлены точныя копіи. А какія и когда отъ тѣхъ мощей кому явленіи и исцѣленіи отъ недугъ и болѣзней были и прочія чудеса происходили, о томъ показать не съ чего, понеже имѣющіяся тогда отъ мощей его исцѣленіямъ и чудесамъ письменныя извѣстіи обще съ имѣвшимся при мощахъ его во имя образомъ реченнымъ іеромонахомъ Овсянниковымъ забраны въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, а нынѣ гдѣ имѣются, о томъ неизвѣстно. А надъ гробомъ его Преподобнаго о преставленіи и до нынѣ чрезъ прошеніе приходящихъ боголюбцевъ отправляются по церковному чиноположенію панихиды, какъ и надъ прочими православными христіанами.

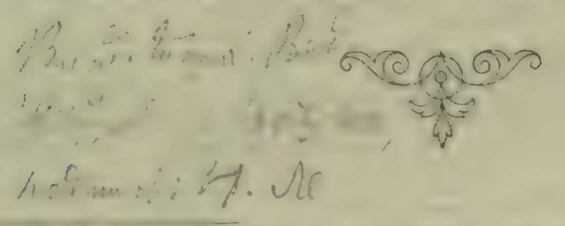
Преподобному Корнилію тропарь и кондакъ.

Тропарь гласъ 8.

Новоявленнаго угодника Божія почтимъ Корнилія Преподобнаго, крестъ на рамо вземшаго, иго Христово усердно понесшаго, иже на невидимые враги мужественно подвизався и козни ихъ поправъ, яко добръ подвижникъ, Владыцѣ Христу предста и молится о душахъ нашихъ.

Кондакъ гласъ 2.

Вышняя получати желая, въ вышнихъ живущему Христу нелѣностно поработалъ еси, блаженне, да наслѣдиши горняя, презрѣлъ еси дальняя, не токмо очи отвративъ не видѣти суеты, но устнамъ своимъ молчаніе наложивъ не глаголати суетная, обаче немолчнымъ сердцемъ воспѣлъ еси Богу. Не умолчи убо и нынѣ о насъ моляся, Корниліе Преподобне!" [1]).

товъ въ цитированной выше статьѣ, помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ, заподозрѣваетъ справедливость показаній Варлаама и видитъ въ его рѣчахъ попытку оправдаться ссылкой на авторитетъ лицъ, уже отшедшихъ въ вѣчность. По словамъ А. Титова, Святитель Ростовскій Димитрій и не могъ освящать церкви въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, какъ принадлежащемъ къ чужой епархіи; объ этомъ выдающемся событіи ни слова не говорится въ его дневникѣ „Діаріумъ".—Но дневникъ обнимаетъ событія изъ жизни св. Димитрія съ 1681 по 1703 г., (См. „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.)". И. Шляпкина. СПБ. 1891, стр. 364, прим. 1), освященіе же совершалось въ 1705 году. Кромѣ того мы имѣемъ положительное доказательство того, что церковь Борисоглѣбскаго монастыря освящена была св. Димитріемъ Ростовскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ антиминсъ той церкви, на которомъ написано: „Священъ сей антиминсъ во градѣ Переславлѣ Преосвященнымъ митрополитомъ Димитріемъ Ростовскимъ и Ярославскимъ между Патріаршествомъ во дни Благочестивыя державы Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, лѣта 7213, отъ Рождества же Христова 1705 году въ 29 день". (См. „Преподобный Корнилій. Переславскій Чудотворецъ". А. Свирѣлина. М. 1878, стр. 22, прим.).

[1]) Архивъ Переславской духовной консисторіи. 1744 годъ. Опись 2, № 9.

Къ біографіи графа М. М. Сперанскаго.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1788 года, по требованію митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго Гавріила, были отправлены изъ Суздальской семинаріи для поступленія въ С.-Петербургскую Невскую два воспитанника—Иванъ Вышеславскій, впослѣдствіи учитель Суздальской семинаріи и священникъ Юрьевскаго собора, и Михаилъ Сперанскій, впослѣдствіи графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, ставшій всероссійскою извѣстностью [1]).

Молодые семинаристы отправлены были въ Петербургъ на казенный счетъ и казалось, что съ поступленіемъ ихъ въ Александроневскую семинарію должны были покончиться для начальства Суздальской семинаріи всякія заботы объ ихъ дальнѣйшемъ матеріальномъ обезпеченіи. Этого ожидать надобно было тѣмъ болѣе, что они посланы были въ Петербургъ не спеціально для подготовки къ учительству въ Суздалѣ и что въ Суздаль попалъ по окончаніи высшей Петербургской школы только одинъ изъ нихъ—Иванъ Вышеславскій. Въ дѣйствительности однако дѣло обстояло иначе. Въ архивѣ Суздальской консисторіи сохранились два письма, писанныя рукою Михаила Сперанскаго въ періодъ обученія его въ Петербургской семинаріи, изъ которыхъ видно, во первыхъ, что Суздальская семинарія не порывала связи съ своими питомцами и по выѣздѣ ихъ изъ Суздаля, и во вторыхъ, что питомцы эти и въ Петербургѣ воспитывались при такихъ условіяхъ матеріальнаго обезпеченія, которыя далеко не могутъ быть признаны удовлетворительными.

Въ виду того, что письма эти принадлежатъ лицу, оставившему по себѣ славу одного изъ великихъ государственныхъ умовъ Россіи, думаемъ, что они не лишены интереса для историковъ, какъ данныя для возстановленія того періода жизни графа М. М. Сперанскаго, о которомъ сохранилось у насъ очень мало свѣдѣній.

Первое письмо датировано 23-мъ іюля 1789 года и адресовано на имя Преосв. Виктора, епископа Суздальскаго и Владимірскаго:

„Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь!

Чтя свято благія постановленія Вашего Преосвященства, мы сколько можемъ, соотвѣтствуя онымъ, старается достигнуть той цѣли, каковую, посылая насъ въ Александроневскую семинарію, Вы предполагали; но тщаніе

[1]) См. подробнѣе „Изъ прошлаго Владимірской епархіи“, вып. I-й, стр. 25—29.

наше находитъ себѣ нѣкоторую препону. Недостатокъ книгъ, нуждныхъ къ нашимъ предметамъ, въ теченіи семъ насъ останавливаетъ. Чтобы отвратить сію невыгоду, мы не имѣемъ другихъ средствъ, какъ только прибѣгнуть къ благотворительному расположенію Вашего Преосвященства. Сія надежда тѣмъ болѣе кажется намъ основательна, что, находясь подъ кровомъ Вашимъ, дѣйствіе Вашихъ щедротъ много-кратно собственнымъ опытомъ дознать мы имѣли счастье.

Пріимите, Преосвященнѣйшій Владыко, и сію нашу просьбу съ обыкновеннымъ Вамъ благоснисхожденіемъ и, взойдя въ наши нужды, благоволите Милостивѣйшій Архипастырь, приказать доставить намъ на покупку книгъ потребное количество денегъ. Вы тѣмъ уравновѣсите наши успѣхи нашему тщанію и чувствительно возвысите цѣну Вашихъ къ намъ благодѣяній, при истинномъ сознаніи которыхъ мы честь имѣемъ навсегда пребыть Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря нижайшіе слуги Александроневской семинаріи студенты: Михайло Сперанскій и Иванъ Вышеславскій.

При семъ сообщаемъ, какія именно потребны для насъ книги съ означеніемъ ихъ цѣны:

Французской новой лексиконъ въ двухъ томахъ—11 рублей.
Алгебра Г. Ейлера въ двухъ частяхъ—2 руб. 50 коп.
Геометрія Кравтова—70 коп.
Тригонометрія Г. Румовскаго—80 коп.
Физическія письма Г. Ейлера—3 рубли.
Vincleri Institutiones Philosophicae, editio tertia—5 рублей.
Schuberti Metaphisica—1 руб. 80 коп.
Всего 24 руб. 80 коп.“

Епископъ Викторъ, получивъ такое письмо отъ своего бывшаго питомца, пользовавшагося его особеннымъ расположеніемъ, положилъ на немъ такую резолюцію: „1789 года августа 8 дня. Выдать изъ семинарской суммы двадцать пять рублевъ на покупку прописанныхъ въ семъ письмѣ книгъ, кои префекту архимандриту Евгенію и препроводить въ Александроневскую семинарію для доставленія студентамъ. Объявить же имъ, чтобы тѣ книги по возвращеніи въ здѣшнюю епархію во всякой цѣлости доставили въ Суздальскую библіотеку“.

Архимандритъ Евгеній въ точности выполнилъ распоряженіе епископа Виктора, и 30 сентября въ Суздалѣ получено было отъ М. М. Сперанскаго второе письмо, благодарственное, адресованное на этотъ разъ на имя ректора Суздальской семинаріи архимандрита Евгенія [1]). Содержаніе письма было слѣдующее:

---

[1]) Архимандритъ Евгеній былъ ректоромъ Суздальской семинаріи съ 1789 года по 1794 годъ. Скончался епископомъ Костромскимъ 11 декабря 1811 года. См. подробнѣе Исторія Владимірской дух. семинаріи, вып. I, стр. 143—145.

„Высокопреподобнѣйшій отецъ Архимандритъ! Милостивѣйшій нашъ благотворитель!

Письмо Вашего Высокопреподобія отъ 14 августа 27-го тогожъ мы получить имѣли счастье, а чрезъ недѣлю послѣ того отъ отца Ректора получили мы и деньги 25 рублей, отъ Суздальской семинаріи намъ доставленныя. Чрезъ два дни купили мы книги означенныя въ спискѣ. Отецъ Ректоръ, разсмотря ихъ, отдалъ намъ съ подтвержденіемъ, чтобы мы ихъ въ цѣлости доставили въ Суздальскую семинарію. Выполнить сей долгъ мы конечно обязуемся. И сіе тѣмъ болѣе, что книги сіи собственно принадлежатъ Суздальской библіотекѣ.

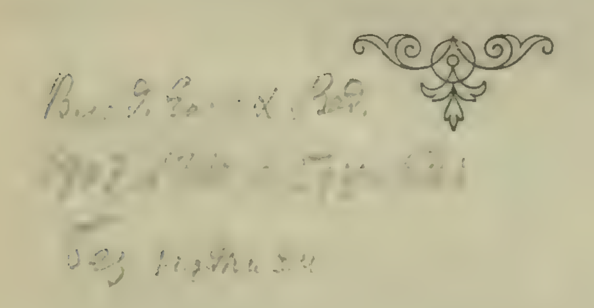
При семъ мы не можемъ не чувствовать того снисхожденія, каковое Его Преосвященство благоволилъ намъ оказать въ семъ случаѣ.

Въ прочемъ при истинномъ къ Вамъ почитаніи и чистѣйшемъ усердіи честь имѣемъ быть Вашего Высокопреподобія Милостивѣйшаго благотворителя усердные слуги Александроневской семинаріи студенты Михайло Сперанскій и Иванъ Вышеславскій. Отъ 13 сентября 1789-го года. Санктпетербургъ".

Приведенное письмо, какъ и первое, писано рукою М. Сперанскаго. И. Вышеславскій только подписалъ свое имя и фамилію.

Получивъ это второе благодарственное письмо, ректоръ семинаріи архимандритъ Евгеній предъявилъ его епископу Виктору, какъ доказательство того, что деньги употреблены бывшими питомцами Суздальской семинаріи на тотъ именно предметъ, на который были ассигнованы.

При какихъ условіяхъ и когда возвращены были купленныя на средства Суздальской семинаріи книги, изъ дѣла, въ которомъ находятся два приведенныхъ письма М. Сперанскаго [1], не видно.

---

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1789 г., № 624.

Мѣры монастырскихъ дисциплинарныхъ взысканій въ XVIII вѣкѣ.

Со времени Петра Великаго Россія вошла въ тѣсную связь съ Западной Европою и вступила на путь широкихъ преобразованій своей общественной и культурной жизни. Но преобразованія эти, понятно, не могли совершиться сразу. Долгое время наша культурная связь съ Европой отражалась лишь въ верхнихъ слояхъ общества и обнаруживалась главнымъ образомъ въ сферѣ чисто внѣшнихъ позаимствованій. Основы внутренней жизни остались тѣже, съ тѣми же нѣкоторыми добрыми пережитками, какіе передала намъ древне-русская старина, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ тѣми же вопіющими недостатками, которые тоже достались намъ, какъ тяжелое наслѣдіе нашего стариннаго прошлаго. Одно изъ видныхъ мѣстъ среди такихъ недостатковъ занимаетъ грубость нравовъ, сказывавшаяся въ жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, соединенныхъ съ пытками и истязаніями. Такое истязаніе на тѣлѣ, битье батогами, кнутьемъ, шелепами, плетьми—были въ XVIII вѣкѣ обычными мѣрами дисциплинарныхъ взысканій не только въ свѣтской судебной практикѣ, но даже и въ чисто педагогической области. Жизнь церковная не могла, конечно, стоять внѣ общаго теченія жизни общественной. Суровый режимъ, царствовавшій въ судебной свѣтской практикѣ, нашелъ для себя выраженіе и въ тѣхъ дисциплинарныхъ мѣропріятіяхъ, какія по временамъ духовное начальство примѣняло въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. Мѣропріятія эти по мѣстамъ и по временамъ отличались съ нашей точки зрѣнія чрезмѣрною суровостью и съ этой стороны были данью своему времени, господствовзвшимъ понятіямъ и воззрѣніямъ.

Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ одно дѣло, начатое по доношенію настоятельницы Переславскаго Феодоровскаго дѣвичьяго монастыря, которое, если и не можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ многихъ, часто повторявшихся, то во всякомъ случаѣ не можетъ быть признано для данной эпохи и необычнымъ, исключительнымъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1746 года настоятельница Переславскаго Феодоровскаго дѣвичья монастыря Александра вступила къ Преосвященному Серапіону, епископу Можайскому и Волоколамскому, съ всепокорнымъ доношеніемъ, изложеннымъ въ такой формѣ:

„Сего 1746 году апрѣля противъ 4-го числа во святѣй церкви во время утренняго пѣнія на крылосѣ старицы крылошанки Александра Измарагдина, Александра Рижская производили многой шумъ съ крикомъ, слѣдующій мнѣ именованной къ немалому поношенію, и которымъ отъ мѣста своего посылала я будильницу, чтобы таковую молву прекратили, ибо всѣмъ

монахинямъ отъ суесловія ихъ соблазнъ произойти можетъ. Того ради послѣ отпуска утренняго пѣнія я именованная, остановя оныхъ старицъ въ церкви, о томъ же исправленіи предлагала, на что онѣ не токмо къ смиренію склонность не показали, но паки съ необычайною молвою и крикомъ учинили мнѣ многую противность, въ которой и по нынѣ находятся невозвратно. Того ради Вашему Преосвященству всепокорно доношу, дабы повелѣно было указомъ Вашего Преосвященства прописанныхъ старицъ привесть къ смиренію, понеже мнѣ смирить невозможно за оказываемою ихъ противностію, а безъ того въ чувство имъ притти ненадежно, но болѣе въ монастырѣ сестрамъ отъ нихъ паки слѣдовать можетъ смущеніе, а мнѣ именованной безпокойство, ибо и напредь предписаннаго числа въ разныя времена отъ показанныхъ старицъ въ церкви и въ кельяхъ таковыя производились суесловіи, о которыхъ по числамъ именно въ семъ доношеніи изъяснить не упомню. И чрезъ многія имъ словесныя отъ меня предложенія, чтобы слѣдовали пути благому, ожидано времени ихъ исправленія, а нынѣ Вашего Преосвященства симъ доношеніемъ всепокорно достойной резолюціи испросить къ оборонѣ осмѣливаюсь“.

На прошеніи настоятельницы Ѳеодоровскаго дѣвичьяго монастыря Александры епископъ Серапіонъ положилъ суровую резолюцію:

„Сыскать въ духовную консисторію игуменію и при ней были бы другія старѣйшія, коихъ она игуменія пожелаетъ взять, до десяти сестеръ и въ бытность оной игуменіи съ сестрами показаннымъ безпокойнымъ клирошанкамъ, церковнымъ правиламъ и государственнымъ указамъ въ противность разговоры въ церкви святой производящимъ, учинить наказаніе такое: дать каждой шелепами по пятьдесятъ ударовъ, и дабы впредь порядковъ бы такихъ учинить не дерзали и были бы игуменіи благопослушны, взять съ нихъ старицъ подписку, а въ тотъ Ѳеодоровскій дѣвичь монастырь послать отъ духовной консисторіи указъ, въ которомъ обозначить, дабы игуменія какъ тѣхъ безпокойныхъ старицъ клирошанокъ, такъ и всѣхъ прочихъ безъ изъятія во всякомъ монашескомъ благочестіи и страхѣ Божіемъ содержала и по своенохотнымъ страстемъ жительствовать бы имъ не попущала подъ опасеніемъ ей самой игуменіи жестокаго за небреженіе истязанія. Апрѣля 8-го числа 1746 года. Епископъ Серапіонъ“.

9-го апрѣля въ Переславской духовной консисторіи надъ клирошанками Ѳеодоровскаго монастыря учинено наказаніе, согласно резолюціи Преосвященнаго Серапіона, шелепами и взята подписка, чтобы впредь онѣ были у своей игуменіи „въ благополезномъ послушаніи и ежели хотя мало въ чемъ предъ нею игуменіею возмнестовятся, за то подвергнутъ себя наивящшему истязанію“.

Чтобы судить о степени строгости наказанія, которому подверглись Переславскія клирошанки, надобно имѣть въ виду, что шелепами назывались веревочные канаты съ короткими рукоятками, наказаніе которыми принадлежало къ суровымъ истязаніямъ и назначалось за тяжелыя преступленія. Не надобно забывать, что наказанію этому, при довольно значитель-

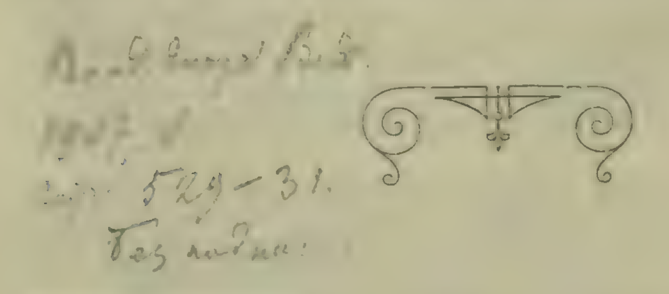
номъ количествѣ ударовъ, подверглись въ приведенномъ случаѣ женщины и при томъ престарѣлыя.

Неудивительно поэтому, что, даже при господствовавшемъ тогда суровомъ режимѣ, эта мѣра дисциплинарнаго взысканія показалась жестокой и возбудила въ монастырѣ недовольство. Положеніе настоятельницы монастыря, ставшей предметомъ новыхъ и при томъ болѣе серьезныхъ нападковъ, становилось труднымъ, и она рѣшила вторично обратиться съ жалобой къ епископу Серапіону, хотя сдѣлала это какъ бы неохотно, опасаясь новыхъ какихъ-нибудь осложненій въ монастырской жизни. Въ архивномъ дѣлѣ этотъ эпизодъ новой жалобы передается такъ:

„Оная игуменія Александра Его Преосвященству Преосвященному Серапіону епископу въ бытность у Его Преосвященства между прочаго объявила, что за вышеписанное учиненное по доношенію ея монахинямъ наказаніе происходить на нее игуменію немалое негодованіе—таковое, чего де напредь въ томъ монастырѣ не бывало, а нынѣ де она игуменія то сдѣлала, а отъ кого то негодованіе происходитъ, о томъ она игуменія именно Его Преосвященству объявить было не хотѣла, однако по неоднократному Его Преосвященства оную игуменію спрашиванію хотя подъ скрытьемъ, но только обозначила, что негодованіе происходитъ отъ жительствующихъ въ томъ монастырѣ нѣкоторыхъ бѣлицъ“.

Эта новая жалоба рѣшила судьбу жительствовавшихъ въ Θеодоровскомъ монастырѣ бѣлицъ. 16 апрѣля того же года епископъ Серапіонъ приказалъ послать къ Θеодоровской игуменіи указъ, коимъ повелѣвалось ей учинить имянныя вѣдомости какъ о монахиняхъ, проживавшихъ въ Θеодоровскомъ монастырѣ, такъ и о бѣлицахъ, съ тѣмъ, чтобы „оказавшіяся бѣлицы, жительствующія въ томъ монастырѣ не для пострижения и кои никаковыхъ монастырскихъ послушаніевъ прежде не несли и нынѣ не несутъ, по приказанію Его Преосвященства изъ того монастыря всѣ имѣютъ быть выведени, ибо дѣвичьи монастыри устроены не для жительства бѣлицъ, паче жь таковыхъ и монахинь къ неприличнымъ поступкамъ навадницъ, но для общаго и душеполезнаго жительства добросовѣстныхъ монахинь“.

Резолюція епископа Серапіона была приведена въ исполненіе, и бѣлицы выселены изъ Θеодоровскаго дѣвичьяго монастыря [1]).

[1]) Архивъ Переславской духовной консисторіи. 1746 г. Оп. I, № 48.

Проповѣдничество въ дореформенной семинаріи.

Проповѣданіе Слова Божія въ храмахъ каѳедральнаго города вмѣнялось въ нашей дореформенной семинаріи въ непремѣнную обязанность учениковъ богословскаго класса. Ученики читали составленныя поученія и слова не только въ семинарскомъ храмѣ, но и въ приходскихъ и даже за богослуженіемъ, совершаемымъ Владыкою. Въ тѣхъ случаяхъ, когда богословскій классъ еще не былъ открытъ или по какимъ-нибудь причинамъ закрывался, проповѣданіе Слова Божія лежало на обязанности философовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и риторовъ. Такъ, въ календарѣ М. М. Сперанскаго, хранящемся въ Императорской публичной библіотекѣ, подъ 6-мъ іюня 1787 года читаемъ: „Говорилъ проповѣдь въ церкви Иліи пророка въ присутствіи Его Преосвященства“; подъ 22 августа: „Сказывалъ проповѣдь о томъ, что для чего смерть еще въ мірѣ владычествуетъ, когда Христосъ ее уже побѣдилъ? Для того, чтобы мы, боясь смерти, удалялися отъ грѣха“...; подъ 26 сентября: „Говорилъ проповѣдь въ Рождественскомъ монастырѣ въ присутствіи Его Преосвященства о богословіи“; подъ 12-мъ декабря: „Говорилъ вмѣсто Баг...нскаго (Багрянскаго, въ то время учителя инфимы и аналогіи) проповѣдь въ Рождественскомъ монастырѣ“ [1]).

Въ 1787 году богословскій классъ во Владимірской семинаріи не существовалъ. М. Сперанскій, такимъ образомъ, произносилъ свои проповѣди, будучи студентомъ философіи, говорилъ, очевидно, не потому, что выдѣлялся своими способностями и дарованіями изъ среды другихъ, а въ извѣстномъ порядкѣ, чередуясь съ прочими товарищами. Что это дѣйствительно было такъ, видно изъ доклада архимандрита Евгенія, съ которымъ познакомимся ниже.

Особенное вниманіе на подготовку семинаристовъ къ проповѣданію Слова Божія и пріобрѣтеніе ими соотвѣтствующаго навыка въ этомъ отношеніи обращалъ Преосвященный Викторъ, правившій Владимірскою епархіею въ концѣ XVIII вѣка. Онъ не только слѣдилъ за проповѣдничествомъ юныхъ студентовъ, но и дѣлалъ серьезныя внушенія наставникамъ семинаріи въ тѣхъ случаяхъ, когда по ихъ нерадѣнію или невниманію семинаристы не выступали за богослуженіемъ съ проповѣдями. Одинъ разъ изъ за несоблюденія его распоряженій касательно проповѣданія въ храмахъ учениковъ богословія епископъ Викторъ сдѣлалъ настолько суровое внушеніе ректору семинаріи Евгенію, что возникъ было даже вопросъ о лишеніи Евгенія ректуры.

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“, Корфа, т. I-й, стр. 19—24.

Именно. 1-го ноября 1789 года еп. Викторомъ сдѣлано было въ консисторію строгое распоряженіе, которое свидѣтельствовало о его неблаговолительномъ настроеніи къ тогдашнему ректору семинаріи архимандриту Евгенію, настроеніи, возникшемъ въ связи съ вопросомъ о проповѣдничествѣ семинаристовъ.

„Въ бытность мою 7-го числа сего мѣсяца въ Спасскомъ монастырѣ у архимандрита Мисаила, говорилось въ указѣ, по учиненному мною здѣшней семинаріи префекту архимандриту Евгенію, для чего изъ учениковъ не сказываютъ по воскреснымъ днямъ проповѣдей и нынѣ, т. е. въ показанное 7 число, не было, за нехотѣніемъ ли его поправлять ихъ рѣчей, или за ихъ лѣностью и неспособностью,—вопросу, между разговорами—на мое, что посему хлѣбъ ястъ втунѣ, объясненіе, онъ сказалъ, что прежде времени тѣмъ словомъ оштрафованъ и болѣе учить класса богословскаго не желаетъ. А какъ и 28-го числа сегожъ мѣсяца въ воскресный день проповѣданія Слова Божія не было, то архимандриту Евгенію объявить въ консисторіи, что ежели впредь отъ учениковъ богословіи къ народу предлагаемаго поученія въ воскресные и праздничные дни не будетъ, тогда замѣчено будетъ нерадѣніе, а затѣмъ истребованъ, или здѣшней епархіи другой на его мѣсте опредѣленъ быть имѣетъ“.

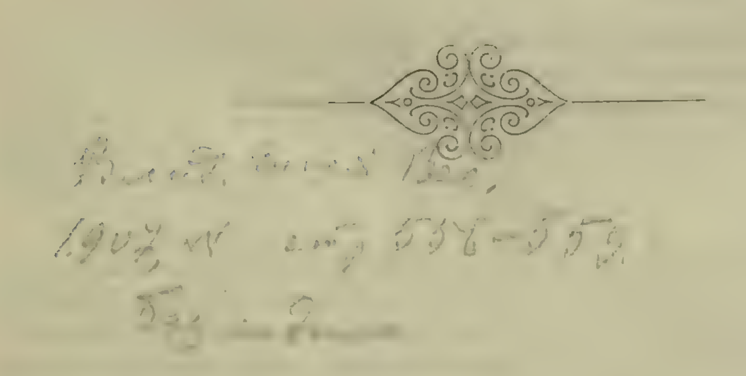
Изъ консисторіи указъ сообщенъ былъ архимандриту Евгенію, и отъ него потребовали объясненій. Рапортъ, поданный Евгеніемъ въ Суздальскую консисторію, заключаетъ цѣнныя данныя для подтвержденія мысли, высказанной выше, т. е. что учениковъ пріучали къ публичному произношенію поученій еще съ риторики. Приводимъ ту часть рапорта, которая непосредственно касается разсматриваемаго вопроса.

„Во исполненіе указа духовной консисторіи благопочтенно рапортую: что Его Преосвященство 7-го сего числа октября во время обѣдни присылалъ ко мнѣ философіи учителя Петра Лебедева съ грубымъ выговоромъ, что я тунеядецъ и что жалованье мнѣ отъ семинаріи производимо не будетъ, для того, что въ означенное число проповѣди не было. Но причины для чего проповѣди не было, чрезъ того учителя отъ меня не требовалъ. А въ тотъ же день Его Преосвященство, будучи у архимандрита Мисаила, повторялъ неоднократно мнѣ тѣжъ чрезъ учителя Лебедева сказанныя слова и другія, къ поношенію моему служащія, не спрося причины означеннаго опущенія. Истинная же причина таковаго опущенія была неисправность ученика. Я будучи смущенъ таковыми выговорами, изъяснялся подлинно Его Преосвященству, что я тѣмъ безъ причины и безъ суда оштрафованъ, а теперь и паче себя таковымъ почитаю.—словъ же- болѣе класса богословскаго учить не желаю, я не говаривалъ. А говорилъ Его Преосвященству, что онъ меня безъ справки чинимыми выговорами принудить, повидимому, желаетъ, чтобы я просилъ отъ семинаріи увольненія. Послѣ сихъ моихъ словъ Его Преосвященство съ видомъ удовольствія многократно и приказывалъ, чтобы я подавалъ ему о томъ прошеніе и притомъ заутра. 28-го жъ числа октября за болѣзнію ученика, готовившагося къ тому дню, не было

проповѣди. о чемъ Его Преосвященство во время обѣдни отъ другихъ учениковъ былъ и увѣдомленъ. какъ мнѣ извѣстно. Слѣдовательно изъ сего замѣтить нерадѣнія моего не можно. какъ и никогда еще не замѣчено. ибо мои ученики во Владимірѣ. обучаясь еще риторикѣ. публично начали говорить проповѣди. а потомъ. продолжая ученіе философіи и богословіи. продолжаютъ сіе обыкновеніе и впредь продолжать будутъ. кромѣ того времени, которое на праздники въ домы Его Преосвященствомъ увольняемы. или болѣзнію одержимы. или по случаю неисправны бываютъ. Что принадлежитъ до праздниковъ высокоторжественныхъ. господскихъ и богородичныхъ. то по причинѣ малаго учениковъ моихъ числа и что въ высокоторжественныя и въ нѣкоторыя господскія по росписанію обыкновенно говорятъ проповѣди учители. въ храмовыя же при соборѣ Каѳедральномъ протоіерей онаго. а при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ священники и діаконы, обучавшіеся въ семинаріи. въ оныя къ пріуготовленію на проповѣди учениковъ моихъ обязаться не могу"...

Репортъ этотъ. разсмотрѣнный консисторіей. представленъ былъ Преосв. Виктору только 24 декабря. вслѣдствіе чего Викторъ ограничился резолюціей: „За позднимъ внесеніемъ и наступающими праздниками разсматривать времени не было.—по прошествіи праздниковъ представить къ разсмотрѣнію".

По прошествіи праздниковъ гнѣвъ епископа Виктора. вызванный неисправностями ректора Суздальской семинаріи Евгенія. нѣсколько остылъ. Объясненія архимандрита Евгенія были признаны удовлетворительными. Можно думать. что и неисправности учениковъ. на которыя ссылался ректоръ Евгеній. сдѣлались съ того времени явленіемъ. не такъ часто повторяющимся, какъ это было въ октябрѣ 1789 года [1])...

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1789 г., № 871.

Смоленская икона Божіей Матери во Владимірскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

Въ пог. Успенскомъ, Вязниковскаго уѣзда, изъ св. иконъ, находящихся въ храмѣ, особенно чтима прихожанами Смоленская икона Божіей Матери. Она, по словамъ автора Историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Владимірской епархіи, представляетъ копію съ иконы того же имени, взятой въ 1787 году во Владимірскій Успенскій соборъ. Перенесеніе иконы во Владиміръ изъ Успенскаго погоста вызвано было тѣмъ, что она прославилась въ окрестности, какъ чудотворная, къ ней стала стекаться масса богомольцевъ, ее стали носить по окрестнымъ селамъ. Когда это дошло до свѣдѣнія епархіальной власти, икона изъ Троицкаго храма Успенскаго погоста взята была во Владиміръ. [1])

Вотъ тѣ краткія свѣдѣнія, какія сохранились о Смоленской иконѣ Божіей Матери, вѣроятно, на основаніи документовъ Успенскаго прихода.

Суздальскій архивъ въ одномъ изъ своихъ дѣлъ даетъ намъ возможность воспроизвести болѣе подробно этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи церковной жизни Владимірской епархіи XVIII вѣка. Дѣло это наглядно показываетъ намъ, съ какою осторожностью дѣйствовала духовная власть со времени учрежденія Св. Синода при признаніи той или другой иконы благодатною и съ какими препятствіями при этомъ приходилось встрѣчаться ей со стороны невѣжественной народной массы, склонной вѣрить и разглашать среди другихъ разнаго рода непровѣренныя и необоснованныя фактически чудеса и исцѣленія.

Дѣло о Смоленской иконѣ Божіей Матери, находившейся въ Успенскомъ погостѣ, началось въ 1785 году. 10 іюля того года благочинный Вязниковской округи Иванъ Алексѣевъ, донося епископу Виктору о результатахъ осмотра имъ своего благочинія, упомянулъ объ особомъ почитаніи, какое онъ усмотрѣлъ въ Успенскомъ погостѣ, Смоленскія иконы Божіей Матери.

„Будучи Вязниковской округи въ погостѣ Успенскомъ, писалъ онъ, усмотрѣлъ я, что священники прославляютъ Божію Матерь Смоленскую якобы чудесами, а какъ слышно и въ бытность мою примѣчено, единственно надъ кликушами, отъ того образа бывающими, почему множество народа

[1]) Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Владимірской епархіи, вып. 5-й, стр. 340 и прим. I.

толико усердствуетъ, что какъ въ церкви молебнуетъ безпрестанно, такъ и въ дальнемъ разстояніи и въ селеніяхъ повседневно".

Епископъ Викторъ, получивъ репортъ благочиннаго, распорядился послать въ Успенскій погостъ консисторскаго пристава, забрать тамъ всѣхъ священниковъ и представить въ консисторію для допроса, исправленіе же требъ въ пог. Успенскомъ поручить священникамъ сосѣднихъ приходовъ.

Всѣхъ священниковъ въ Успенскомъ погостѣ числилось пять. Всѣми ими дано однородное показаніе, отвергающее то, въ чемъ ихъ обвинялъ благочинный. Образъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія, по показанію священниковъ, писанъ на древянной доскѣ красками, обложенъ въ окладѣ и имѣется въ церкви пог. Успенскаго Живоначальныя Троицы подлѣ сѣверныхъ вратъ мѣстнымъ, поставленнымъ въ иконостасѣ; поставленъ на томъ мѣстѣ въ прежнихъ годахъ, а когда именно и кѣмъ писанъ, о томъ какъ письменныхъ въ той церкви записокъ не имѣется, такъ и никто лично не помнитъ да и они священники не знаютъ. Предъ тѣмъ образомъ они священнослужители, по просьбѣ своихъ прихожанъ и нѣкоторыхъ приходящихъ стороннихъ обывателей, по обѣщанію ихъ и по причинѣ бываемыхъ надъ ними болѣзней, исправляютъ всенощныя бдѣнія, молебны, не всегда, а только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а временами они образъ, по просьбѣ прихожанъ, носятъ для отправленія молебновъ и въ домы ихъ. Въ церкви во время литургіи и молебновъ оказывались иногда нѣкоторые изъ мужчинъ и женщинъ—кликуши, которыхъ они священнослужители высылали и выводили вонъ изъ церкви. Когда же къ нимъ пріѣхалъ благочинный, то они ему о тѣхъ бываемыхъ кликушахъ, что съ ними чинить, объявили. Благочинный имъ на это сказалъ, что онъ о кликушахъ отъ себя представитъ на разсмотрѣніе Его Преосвященства. „А отъ вышепомяненнаго же Богородичнаго образа, заключили свои показанія священники, никогда, ни надъ кѣмъ, никакихъ чудесъ не бывало и о томъ они священнослужители никакъ и нигдѣ не прославляли и не разглашали".

Послѣ такихъ показаній, опровергнувшихъ репортъ благочиннаго, началась обычная приказная волокита, чрезъ которую проходило въ XVIII вѣкѣ большинство дѣлъ. Позвали въ консисторію благочиннаго и потребовали отъ него объясненій на показанія, данныя священниками Успенскаго погоста. Благочинный съ своей стороны изобличалъ священниковъ въ утайкѣ и извращеніи того, что было въ дѣйствительности. По его словамъ, священники не только служатъ молебны по просьбѣ прихожанъ, „но оный образъ тѣ священники для отправленія молебновъ носятъ самовольно и другихъ приходовъ въ селенія, разстояніемъ отъ того погоста верстъ по 20 и болѣе, именно въ Воскресенскій, Никологорскій и Нагуевскій приходы, гдѣ тотъ образъ бываетъ по недѣлѣ и болѣе, въ чемъ онъ благочинный тѣхъ погостовъ на священнослужителей и шлется. Во время своего посѣщенія онъ засталъ въ церкви Успенскаго погоста не мало кликушъ, однако жъ тѣ священники изъ церкви ихъ не выводили". Впрочемъ, благочинный сознался и констатировалъ, что священники ни о какихъ чудесахъ отъ того образа ему не

объявляли. О прославленіи того образа священниками онъ составилъ заключеніе самъ на основаніи пѣнія молебновъ и присутствія въ церкви множества кликушъ.

Послѣдняя часть показанія значительно измѣнила положеніе дѣла и смягчила вину священниковъ Успенскагэ погоста, такъ что, хотя консисторія постановила вновь допросить отвѣтчиковъ, предъявивъ имъ новое показаніе благочиннаго, и дѣйствительно допросила, однако дѣло, очевидно, направлялось къ прекращенію и, вѣроятно, вскорѣ бы закончилось и священнослужители были бы отпущены въ свои приходы.

Но тутъ совершенно неожиданно произошло осложненіе, благодаря которому слѣдственный процессъ не только не былъ прикончень, но наоборотъ поведенъ въ самомъ рѣшительномъ духѣ. Дьячекъ Успенскаго погоста Василій Яковлевъ, „наблюдая долгъ своей присяги", какъ онъ выразился въ своемъ доношеніи, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года рѣшилъ сообщить консисторіи о всемъ безъ утайки, вѣроятно, желая возвеличить славу образа, находившагося въ Успенскомъ погостѣ, которую, по его мысли, умаляли показанія священнослужителей.

„Хотя тѣ священники, писалъ онъ въ докладѣ, по призыву ихъ какъ предъ Вашимъ Преосвященствомъ, такъ и въ духовной Вашего Преосвященства консисторіи въ допросѣхъ своихъ и учинили во всемъ запирательство, но я нижайшій, наблюдая долгъ своей присяги, во изобличеніе ихъ симъ представляю, что отъ показаннаго образа Смоленскія Пресвятыя Богородицы при молебствіи священниками Борисомъ Осиповымъ, Петромъ и Иваномъ Ивановыми многимъ отъ усердія къ ней прибѣгающимъ публичное происходило исцѣленіе и при таковой исходящей отъ нея благодати оные священники подлинно сами находились и надъ многими немоществующими и бѣсноватыми молебствіе чинили по разнымъ домамъ, кому жъ именно во время тѣхъ молебствій и отъ какихъ болѣзней происходило исцѣленіе, о томъ при семъ помянный пріобщаю реестръ".

Въ реестрѣ значилось по именамъ 13 больныхъ съ обозначеніемъ деревень, въ которыхъ они проживали, и болѣзней, отъ которыхъ исцѣлились. Изъ числа 13 шесть больныхъ исцѣлено было отъ бѣснованія, шесть отъ разслабленія ногъ и одинъ отъ слѣпоты.

Позванный въ консисторію на допросъ, дьячекъ Василій Яковлевъ далъ и болѣе подробныя свѣдѣнія объ исцѣленіи перечисленныхъ имъ больныхъ, при чемъ ссылался на лицъ, которыя могутъ подтвердить его разсказы.

Въ консисторіи, выслушавъ показанія Василія Яковлева, опредѣлили: „Оную сказку представить къ Его Преосвященству и благопочтенно при семъ донести, что хотя въ оной отъ доносителя, кто именно изъ бывшихъ въ болѣзняхъ, когда, при комъ и какъ точно при отправленіи предъ образомъ означеннымъ молебствія исцѣленіе получили, и изъяснено, но донележе сами оные исцѣлившіе допрошены и по показаніямъ ихъ потребныя свидѣтельства собраны не будутъ, происшедшее отъ того доносителя объявленіе за вѣроятное почесть не можно. А дабы между тѣмъ не могли отъ

простого народа приписываться и ложныя чудотворенія, то по мнѣнію консисторіи, надлежитъ въ Вязниковское духовное правленіе съ приложеніемъ съ поданнаго отношенія съ реестромъ и со взятой сказки копей послать указъ и велѣть онаго правленія присутствующему протопопу Петру Ѳедорову да градской Троицкой церкви священнику Глѣбу Борисову обще съ тѣмъ, кто отъ намѣстническаго правленія изъ свѣтскихъ присутствующихъ командированъ будетъ, съѣхавъ въ помянянной Успенскій погостъ, во первыхъ, означенной Богородичный образъ, убравъ съ пристойностію, отправить во Владиміръ Николоторскаго погоста съ священникомъ Егоромъ, придавъ ему въ провожатые разсыльщика и троихъ церковниковъ да и отъ свѣтской команды истребовать къ тому провожатыхъ же. По привозѣжъ оной образъ поставить въ Каѳедральномъ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, коего о принятіи протопопу съ ключаремъ и объявить въ консисторіи. Послѣжъ той отправы протопопу Петру и священнику Глѣбу при свѣтскомъ депутатѣ, по показанію доносителя, тѣмъ людямъ, кои объявлены исцѣлѣвшими, учиня съ объявленіемъ имяннаго 763-го года февраля 10-го дня указа довольное о показаніи истины увѣщаніе, произвесть письменные допросы, въ какихъ они болѣзняхъ были и съ коего времени и какъ и когда отъ оныхъ выздоровѣли и кто о всѣмъ томъ извѣстенъ, изъясня при томъ, что они въ правовѣріи ль состоятъ и повсягодно исповѣдываются ль и святыхъ Таинъ сообщаются ль. По допросамъ же ихъ и съ тѣхъ людей, на кого они сошлются, взять свидѣтельства. Къ томужъ отъ приходскихъ священноцерковнослужителей и тѣхъ жительствъ, гдѣ выздоровѣвшіе живутъ, обывателей отобрать извѣстія, что оные выздоровѣвшіе подлинно ль правовѣрные и не бывали ль въ какихъ порочныхъ поступкахъ и не примѣчено ль за ними какого притворства и суевѣрія съ особливымъ отъ священноцерковнослужителей изъясненіемъ, что тѣ люди повсягодно ли исповѣдывались и св. Таинъ сообщались ли и то ихъ бытіе въ духовныхъ росписяхъ показано ль. И всѣ тѣ показанія, подписавъ по листамъ обще съ депутатомъ, прислать въ консисторію при доношеніи какъ возможно безъ наималѣйшаго промедленія. Во Владимірское же намѣстническое правленіе послать сообщеніе съ требованіемъ, дабы отъ онаго благоволено было, куда надлежитъ предписать о командированіи свѣтскаго присутствующаго къ бытію при отобраніи образа и при произведеніи означеннаго слѣдствія депутатомъ, чтобы при ономъ не могло какого отъ кого произойти остановленія и противности, а при томъ и провожатые данызъ были въ пути до Владиміра“.

Епископъ Викторъ утвердилъ опредѣленіе консисторіи, которое и было представлено въ Св. Синодъ. Въ указѣ синодальномъ, полученномъ во Владимірѣ лишь годъ спустя послѣ приведеннаго опредѣленія духовной консисторіи, именно на Рождествѣ 1786 года, повелѣвалось еп. Виктору: „поступить по учиненному имъ опредѣленію, а между тѣмъ народныя о ложныхъ чудотвореніяхъ разглашенія стараться вовсе пресѣчь и для того, если кто въ ономъ изъ тамошнихъ священноцерковнослужителей подозрительнымъ окажется, тѣхъ немедленно отъ оной церкви отрѣшить“.

Оставалось, такимъ образомъ, послѣ всего этого лишь привести въ исполненіе консисторское опредѣленіе. Но это оказалось дѣломъ далеко не легкимъ. Прежде всего свѣтская власть не торопилась назначеніемъ депутата для присутствія при взятіи образа и производствѣ слѣдствія. На всѣ запросы, посылаемые изъ консисторіи, Владимірское намѣстническое правленіе давало уклончивые отвѣты, ссылаясь на то, что вопросъ о депутатѣ переданъ на разсмотрѣніе генералъ-губернатора Владимірскаго и Костромского графа П. И. Салтыкова и безъ разрѣшенія съ его стороны оно предпринять ничего не можетъ. Между тѣмъ церковь съ образомъ стояла запечатанною, священнослужители состояли въ запрещеніи, дьячокъ Василій Яковлевъ, „дабы отъ него лишняго въ народѣ якобы о чудотвореніяхъ разглашенія болѣе происходить не могло,“ переведенъ былъ изъ Успенскаго погоста на понамарское мѣсто въ Арзамасскій уѣздъ въ с. Веригино. Среди прихожанъ началось броженіе, послышался ропотъ. Броженіе это отчасти поддерживалось священниками Успенскаго погоста, которые, находясь въ запрещеніи и томясь во Владимірѣ, при свиданіяхъ со своими прихожанами, пріѣзжавшими по своимъ дѣламъ въ городъ, всячески старались настраивать ихъ противъ добровольной отдачи приходскаго образа. Но это же обстоятельство ускорило самый фактъ перенесенія образа во Владиміръ.

5-го февраля 1787 года діаконъ Успенскаго погоста Димитрій Петровъ явился къ Преосв. Виктору и донесъ ему о слѣдующемъ: „Минувшаго генваря 26-го числа въ бытность его во Владимірѣ означеннаго погоста священникъ Петръ Ивановъ и Андрей Васильевъ объявили ему діакону, что они священники тогоже погоста крестьянъ послали къ Его Преосвященству съ тѣмъ, чтобы они, пришедши къ Его Преосвященству, говорили смѣло объ оставленіи ихъ погоста въ церкви образа Смоленскія Богоматери по прежнему, ибо де Его Преосвященство имъ не командиръ и сдѣлать имъ ничего не можетъ“.

Послѣ того священники Успенскаго погоста снова были привлечены къ отвѣтственности уже по новому обвиненію. Началось подробнѣйшее слѣдствіе, грозившее священнослужителямъ серьезными послѣдствіями, и они по необходимости должны были употребить всѣ мѣры, чтобы начавшееся броженіе успокоить и открыть возможность къ выполненію распоряженія епархіальной власти.

Наконецъ, 26 апрѣля къ епископу Виктору явилось двое крестьянъ изъ Успенскаго погоста и заявили, что „того погоста всѣ приходскіе люди отдать имѣющійся въ Троицкой церкви образъ Смоленскія Богоматери согласны.“ Пользуясь этимъ заявленіемъ, епископъ Викторъ велѣлъ присутствующему Вязниковскаго правленія протопопу Петру Өеодорову ѣхать въ Успенскій погостъ, не дожидаясь назначенія свѣтскаго депутата, и, распечатавъ церковь при священникахъ, поручить имъ образъ Смоленскія Божія Матери представить во Владиміръ.

Однако первая попытка оказалась неудачной. Протопопъ Петръ Өеодоровъ доложилъ о своей неудачѣ епископу Виктору въ такихъ выраженіяхъ:

„Въ силу повелѣнія Вашего Преосвященства мы (протопопъ и священникъ Троицкой Вязниковской церкви Глѣбъ Борисовъ) сего мая 2-го дня въ предписанный погостъ съѣзжали и, церковь распечатавъ, образъ тамошнимъ священникамъ препоручили, кои коль скоро съ тѣмъ образомъ изъ церкви вышли, то онаго приходу крестьяне, окружа великою толпою оной образъ, далѣе нести не дали и изъ рукъ у нихъ выбили, почему тѣ священники принуждены были обратно тотъ образъ внести въ церковь и поставить на томъ же мѣстѣ и по постановленіи церковь нами паки запечатана. Ктожъ таковы бунтовщики и возмутители, о томъ прилагаемъ по показанію тамошнихъ священниковъ при семъ поимянной реестръ“.

Далѣе слѣдовалъ длинный реестръ возмутителей, вырвавшихъ изъ рукъ икону и не позволившихъ унести ее изъ Успенскаго погоста.

Какія мѣры были приняты противъ бунтовщиковъ, обращались ли при этомъ къ свѣтской власти, изъ дѣла не видно. Повидимому, обошлись своими средствами, такъ какъ свѣтская власть вообще не хотѣла вмѣшиваться въ это дѣло и, не смотря на всѣ представленія консисторіи, депутата съ своей стороны не присылала. Должно быть епископомъ Викторомъ дана была какая то изустная инструкція, которая въ концѣ концовъ и достигла своей цѣли [1]).

12-го іюня 1787 года священниками погоста Успенскаго Смоленская икона Божіей Матери была доставлена во Владиміръ. Въ рапортѣ на имя Преосвященнаго Виктора священники испрашиваютъ резолюціи, „куда повелѣно будетъ оный образъ поставить“. Епископъ Викторъ распорядился Смоленскую икону Богоматери поставить во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, чтобы не могло произойти какого суевѣрія, въ особомъ мѣстѣ, о чемъ къ протопопу съ братіею послать указъ, а въ Св. Синодъ заготовить рапортъ къ подписанію. Вскорѣ же послѣ этого разрѣшено было священнослуженіе, съ увольненіемъ въ домы въ Успенскій погостъ, запрещеннымъ священнослужителямъ.

Въ началѣ сентября 1787 года дѣло о Смоленскомъ образѣ было окончательно прекращено. Именно, 3-го сентября того года заслушанъ былъ въ консисторіи указъ Св. Синода, присланный на донесеніе изъ Владиміра о перенесеніи Смоленскаго образа Богоматери въ Успенскій соборъ. Въ указѣ читалось:

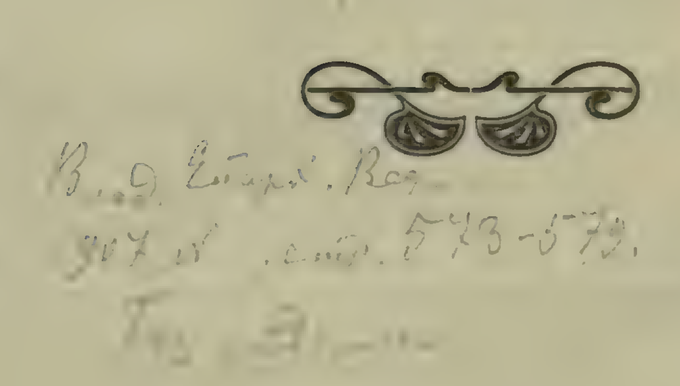
„По указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ, слушавъ рапортъ Вашего Преосвященства, которымъ, на указъ изъ Св. Синода, послѣдовавшій 1786 года декабря отъ 14 дня о перенесеніи Вязниковской округи Успенскаго погоста, что на Суворощѣ, изъ Троицкой церкви образа Пресвятыя Богоматери и о пресѣченіи приходящихъ тамо

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ въ дѣлѣ замѣтенъ какой-то пропускъ: вмѣсто подлинныхъ рапортовъ съ резолюціями Виктора имѣются только копіи безъ его помѣтъ (см. напр. л. 101).

ложныхъ о чудотвореніяхъ разглашеній, представляли, что означенной образъ тогожъ Успенскаго погоста священниками во Владиміръ пренесенъ и поставленъ въ Каѳедральномъ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ въ особливомъ мѣстѣ, по вступившему же де того погоста отъ дьячка Василія Яковлева якобы о бывшихъ отъ онаго образа исцѣленіяхъ доносу опредѣлено Вашимъ Преосвященствомъ произвесть слѣдствіе Вязниковскаго духовнаго правленія присутствующему съ депутатомъ съ свѣтской стороны, о опредѣленіи котораго изъ Владимірской консисторіи во Владимірское намѣстническое правленіе три сообщенія уже посланы, и нынѣ о томъ же послано четвертое сообщеніе, и когда тотъ свѣтскій депутатъ опредѣленъ будетъ, тогда и слѣдствіе произведено быть имѣетъ, помянутый же дьячекъ Яковлевъ переведенъ въ другое село.—и по учиненной справкѣ приказали: Поелику изъ сего репорта Вашего Преосвященства явствуетъ, что къ дальнему разглашенію вымышленныхъ по сему случаю чудесъ средства уже пресѣчены, то назначаемое объ ономъ слѣдствіе вовсе оставить. Августа 23 дня 1787 года“ [1]).

Въ настоящее время Смоленская икона Божіей Матери, украшенная богатою ризой, помѣщается съ лѣвой стороны при входѣ въ Каѳедральный Успенскій соборъ. И во Владимірѣ она принадлежитъ къ числу иконъ, особенно чтимыхъ богомольцами, посѣщающими нашъ старинный соборъ [2]).

[1]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1785 г. № 249.

[2]) Въ послѣдней описи древнихъ священныхъ предметовъ Успенскаго собора объ этой иконѣ читаемъ: „Икона Смоленскія Божіей Матери въ ризѣ золотошвейной съ вѣнцемъ серебрянымъ позолоченнымъ; убрусъ Богоматери и сорочка у нея и Предвѣчнаго Младенца низаны мелкимъ жемчугомъ; писана по отзыву академика Прахова въ XVIII ст. (1¾ арш. 1 арш. 2 верш.“)

Перевозка Переславскихъ колоколовъ въ Петербургскій Петропавловскій соборъ.

Въ 1788 году послѣдовало закрытіе Переславской епархіи и перенесеніе каѳедры въ городъ Суздаль. Въ силу Синодальнаго распоряженія часть ризницы Переславскаго архіерейскаго дома и нѣкоторые домовые предметы, „по снабженіи неоскудно всѣмъ необходимымъ Переславскаго Успенскаго собора“, отправлены были съ особою описью Преосвященному Платону, митрополиту Московскому, и здѣсь приняты для храненія въ ризницу каѳедральнаго Чудова монастыря. [1])

Но какъ видно изъ одного архивнаго дѣла, утварью упраздненнаго Переславскаго каѳедральнаго архіерейскаго дома обогатился не одинъ только Чудовъ монастырь. Нѣкоторые священные предметы Переславскаго Успенскаго собора попали и въ Петербургъ въ Петропавловскій соборъ,—это именно колокола Переславскаго каѳедральнаго собора.

Дѣло, которое сообщаетъ намъ объ этомъ эпизодѣ, начинается Высочайшимъ указомъ, присланнымъ на имя Виктора, епископа Суздальскаго и Владимірскаго, 12 іюня 1789 года.

„По указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ, слушавъ доношеніе синодальнаго члена Преосвященнаго Гавріила, митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго, которымъ съ поданнаго ему Санктпетербургскаго Петропавловскаго собора отъ протопопа Василья Алексѣева доношенія представилъ, что при ономъ соборѣ состоитъ большихъ и малыхъ колоколовъ прописаннаго въ томъ доношеніи вѣсу только пять, но изъ нихъ меньшіе два разбиты, а затѣмъ въ употребленіи остаются только три; а какъ де по знатности сего въ резиденціи и крѣпости состоящаго каѳедральнаго и первопрестольнаго собора, колокольной для городу звонъ нужно умножить, для того онъ, Преосвященный, просилъ, не соблаговолено ли будетъ въ помянутой Петропавловской соборъ большихъ и малыхъ колоколовъ пристойное число отпустить изъ упраздненныхъ въ

---

[1]) Ср. Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1788 г., № 2 а.

епархіи монастырей, при чемъ онъ же, синодальный членъ Преосвященный Новгородскій, словесно предложилъ, что на перевозъ тѣхъ колоколовъ въ Санктпетербургъ, сколько ихъ къ помянутому собору назначится, имѣетъ быть употребленъ коштъ изъ епархіи Санктпетербургской, — и по учиненной справкѣ приказали: какъ изъ присланной Святѣйшему Синоду отъ покойнаго Преосвященнаго Ѳеофилакта, епископа бывшаго Переславскаго, а потомъ Коломенскаго, при репортѣ іюня отъ 6-го дня 788 году копіи съ вѣдомости объ оставшемся въ упраздненномъ по силѣ имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, даннаго Синоду того 788 г. маія въ 6-й день, Переславскомъ архіерейскомъ домѣ движимомъ и недвижимомъ имѣніи Святѣйшимъ Синодомъ усмотрѣно, что въ семъ домѣ, обращенномъ нынѣ въ градскій тамошній соборъ, находится колоколовъ различнаго вѣсу пятнадцать, а таковое количество при соборѣ уѣзднаго города есть ненужное, для того изъ нихъ къ помянутому Санктпетербургскому собору во уваженіи того, что оной состоитъ въ столичномъ городѣ, а колоколами оскудѣлъ, назначить колокола, показанные въ той копіи съ вѣдомости подъ слѣдующими номерами: первой подъ № 1-мъ въ двѣсти девятнадцать пудъ, второй подъ № 3-мъ въ шестьдесятъ одинъ пудъ двадцать семь фунтовъ, третій подъ № 7-мъ въ двадцать пять пудъ, четвертый подъ № 8-мъ въ шесть пудъ двадцать фунтовъ, пятый подъ № 11-мъ въ два пуда тридцать фунтовъ, шестой подъ № 14-мъ въ одинъ пудъ шесть фунтовъ и седьмой подъ № 15-мъ въ двадцать девять фунтовъ[1]), которые съ тамошней Переславской колокольни снять, въ Санктпетербургъ привезти, а потомъ на колокольню Петропавловскаго собора поднять коштомъ отъ Санктпетербургской епархіи, и когда кто отъ синодальнаго члена Преосвященнаго Гавріила, митрополита Новгородскаго, для взятія сихъ колоколовъ съ письменнымъ довѣріемъ присланъ будетъ, тому бы оные по снятіи съ колокольни и отпущены были съ роспискою, а по отпускѣ и Святѣйшему Синоду репортовать: къ помянутому жъ синодальному члену Преосвященному Новгородскому указъ посланъ“.

Итакъ, „для увеличенія колокольнаго звона въ Петропавловскомъ соборѣ“ рѣшено было снять съ Переславской соборной колокольни колокола, признанные излишними въ Переславлѣ, въ виду превращенія его изъ каѳедральнаго города въ обыкновенный уѣздный съ духовнымъ правленіемъ, и перевезти ихъ въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ указомъ епископъ Викторъ получилъ и письмо отъ митрополита Гавріила, въ которомъ даны были нѣкоторыя частныя разъясненія, касающіяся предполагаемой перевозки колоколовъ въ Петербургъ.

„При Петропавловскомъ соборѣ, писалъ митрополитъ Гавріилъ, нынѣ осталось только три колокола; Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ меньшую часть

---

[1]) Когда колокола взвѣсили въ Петербургѣ, во всѣхъ ихъ оказалось вѣсу 319 п. 7 ф.

взять изъ Переславскаго архіерейскаго дому колоколовъ, составляющую 316 пудъ, оставивъ тамъ большую часть колоколовъ вѣсомъ. Прошу предписать Сергіевской церкви священнику и закащику Марку Васильеву и Козминской церкви священнику Козмѣ Петрову, когда они и по Вашему усмотрѣнію надежны, подрядить снять съ колокольни колокола и привезть ихъ въ Петербургъ, только бъ снятіе колоколовъ и привозъ въ Петропавловскій соборъ не больше стоилъ четырехсотъ рублей, ежели можно и меньше. Какое по Вашему предписанію сдѣлано будетъ распоряженіе, прошу немедленно меня увѣдомить, дабы колокола по зимнему первому пути доставлены были въ Петербургъ"...

Священники, на которыхъ остановился выборъ митрополита, оказались достойными того довѣрія, которое имъ было оказано, и данное порученіе выполнили скоро и сравнительно на сходныхъ для заказчиковъ условіяхъ. Снять колокола съ соборной Переславской колокольни подрядился крестьянинъ с. Нилы съ товарищами за 60 руб. Онъ же обязался доставить и всѣ необходимые матеріалы для снятія, кромѣ канатовъ, которыхъ не могли найти въ Переславлѣ и порѣшили попросить у властей Свято-Троицкія лавры. Перевозку колоколовъ въ Петербургъ взяли на себя ямщики Ямской слободы г. Переславля, цѣною съ каждаго пуда мѣди по одному рублю (316 руб. 80 коп.), съ тѣмъ, чтобы имъ выданъ былъ задатокъ при отправленіи въ 200 руб. Въ счетъ тойже условленной суммы они обязались доставить въ Петербургъ колокольные языки, не требуя за перевозку ихъ особой дополнительной платы [1]).

Но не смотря на то, что ямщики и работники подряжены были очень скоро, перевозка колоколовъ встрѣтила большія препятствія и могла состояться только къ началу 1790 года. Дѣло въ томъ, что изъ Петербурга не присылали тѣхъ 200 руб., которые, согласно контракту, нужно было заплатить ямщикамъ еще въ Переславлѣ, хотя раньше и было обѣщано, что всѣ расходы по перевозкѣ брала на себя Петербургская епархія. По этому поводу началась переписка между епископомъ Викторомъ и митрополитомъ Гавріиломъ. Митрополитъ Гавріилъ винилъ Виктора въ медлительности, еп. Викторъ „объяснялся, что къ отправленію колоколовъ остается только препятствіемъ неполученіе на дачу въ задатокъ подрядившимся извощикамъ денегъ"- Кончилась переписка тѣмъ, что епископъ Викторъ выдалъ изъ своихъ средствъ 200 руб. Деньги эти митрополитъ Гавріилъ обѣщалъ ему возвратить по привозѣ колоколовъ въ Петербургъ.

26-го января 1790 года Переславскіе колокола были привезены въ Петербургъ и подняты на колокольню Петропавловскаго собора [2]).

---

[1]) Въ колокольныхъ языкахъ было вѣсу 9 п. 20 ф.

[2]) Архивъ Суздальской дух. консисторіи. 1789 г., № 595.

Изъ взятыхъ въ Петербургъ колоколовъ самый большій, записанный подъ № 1-мъ, въ 219 пудъ, не былъ, впрочемъ, собственностью Переславскаго архіерейскаго дома и попалъ туда отчасти такъ же, какъ попали въ Петербургъ Переславскіе колокола.

Въ 1776 году Преосвященный Ѳеофилактъ, епископъ Переславскій и Дмитровскій, сдѣлалъ распоряженіе представить ему подробныя свѣдѣнія объ имѣющихся въ архіерейскомъ домѣ колоколахъ, нѣкоторые изъ которыхъ не висѣли даже на колокольнѣ, а лежали безъ всякаго употребленія. Епископъ Ѳеофилактъ имѣлъ въ виду при этомъ ненужные колокола промѣнять или продать, съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти въ архіерейскій домъ одинъ большой колоколъ, вѣсомъ въ триста пудъ. По описи „въ излишествѣ“ оказались: одинъ большой колоколъ въ 139 пудовъ 6 фунтовъ и пять малыхъ вѣсомъ въ 25 пудовъ 6 фунтовъ. Кромѣ сего „праздно лежащими“ въ архіерейскомъ домѣ найдено 16 колоколовъ, вѣсомъ 49 пудовъ 28 фунтовъ, да въ загородномъ домѣ четыре колокола въ 8 пудовъ.

По составленіи описи, консисторія разослала въ духовныя правленія и благочиннымъ особыя оповѣщенія, въ которыхъ предлагала, „не пожелаетъ-ли кто къ приходскимъ церквамъ разобрать означенные излишніе колокола за выгодную цѣну“. Но на призывъ консисторіи откликнулись только прихожане с. Рюминскаго, принадлежащаго нынѣ къ Александровскому уѣзду, отъ которыхъ и получено было за отпущенный въ с. Рюминское колоколъ 107 руб. 26 1/4 коп.

Пришлось изыскивать другія средства къ покупкѣ нужнаго колокола. Тогда консисторія вошла къ Преосвященному Ѳеофилакту съ пространнымъ докладомъ, въ которомъ рекомендовала Владыкѣ такой способъ пріобрѣтенія въ архіерейскій домъ большого колокола, при которомъ не требовалось почти никакихъ затратъ.

„Дмитровской Николаевской Пѣсношской монастырь, писала консисторія, до состоянія штатовъ былъ вотчинной, приписной къ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, а по состояніи штатовъ, за неположеніемъ онаго въ штатъ, упраздняемъ былъ въ приходскую церковь, а потомъ, по силѣ особливаго учрежденія, остался на своемъ содержаніи и состоитъ въ пустомъ мѣстѣ [1], а въ немъ имѣется колоколъ свыше двухсотъ пудовъ, въ которомъ монастырѣ и монашествующихъ положено съ начальникомъ семь человѣкъ, отъ коего ма-

---

[1]) Пѣсношскій Николаевскій монастырь, нынѣ заштатный, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, въ 25 верстахъ отъ Дмитрова, на правомъ берегу рѣки Яхромы, основанъ въ 1361 г. ученикомъ Преп. Сергія Меѳодіемъ. Съ 1760 по 1764 г. состоялъ въ вѣдомствѣ Троицкой Лавры; въ 1764 г. обращенъ въ приходскую церковь, но въ 1766 г. снова возстановленъ. (См. В. Звѣринскаго „Преобразованія старыхъ и учрежденіе новыхъ монастырей съ 1764—95 по 1 іюля 1890 г.“ СПБ. 1890, стр. 217—218).

лаго числа и благовѣстить въ такой большой колоколъ доставать можетъ некому да и не для кого. А потому Вашему Преосвященству Переславская духовная консисторія въ разсужденіи перваго архіереопрестольнаго града Переславля и вышеявствующаго къ славословіямъ Божіимъ распорядка [1]), благопочтеннѣйше представляетъ, не повелѣно-ль будетъ означенной изъ Пѣсношскаго монастыря безнужной тамъ быть въ нештатномъ монастырѣ колоколъ перевезть въ катедру къ собору Вашего Преосвященства, а въ тотъ монастырь отсюда отдать на промѣнъ колоколъ во сто тридцать пудъ, а для провозу какъ онаго изъ Пѣсношскаго монастыря, такъ и для взятія отсюда на промѣнъ колокола послать къ строителю іеромонаху Иринею съ братіею указъ, а для коштy въ снятіи и провозу на наемъ людей и подводъ отправить консисторскаго присутствующаго Лукіановой пустыни строителя іеромонаха Филарета, давъ ему изъ вышеписанныхъ денегъ пятьдесятъ три рубля девяносто одну коп. съ четвертью, которыя деньги въ расходъ держать имъ обоимъ строителямъ при перевозкѣ перваго и при взятьѣ на промѣнъ другого съ запискою"...

„Докладъ консисторіи былъ утвержденъ, и строителю Пѣсношскаго монастыря іеромонаху Иринею былъ посланъ соотвѣтствующій указъ.

Но произвести скоро задуманный обмѣнъ колоколовъ оказалось дѣломъ не такъ легкимъ. 17 марта 1777 года отъ строителя Иринея и консисторскаго стряпчаго Андрея Верещагина поданъ былъ въ Переславскую консисторію репортъ, изъ котораго видно, что попытка увезти колоколъ изъ Пѣсношскаго монастыря вызвала сильное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ крестьянъ, не пожелавшихъ отдать изъ своего монастыря большой колоколъ.

„Во исполненіе присланнаго Ея Императорскаго Величества изъ оной консисторіи ко мнѣ строителю указа, а мнѣ Верещагину данной инструкціи во ономъ Николаевскомъ монастырѣ испрошенными изъ Свято-Троицкой лавры канатами большой колоколъ отправленными работниками сего марта 11-го съ колокольни благополучно спущенъ, который и стоитъ на землѣ, понеже еще никто о томъ изъ окольныхъ крестьянъ не зналъ. А 12-го по утру во оной монастырь экономическаго вѣдомства бывшіе того монастыря крестьяне с. Говенова староста Василей Ивановъ да крестьянинъ Самойла Дмитріевъ и съ ними человѣкъ до ста и болѣе оныя монастырскія входныя въ монастырь двери, что къ Пѣсношѣ рѣкѣ, отломали и отъ дверей желѣзныя петли, отобравъ, унесли и, взошедъ въ монастырь, требовали съ большимъ озорническимъ крикомъ отъ меня строителя, по какому указному повелѣ-

---

[1]) Нѣсколько выше въ своемъ докладѣ консисторія, обосновывая необходимость пріобрѣтенія для архіерейскаго дома большого колокола, писала слѣдующее: „Всегда въ городѣ при церквахъ благовѣстъ къ славословіямъ Божіимъ начинается по благовѣсту соборнаго [illegible] колокола, отъ котораго [illegible], а [illegible] годы, [illegible]"...

нію тотъ большой колоколъ въ домъ архіерейской берется; кое видя ихъ старосты со крестьяны озорничество, я строитель съ стряпчимъ присланной указъ, боясь побой, прочелъ, которой, выслушавъ оный староста со крестьяны, объявили, что того колокола вѣрно въ Переславль никакъ изъ монастыря не дадимъ, угрожая побоями, да домогались и тѣхъ бить, кто колоколъ спускалъ. По коему ихъ старосты со крестьяны озорничеству мы, опасаясь у того колокола побоевъ, 13-го къ экономическому казначею подпоручику Хвостову, случившемуся въ селѣ Рогачевѣ, ѣздили и во отпускѣ означеннаго колокола просили о защищеніи отъ помянутаго старосты со крестьяны, по коей нашей просьбѣ оной казначей намъ объявилъ, ежели подводы есть, то везти безъ опасности ни отъ кого отъ крестьянъ препятствія не будетъ. Того жъ 13-го по пріѣздѣ нашемъ отъ показаннаго казначея въ монастырь, помянутой же Гавеновскій староста Василей Ивановъ и Самойла Дмитріевъ и съ Гавеновскими волостными крестьяны, человѣкъ болѣе пятидесяти, пришедъ въ монастырь, кричали съ великимъ ругательствомъ, колокола де не дадимъ и на архіерейской и казначейской приказъ не смотримъ, и продолжали ругательной крикъ свой часа до третьяго ночи, не допуская монастырскихъ заперетъ воротъ; потомъ, вышедъ изъ монастыря, стерегли они чрезъ всю ночь. А сего 14-го числа оные крестьяне, пришедъ къ монастырю съ постороннимъ сотскимъ вотчины маіора Якова Петрова Ртищева деревни Панькова Александромъ Григорьевымъ и съ ними человѣкъ до двадцати и другіе къ Пѣсношѣ рѣкѣ къ рыбачей кельѣ, двери разломавъ, въ монастырь ворвались, а ворвавшись, домогались перековать подрядчиковъ и отвести въ Дмитровскую воеводскую канцелярію, которыхъ мы едва отъ того скрыть могли въ строительской кельѣ, со отказомъ лучше меня строителя куйте, нежели ихъ, съ чѣмъ и вышли изъ монастыря. А вышедъ, оные крестьяне около монастыря стерегутъ денно и нощно неотступно, при томъ и по всѣмъ дорогамъ сторожа отъ нихъ съ подводами, чего и протчихъ вотчинъ крестьяне, также и города Дмитрова жители, опасаясь, колоколъ везти не наймываются. О чемъ Переславской духовной консисторіи по сущей справедливости на разсмотрѣніе покорнѣйше и репортуемъ“.

На докладѣ консисторіи о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ епископъ Ѳеофилактъ написалъ: „Изготовить сообщеніе къ президенту, а въ коллегію доношеніе, въ которомъ, прописавъ всѣ мужиковъ озорничества, требовать удовольствія за обиду, учиненную отъ нихъ какъ собственно мнѣ самому, такъ и моей консисторіи, и чтобы съ ними поступлено было по указамъ, а убытки намъ причиненные возвратили бы доставкой колокола въ катедральный домъ“.

Въ силу приведенной резолюціи Преосвящ. Ѳеофилакта, іеромонахъ Ириней снабженъ былъ деньгами и отправленъ въ Москву для веденія процесса противъ крестьянъ въ государственной коллегіи экономіи.

На судѣ крестьяне не признали себя виновными, а завинили во всемъ строителя Иринея, который будто бы доставленіемъ того колокола самъ

умѣшкалъ и ту остановку слагаетъ на нихъ". Доставить колоколъ въ Переславль они наотрѣзъ отказались, какъ за „вышеобъявленными обстоятельствами" (невиновность), „такъ и за неимѣніемъ къ отвозкѣ онаго колокола, по великости онаго, надежныхъ подводъ".

Государственная коллегія экономія, хотя и сочла это показаніе крестьянъ „сумнительнымъ", тѣмъ не менѣе не нашла возможнымъ возложить на нихъ всѣ издержки, причиненныя архіерейскому дому, какъ писалъ епископъ Ѳеофилактъ, и только накрѣпко подтвердила, „чтобы въ доставкѣ колокола отнюдь никакого препятствія и противностей не чинили и яко въ не подлежащее до ихъ званія дѣло не вступали". Самое же дѣло объ ихъ озорничествѣ велѣно было вновь привести въ лучшее изысканіе, по самой справедливости, казначею Хвостову.

Послѣ этого колоколъ Нѣсношскаго монастыря былъ безпрепятственно перевезенъ въ городъ Переславль и поднятъ на колокольню архіерейскаго дома. Издержки по перевозкѣ принялъ на себя архіерейскій домъ и покрылъ эти издержки изъ суммы, вырученной отъ продажи лишнихъ колоколовъ и „праздно лежащей" мѣди.

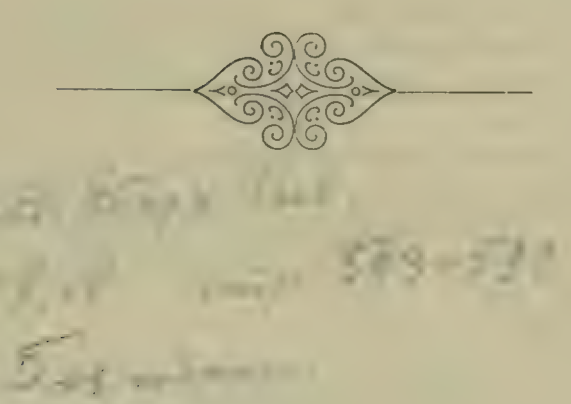
Перевозить другой колоколъ въ обмѣнъ изъ Переславля въ Нѣсношскую обитель, какъ предполагалось раньше, не пришлось. Строитель Ириней съ братіею въ особомъ доношеніи просили уволить ихъ „отъ взятія излишняго колокола".

„Изъ вышеписаннаго монастыря, писали въ декабрѣ 1777 года строитель Нѣсношской обители съ братіею, взятъ большой колоколъ въ Переславскій архіерейскій домъ, а вмѣсто его дается изъ Переславскаго Преображенскаго собора въ оный Нѣсношскій монастырь другой колоколъ. Но какъ въ ономъ монастырѣ колокольня приходитъ въ обветшаніе и надлежитъ напредь оную въ слѣдующее лѣто вычинить, а потомъ къ перевезенію того колокола ни лошадей, ни кошту нѣтъ, да и въ великомъ колоколѣ при тамошнемъ монастырѣ за малолюдствомъ и что сверхъ взятаго есть другіе исправные колокола надобности не имѣется, того ради Переславскую духовную консисторію, симъ благопочтеннѣйше представляя, покорно просимъ отъ взятія излишняго колокола уволить".

Очевидно, архіерейскій домъ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія перевезти колоколъ въ Нѣсношскую обитель на свои средства, а Нѣсношская обитель была такъ бѣдна, что нести расходы по перевозкѣ колокола изъ Переславля оказалось для нея не по силамъ [1])

[1]) Архивъ Переславской дух. консисторіи. 1776 г. Оп. 2, № 73.

Такова исторія самаго большого колокола, который взятъ былъ въ 1789 году изъ упраздненнаго Переславскаго архіерейскаго дома въ Петропавловскій Петербургскій соборъ.

Распоряженія епископа Виктора о присутствованіи священнослужителей на брачныхъ торжествахъ.

Архивъ Владимірскій и Суздальскій сохранилъ намъ много резолюцій и указовъ епископа Виктора, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ церковной жизни. Въ этомъ отношеніи правленіе Владимірскою епархіей епископа Виктора принадлежитъ къ періодамъ нашей мѣстной исторіи наиболѣе благопріятнымъ для историческаго обслѣдованія. Съ опубликованіемъ этихъ указовъ въ печати возможно будетъ установить и правильный взглядъ на характеръ дѣятельности этого нашего іерарха, и, кажется, можно думать, что ближайшее ознакомленіе съ ними нѣсколько измѣнитъ тотъ установившійся, по почину еще К. Тихонравова,[1]) въ нашей мѣстной исторіи взглядъ на епископа Виктора, какъ на человѣка безмѣрно суроваго, строгаго, не терпѣвшаго никакихъ возраженій.

Въ настоящій разъ имѣю въ виду остановиться на одномъ изъ указовъ епископа Виктора, въ которомъ Преосвященный старается упорядочить посѣщенія священнослужителями брачныхъ торжествъ. Указъ датированъ 13-мъ августа 1796 года.

„До свѣдѣнія моего дошло, говорилось въ указѣ, что Суздальской епархіи нѣкоторыхъ городовъ и окружныхъ селъ священники и діаконы приглашаемы бываютъ на браки и прочія пиршества, гдѣ просиживаютъ далѣе полуночи и почти до разсвѣта, а на оныхъ происходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скачки и пляски, на что смотрѣть духовному чину неприлично и отъ того можетъ произойти крайній соблазнъ и похоть плотская, нѣкоторые же священники на утро приступаютъ для совершенія Божественной литургіи, не воображая того, что имъ къ таковому важному дѣлу приступать должно съ чистою совѣстію. Въ Кормчей же книгѣ помѣстнаго собора иже въ Новой Кесаріи правиломъ 7-мъ пресвитерамъ на бракахъ быть запрещено кромѣ одного только благословенія брачившихся, отъ трапезы же отходить и не ясть съ ними. Чего ради всѣмъ священно и церковнослужителямъ чрезъ духовныя правленія и закащиковъ наикрѣпчайше съ подписками подтвердить подъ клятвою, чтобы священники на браки ходили только для благословенія брачившихся и трапезы и болѣе отнюдь на оныхъ не просиживали, а когда куда они и діаконы съ причетники кромѣ сего въ другія мѣста будутъ приглашаемы, однако и тутъ, сохраняя въ непорочности совѣсть свою, наблюдали время и поступали съ должною священному чину осторожностью, отъ хмельнаго же питія и прочихъ соблазнительныхъ поступокъ воздержа-

[1]) См. Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1876 г. № 45—47.

лись, о чемъ развѣдывать и имѣть надъ ними неослабной присмотръ, въ городахъ протопопамъ и благочиннымъ, а въ округахъ закащикамъ, и гдѣ кѣмъ усмотрѣны будутъ, на таковыхъ представлять безъ всякаго укрывательства, подъ опасеніемъ за утайку жесточайшаго штрафованія. Викторъ, Епископъ Суздальскій“ [1]).

Приведенный указъ чувствительно задѣлъ одну изъ сторонъ матеріальнаго обезпеченія священноцерковнослужителей, которую совершенно опустилъ изъ виду Преосв. Викторъ. Онъ лишалъ священнослужителей тѣхъ доброхотныхъ даяній, которыя они получали, присутствуя на брачныхъ торжествахъ. Духовенство города Суздаля, которому, благодаря непосредственному контролю со стороны Владыки, приходилось больше и скорѣе другихъ подвергнуться стѣсненіямъ подъ вліяніемъ новаго указа, первое обратилось къ епископу Виктору съ всепокорною просьбою о смягченіи его распоряженія.

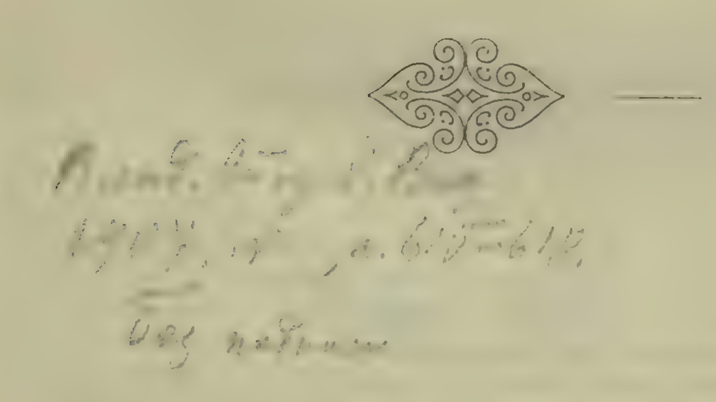
„Сего 1796 года послѣдовавшимъ, по резолюціи Вашего Преосвященства, изъ епархіальной Вашей консисторіи, Ея Императорскаго Величества указомъ, велѣно подъ клятвою обязать во всей епархіи священноцерковнослужителей подпискою, чтобы они во время бракосочетанія въ домы приходскихъ людей, гдѣ какъ будто происходятъ пляски и другія соблазнительныя при духовномъ званіи кощунства, отнюдь не ходили, развѣ для благословенія новобрачныхъ и ихъ трапезы. Но сихъ неустройствъ въ здѣшнемъ городѣ при таковыхъ случаяхъ не примѣчательно. Естли же какимъ либо образомъ оныя и случились быть, то мы запрещеніемъ имени Вашего Преосвященства удобно отвратить можемъ, особливо потому, что сколько къ намъ священникамъ приходскіе люди, то несравненно больше къ Вамъ, всеобщему Архипастырю и Отцу, имѣютъ всѣ здѣшніе обыватели съ повиновеніемъ и благоговѣніе. Въ противномъ же сего случаѣ мы всѣ священно и церковнослужители обязуемся выходить вонъ. А почему быть намъ по прежнему въ домахъ приходскихъ людей на бракахъ, при коихъ мы пользуемся нѣкоторыми выгодами, никакого не остается препятствія, развѣ что вошло въ здѣшнемъ городѣ изъ давнихъ лѣтъ въ обыкновеніе совершать въ нощное время бракосочетаніе, то сіе перемѣнить остается въ Вашемъ Архипастырскомъ благоразсмотрѣніи. Того ради Ваше Преосвященство Милостиваго нашего Отца и Архипастыря симъ нижайше просимъ дозволить ходить намъ въ домы приходскихъ людей на браки попрежнему и о семъ нашемъ прошеніи милостивое учинить Ваше Архипастырское благоразсмотрѣніе“.

Изъ этой просьбы епископъ Викторъ усмотрѣлъ существованіе въ Суздалѣ непохвальнаго обычая, ведущаго свое начало изъ древнихъ временъ, какъ говорили священнослужители, совершать браки въ позднее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ и о томъ матеріальномъ ущербѣ, который нанесенъ духовенству изданнымъ имъ въ августѣ указомъ. Резолюція, которую онъ

[1]) Архивъ Суздальской духовной консисторіи. 1796 г., № 235.

положилъ на прошеніи священнослужителей, направлена была главнымъ образомъ къ ограниченію поздняго вѣнчанія браковъ: посѣщеніе брачныхъ торжествъ разрѣшалось попрежнему, согласно принятой практикѣ, съ напоминаніемъ только священнослужителямъ вести себя въ такихъ случаяхъ чинно, соотвѣтственно высотѣ своего сана.

„Изъ просьбы градскихъ священноцерковнослужителей видно, написалъ Викторъ, что здѣсь вошло издревле обыкновеніе желающихъ вступать въ браки вѣнчать въ ночное время, но сіе обыкновеніе непохвально и противно правиламъ святыхъ отцовъ. На бракахъ же трапезы пріуготовляются, хотя и рано, но званные просиживаютъ за ними до полуночи и болѣе, во отвращеніе чего приходскимъ священникамъ брачившихся вѣнчать въ узаконенные дни не позже по полуночи двѣнадцатаго часа. И поелику тайна, которою желаютъ сопряжены быть, по слову апостола Павла къ Ефесеямъ, велика есть, то брачившимся предварительно очищать совѣсти свои исповѣдію предъ отцомъ духовномъ, и которые изъ нихъ окажутся достойными, тѣхъ допущать и къ пріобщенію святыхъ Таинъ. Священно и церковнослужителямъ по приглашенію прихожанъ въ компаніи ходить позволяется, но съ тѣмъ, чтобы они вели себя честно и благопристойно и излишества въ питіи отнюдь не употребляли подъ опасеніемъ вовсе впредь нехожденія во оныя. А чтобы граждане о семъ знали и ихъ не лишали доброхотнаго подаянія, также когда кому изъ нихъ случится и прежде окончанія трапезъ выходить, на нихъ не сѣтовали, о томъ каждому священнику въ приходѣ своемъ объявить“ [1]).

[1]) Архивъ Суздальской духовной консисторіи. 1796 г., № 294.

Постройка каменной часовни при Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

Въ книгѣ прот. А. Виноградова „Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. городѣ Владимірѣ“ устроеніе каменной соборной часовни при Успенскомъ соборѣ г. Владиміра отнесено ко времени правленія Владимірской епархіей епископа Іеронима, съ 1776 году. „При немъ, пишетъ авторъ изслѣдованія, устроена въ 1776 году теперь существующая каменная соборная часовня“. [1]).

Дата эта взята, вѣроятно, изъ какихъ-нибудь соборныхъ документовъ. Въ цитированномъ сочиненіи прот. А. Виноградова нѣтъ указанія, откуда она заимствована. Но во всякомъ случаѣ она должна быть отнесена не къ построенію нынѣ существующей каменной часовни, а болѣе древней, которая стояла на мѣстѣ нынѣшней. Постройка нынѣшней соборной часовни закончилась въ 1797 году, какъ это можно видѣть изъ одного указа Владимірской духовной консисторіи, посланнаго въ Суздальское духовное правленіе.

„По производящемуся въ сей консисторіи дѣлу, читаемъ въ этомъ указѣ, о неявившихся во Владимірскомъ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ по смерти ключаря іерея Захаріи Петрова церковныхъ тысячи осмидесяти семи рублей пятидесяти трехъ копѣекъ, репортомъ соборный протоіерей съ братіею въ консисторію представили, что недостающее число денегъ кромѣ должныхъ по роспискамъ и безъ росписокъ, исключая взятыхъ монахомъ Гуріемъ пятидесяти рублей, употреблены въ 1795, въ 1796 и 1797 годахъ для строенія новой каменной часовни на матеріалы, оштукатуреніе оной часовни, состоящей при соборѣ у торговаго моста, снаружи и внутри стѣнъ, на покрытіе кровли, позолоченіе главы, сдѣланіе желѣзныхъ дверей, рѣшетокъ, оконницъ и иконостаса и писанія въ немъ образовъ, также и на стѣнахъ, которой часовни все показанное строеніе, повидимому, явствуетъ цѣною болѣе тысячи рублей, на кое строеніе, хотя и употребляемы были умершимъ монахомъ Гуріемъ деньги изъ собираемыхъ имъ въ часовнѣ на соборъ мелочного доходу, но большая часть употребляема была церковной соборной суммы; коей издержкою въ тѣхъ 1795, 1796 и 1797 годахъ въ представленныхъ въ духовную консисторію для освидѣтельствованія книгахъ едва показанными состоятъ, ибо въ то время всѣ тѣ церковные расходы по довѣренности имѣлъ и расходныя деньги содержалъ ключарь священникъ Захарій, изъ коихъ за 1794-й расходной и 1801-й приходной не оты-

[1]) Изд. 3-е. 1905 г., стр. 66.

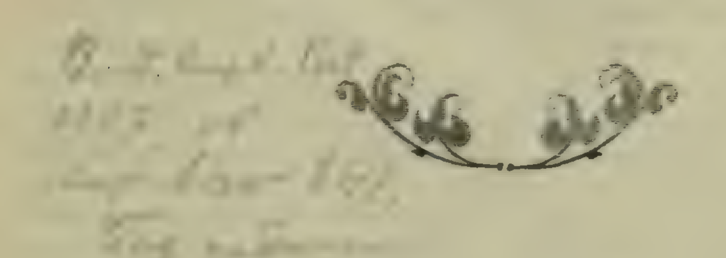
скано, и имъ тѣ употребленныя церковныя деньги можетъ или по забвенію въ церковныя книги не внесены, или потому, что оной монахъ скоропостижно умеръ, не оставя по себѣ никакихъ записокъ по неумѣнію грамотѣ, кромѣ одного въ пятидесяти рубляхъ означеннаго въ реестрѣ содержателями суммы показанія. Почему Владимірская духовная консисторія, вслѣдствіе резолюціи Его Преосвященства Ксенофонта, епископа Владимірскаго и Суздальскаго и Кавалера, приказали: о учиненіи по Суздальскому архиву выправки, не имѣлось ли какихъ дѣлъ о постройкѣ означенной часовни, и о присылкѣ тѣхъ дѣлъ въ консисторію предписать Суздальскому духовному правленію указомъ.—Октября 16-го дня 1805 года".

Итакъ, нынѣшняя соборная часовня строилась въ 1795, 1796 и 1797 годахъ и воздвигнута была на средства, частію собранныя монахомъ Гуріемъ въ прежней часовнѣ, существовавшей, слѣдовательно, и до построенія „новой каменной", а главнымъ образомъ на средства собора.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какими мы располагаемъ по вопросу о построеніи каменной соборной часовни. Суздальское духовное правленіе, къ которому консисторія обратилась съ указомъ, къ сожалѣнію, не могло восполнить тѣ скудныя данныя о постройкѣ Владимірской часовни, какими располагала консисторія.

„Во исполненіи онаго указа, написали изъ Суздаля въ отвѣтъ на указъ консисторіи, въ оставшемся при Суздальскомъ духовномъ правленіи архивѣ справка по описямъ чинима была, по которой о построеніи въ городѣ Владимірѣ при соборѣ каменной часовни дѣлъ никакихъ не оказалось, а въ 1795, 1796 и 1797 годахъ городъ Владиміръ былъ въ повытьѣ повытчика Ивана Бушуева, каковыя дѣла съ 1790-го года взяты имъ во Владиміръ, о чемъ Владимірской духовной консисторіи правленіе благопочтенно и репортуетъ." [1]).

Въ 1891-мъ году, какъ извѣстно, каменная соборная часовня обращена была въ церковь. Въ ней устроенъ престолъ въ честь священномученика Антипы, въ память престола того-же имени, существовавшаго нѣкогда на хорахъ Успенскаго собора и упраздненнаго Преосвященнымъ Іеронимомъ при реставраціи Успенскаго собора, произведенной въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка.

[1]) Суздальскій архивъ. Архивъ Суздальскаго духовнаго правленія. 1805 г., № 97.

Петровское духовное училище.

Реформой 1808 года предполагалось учредить четыре разряда духовно-учебныхъ заведеній, каждое низшее изъ которыхъ должно было стоять въ отношеніи подчиненія къ высшимъ. Самую низшую ступень по проекту имѣли занять, такъ называемыя, приходскія училища, которыя предназначались для распространенія единообразнаго и методическаго образованія въ селахъ и деревняхъ и подготовки учениковъ къ поступленію въ уѣздныя училища. На практикѣ однако приходскія училища не получили раздѣльнаго существованія, а учреждались при уѣздныхъ училищахъ и представляли собою какъ бы низшіе подготовительные классы въ отношеніи къ послѣднимъ.

Во Владимірской епархіи, впрочемъ, была попытка организовать одно изъ такихъ училищъ отдѣльно отъ уѣзднаго, — попытка, вызвавшая къ бытію Петровское приходское училище, существовавшее, къ сожалѣнію, очень короткое время.

Когда послѣ преобразованія Владимірской семинаріи Правленію ея поручено было отъ Комиссіи духовныхъ училищъ указать мѣста, пригодныя для учрежденія низшихъ духовныхъ школъ, Правленіе въ числѣ другихъ назвало село Петровское, Юрьевской округи, гдѣ, по его мнѣнію, можно было устроить одно приходское училище. Правленіе остановило свой выборъ на селѣ Петровскомъ не потому, что послѣднее представляло какія-нибудь особыя удобства для процвѣтанія здѣсь духовной школы, а единственно основываясь на заявленіи князя Михаила Александровича Долгорукаго, имѣвшаго пребываніе въ с. Петровскомъ, который своими благотвореніями обѣщалъ поддерживать жизнь духовнаго питомника, въ случаѣ если только онъ будетъ учрежденъ въ с. Петровскомъ.

10-го сентября 1816 года послѣдовало открытіе Петровскаго училища. Въ семинарскомъ архивѣ хранится докладъ смотрителя Владимірскихъ духовныхъ училищъ іеромонаха Аркадія, присутствовавшаго на этомъ торжествѣ и подробно описавшаго его [1]).

Судя по докладу, открытіе Петровскаго училища состоялось при такой торжественной обстановкѣ, какую только могъ создать князь Долгорукій въ с. Петровскомъ. Литургія въ день открытія училища совершена была Преосвящ. Ксенофонтомъ. Ученики, собравшись въ училищный домъ, въ 9 часовъ утра по два въ рядъ пошли въ церковь и стояли „на приличномъ мѣстѣ" во все время Божественной литургіи. По окончаніи литургіи былъ

[1]) Архивъ Владимірской духовной семинаріи. 1816 г., № 254.

пѣтъ молебенъ въ училищномъ домѣ. При провозглашеніи многолѣтія царствующимъ лицамъ и „благодѣющимъ оному училищу“ палили изъ пушекъ. Затѣмъ послѣдовалъ актъ. На актѣ пѣли духовные стихи, читали оду и разговоръ о благотвореніяхъ. Въ концѣ акта провозглашены были имена благотворителей училища, причемъ многіе изъ присутствующихъ пожелали съ своей стороны оказать денежное содѣйствіе новоустроенному питомнику. Всего было собрано въ этотъ день 532 руб. 60 коп. Больше всѣхъ пожертвовалъ самъ князь Долгорукій, который, кромѣ 300 рублеваго единовременнаго взноса, далъ обѣщаніе ежегодно вносить, пока продлится его жизнь и въ с. Петровскомъ будетъ училище, по 100 руб. Кромѣ того онъ принималъ на свое содержаніе двухъ бѣдныхъ учениковъ. Ежегодные взносы (по 25 руб.) обѣщаны были также княземъ Петромъ Долгорукимъ и княгиней Настасіей Долгорукой. Мѣстные поселяне съ своей стороны собрали 50 руб. и нѣсколько аршинъ холста. Нужныя [illegible] для ученія пожертвованы были епископомъ Владимірскимъ Ксенофонтомъ и митрополитомъ Петербургскимъ Амвросіемъ.

По окончаніи акта, присутствующіе были приглашены княземъ Долгорукимъ на завтракъ. „Щедролюбивая десница строителя, пишетъ смотритель Аркадій въ своемъ докладѣ, приготовила богатые столы и для учениковъ, и для родителей ихъ; симъ послѣднимъ прислуживали первые. Трогательная сцена! Обласканныя [illegible] сердца кипѣли благодарностію къ благодѣтелю“. Вечеромъ училищный домъ былъ иллюминованъ.

Смотрителемъ училища назначили протоіерея с. Петровскаго Алексѣя Гурьева, а учителемъ студента Өеодора Щербовскаго. Число учениковъ на первыхъ порахъ достигло цифры 23.

При такихъ исключительныхъ и торжественныхъ условіяхъ состоялось открытіе Петровскаго духовнаго училища. Всѣ присутствовавшіе были очарованы любезностью князя Долгорукаго, такъ близко принимавшаго къ сердцу интересы духовнаго просвѣщенія.

Попечительность князя Долгорукаго сулила Петровскому училищу безпечальную и обезпеченную будущность. Но послѣдующая исторія не оправдала возлагавшихся надеждъ. Вся эта помпа, съ которой училище начало бытіе, не сообщила его существованію прочности и устойчивости. Да оно и понятно почему.

Петровское училище должно было развивать свою просвѣтительную дѣятельность внѣ близкихъ связей и отношеній съ уѣзднымъ, для которыхъ, по существу дѣла, оно должно было представлять переходную подготовительную ступень. Духовенство же, которое отдавало своихъ дѣтей въ приходскія училища не съ тѣмъ, конечно, чтобы образованіе ихъ и заканчивалось приходскими духовными школами, естественно желало и предпочитало имѣть приходскія училища въ такихъ мѣстахъ, гдѣ этотъ родъ училищъ соединенъ былъ подъ властію одного начальника съ уѣзднымъ. Петровское училище въ силу указанныхъ обстоятельствъ не имѣло прочныхъ основъ

для дальнѣйшаго существованія, и этихъ основъ не могли сообщить ему никакія внѣшнія содѣйствія въ формѣ пожертвованій, благотвореній. Оттого-то дѣла училищныя пошли сразу не вполнѣ хорошо и нормально.

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1816 года смотритель училища жаловался семинарскому Правленію, что нѣкоторые изъ учениковъ, назначенныхъ для поступленія въ Петровское училище, совершенно не явились. Цифра 23, которою опредѣлялся первый комплектъ воспитанниковъ, набранныхъ въ Петровское училище, была, кажется, максимальною для училища за все время его существованія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 года учитель Щербовскій былъ произведенъ въ священника къ Юрьевской Христорождественской церкви; остался одинъ протопопъ Гурьевъ, который правилъ и смотрительскую, и учительскую должность.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года Правленіе семинаріи нашло нужнымъ командировать въ с. Петровское особаго ревизора съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ тѣ неутѣшительные слухи, которые носились объ училищѣ во Владимірѣ. Ревизоромъ назначили того же іеромонаха Аркадія, докладъ котораго объ открытіи училища дышалъ такою восторженностію и вѣрою въ будущность новооснованной школы

Аркадій констатировалъ, что ученіе велось безъ опущеній, за поведеніемъ учениковъ производился исправный присмотръ, приходо-расходныя книги записывались правильно, но что въ училищѣ осталось всего только два ученика.

„Поелику, написалъ на докладѣ объ этомъ семинарскаго Правленія епископъ Ксенофонтъ, для увеличенія въ ономъ училищѣ воспитанниковъ и въ будущее время никакихъ способовъ не предвидится, то на основаніи сихъ обстоятельствъ отнестись, куда слѣдуетъ, о закрытіи онаго" [1]).

Выдвинутъ былъ проектъ объ открытіи духовнаго училища (на этотъ разъ приходскаго и уѣзднаго) въ г. Вязникахъ. Но и этому училищу не суждено было прочно устроиться.

Такъ неудачно закончилась попытка превратить с. Петровское въ образовательный центръ для духовенства Юрьевской округи.

[1]) Архивъ Владимірской духовной семинаріи. 1818 г., № 206.

Указъ епископа Платона о неисправныхъ иконахъ.

Первымъ епископомъ возстановленной въ половинѣ XVIII вѣка Владимірской епархіи былъ Платонъ Петрункевичъ. Хотя по обязанности члена Московской синодальной конторы епископъ Платонъ проживалъ во Владимірѣ мало, но каждое посѣщеніе имъ Владиміра сопровождалось крупными административными распоряженіями, а по временамъ и суровыми взысканіями. Запущенность епархіальной жизни, остававшейся въ теченіи значительнаго періода времени внѣ архипастырскаго надзора, давала для такихъ распоряженій не мало матеріала, а рѣшительный, энергичный и нѣсколько суровый характеръ Владыки сообщалъ имъ довольно рѣзкую форму.

Одно изъ такихъ распоряженій издано было въ началѣ 1755 года послѣ объѣзда епархіи, совершеннаго въ концѣ предшествующаго года. Указъ написанъ нѣсколько тяжелымъ языкомъ, носящимъ замѣтные слѣды вліянія Кіевской риторики.

„1754 года, августа, сентября и октября мѣсяцей посѣщая свою епархію по всеприлѣжному о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о прямо нелестномъ душъ христіанскихъ благочестіи тщанію и всемѣрному рачительству, между прочимъ во многихъ тоя своея паствы мѣстахъ, или паче надъ надежду почти повсюду усмотрѣлъ на святыхъ иконахъ какъ въ церквахъ соборныхъ и приходскихъ, индѣже и монастырскихъ, такъ и въ жительскихъ домѣхъ съ благочестивыми святыя церкве нашея людьми числящихся, не токмо простолюдиновъ, но и у нѣкоторыхъ поповъ, безстудно, паче же сумасбродно по мужичью умничая, двуперстные слоги, индѣ подъ изобрѣтеннымъ на то двоеперстное прикрытіе окладцемъ, индѣ же и явно понаписаны, въ немалую сверхъ многихъ уже солнца яснѣйшихъ слѣпцамъ показаній и обличеній, противо священно-церковныхъ любомудрѣ уставленныхъ законовъ и благочестиво жъ утвержденныхъ и Высочайшихъ имянныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ: Христа Спасителя, Пресвятыя Богоматере, святаго чудотворца Николая и прочихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, невѣгласами и льстящими ради сквернаприбыточескія мамоны иконописцами, показаніе правыя руки благословенія видъ подающее, первымъ согнутымъ великимъ перстомъ да двумя послѣдними мень-

шими изображено, которое безуміе со излишествомъ разумомъ церковнымъ обличенное, невѣжамъ и простолюдинамъ безконечно еще умножаетъ пагубное за упрямность душевредство и противу истины грѣхъ. А понеже Его Преосвященство по предозначенному вѣрнорачительству и то усмотрѣлъ: что и писаніе якобы бы чтущіе и силу того заблужденія удобь разсудить могущіе какъ изъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, не токмо таковаго упорно душевреднаго на иконахъ изображенія слѣпотствующимъ нарядчикамъ и богомазамъ писать не воспрещаютъ, но равно жъ и въ своихъ домѣхъ оное написаніе содержать и въ церквахъ Божіихъ становить свободно по извѣстной оной, какъ выше показано, противности попущаютъ, не инако, повидимому, что Божій и Ея Императорскаго Величества судъ и страхъ пренебрегая, ибо не точію по воплощеніи Сына Божія возсіявшихъ вѣрою и чистодушнымъ добродѣтелей богомудріемъ святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отцевъ съ тѣмъ своимъ (за догматъ вѣры считаемымъ) двуперстіемъ по иконамъ ихъ описываютъ, но что безстуднаго и несытаго злоупрямства есть! и ветхозавѣтныхъ: Мелхиседека и Аарона, подобнѣ же и прочіихъ за колико тысящъ лѣтъ до воплощенія Слова Божія бывшихъ, тѣмъ же своимъ двуперстіемъ невинно пятнаютъ, печатлѣя наконецъ и самое воскресеніе Христа Сына Божія съ таковымъ же (побѣдоноснаго отъ гроба возстанія) двуперстнаго слога показательствомъ: кои различніи предозначенныхъ невѣждъ и другъ другу потачниковъ дерзости ово въ Балахновскомъ, ово въ Юрьевецкомъ, овоже и въ Вязниковскомъ, частію же и въ прочихъ уѣздѣхъ персонально видя, съ многими объясненіями закаменѣлую слѣпоту ихъ обличая, претилъ: таковаго сумасшедшаго безчинія какъ простолюдинамъ не творить, такъ и попамъ не потакать, и доселѣ повсюду такъ по написанному переписать и переисправить всеконечно: однако исполнено ль то самимъ вѣрнымъ дѣйствіемъ, того чрезъ не мало прошедшее по возвращеніи Его Преосвященства съ епархіи время ни почему, ни откуда нимало не видно. Того ради пастырски жалѣя таковыхъ грубомечтательныхъ неистовцевъ, приказалъ во всѣ епархіи своей духовныя правленія послать указы, дабы по полученіи оныхъ повсюду безъизятно, какъ о томъ въ прежнемъ отъ Его Преосвященства обращеніи и возбужденіи, что противъ вышеписаннаго во всемъ показанномъ учинено, тогожъ времени ясно и поимянно безъ всякаго упущенія репортовать, такъ особо и по полученіи сего въ самую остатную совершенность о переисправленіи всего повсюду по предписанному, какъ святыя Божія церкви правила и Ея Императорскаго Величества указы повелѣваютъ окончательное учинить исполненіе всеконечно, не промедливая ни малѣйшаго часа таковую церквѣ Божіей претерпѣвать противность и нахальство, и репортовать потомуже обстоятельно. 1755 года февраля **3-го дня. Платонъ, епископъ Владимірскій.“**

Согласно распоряженію Преосв. Платона, приведенный указъ разосланъ былъ во всѣ духовныя правленія и сообщенъ къ исполненію всѣмъ священнослужителямъ. Но, какъ и другіе указы этого рода, онъ далеко не уничтожилъ того зла, противъ котораго былъ направленъ. Послѣдующимъ Влади-

мірскимъ Архипастырямъ пришлось еще не разъ посылать обличительныя распоряженія по поводу неисправно „съ раскольническими мудрованіями“ писанныхъ неискусныхъ иконъ.[1])

ВЕВ, 190[illegible] N
Стр. 65[illegible]-[illegible], без подписи

[1]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1755 г. Дополнит. оп. № 1.

Соборная церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ монастырѣ.

Лучшимъ трудомъ по исторіи Боголюбова монастыря въ нашей мѣстной литературѣ считается до сихъ поръ книга В. Доброхотова: „Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями“ (М. 1852 г.). Къ сожалѣнію, В. Доброхотовъ при составленіи своего труда не могъ воспользоваться нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя, хотя и относятся къ позднѣйшей исторіи монастыря, но имѣютъ немалую историческую цѣнность, такъ какъ касаются разрушенія старинной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, воздвигнутой княземъ Андреемъ Боголюбскимъ, и постройки на ея мѣстѣ новой, нынѣшней, своимъ архитектурнымъ типомъ совершенно не напоминающей древне Боголюбовскаго храма.

Такія свѣдѣнія даютъ намъ, во первыхъ, архивъ старыхъ дѣлъ Владимірской духовной консисторіи 1750—1756 года и затѣмъ лѣтопись Боголюбова монастыря съ 1158 г. по 1770 годъ, составленная по монастырскимъ актамъ и записямъ настоятелемъ Боголюбовой обители игуменомъ Аристархомъ [1]).

Лѣтопись эта найдена среди рукописей, оставшихся послѣ игумена Аристарха въ Козельской Введенской Оптиной пустыни, которою Аристархъ управлялъ послѣ выбытія изъ Боголюбова монастыря (1770—1775 г.), и издана архимандритомъ Леонидомъ въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ въ книгѣ I-й за 1878 годъ [2]).

Заключая въ себѣ цѣнныя данныя для возстановленія списка настоятелей Боголюбова монастыря, а отчасти и ихъ дѣятельности, упомянутая лѣтопись игумена Аристарха подъ 1722 годомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о древнемъ Боголюбовомъ соборномъ храмѣ и затѣмъ о той злосчастной катастрофѣ, которая положила конецъ его существованію.

Въ виду важности этого мѣста лѣтописи для исторіи Боголюбова монастыря, считаемъ нужнымъ привести его цѣликомъ.

„Въ лѣто 1722-е ноября въ 14 день, по литургіи въ часъ, церковь соборная бѣлокаменная, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, строенная святымъ благовѣрнымъ великимъ княземъ Андреемъ Георгіевичемъ Бого-

---

[1]) Аристархъ былъ игуменомъ Боголюбова монастыря съ 1762 по 1767 годъ. См. списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви П. Строева, стр. 674.

[2]) См. въ концѣ книги, стр. 1—24.

любскимъ въ семъ Боголюбовѣ монастырѣ (увы лютѣйшаго злополучія, и крайне сожалительнаго несчастія), разрушившися сводъ, и нѣкоторая часть стѣнъ, паде ужасно, и отъ зѣльнаго того паденія духа, крестъ святый въ пойму снесе, и въ землю глубоко по самое подножіе водрузи; воздухъ же весь пепеломъ покрыся, и весь монастырь засыпа, на подобіе снѣга, яко и земли не видно было, и отъ громкаго ударенія мнози человѣцы не только бывшіи въ монастырѣ, но и въ келліяхъ на землю падоша, сіе же содѣяся въ началѣ четвертаго часа дне.

Благосклонный читателю, мнѣ мнится, не неприлично здѣ объявити, каковымъ маниромъ оная святая церковь построена была, и како отъ чего падеся, и прошу да не отяготишися симъ, но съ желаніемъ пройди, внимая, како древніи благочестія держатели о томъ тщахуся и, не жалѣя суетнаго богатства, въ томъ упражняхуся. Имать же сказаніе сице: святый олтарь въ длину, кромѣ стѣнъ, внутри три сажени (сажени вси трехъ-аршинныя), въ ширину, кромѣ же стѣнъ, четыри сажени, одинъ аршинъ три четверти. Святая же церковь въ длину четыри сажени, въ ширину четыри жъ сажени одинъ аршинъ три четверти, а въ вышину до кровли семь сажень. Стѣны же святаго олтаря и церкви толщиною полтора аршина, кромѣ лопатокъ. Въ той же церкве бяху четыри столпа, при святомъ олтарѣ два съ лопатками по двѣ сажени и по полтора аршина толстоты четвероугольныя. Во святѣй церкви два жъ столпа круглыя съ преизрядными вверху карнизами и коронами: вокругъ оныхъ столповъ мѣрою двѣ сажени и четыре вершка; въ вышину же вси четыри (столпа) по семи саженъ. У тоя жъ святыя церкви трои двери: одни настоящія вхожія, да двои побочныя, мѣрою всѣ были равныя въ вышину четыри аршина, въ ширину два аршина, затворы у всѣхъ древянныя дубовыя, обиты желѣзными котельными досками съ большими гвоздями. Во святомъ олтарѣ три окна, по древнему обыкновенію, вышины четырехъ аршинъ, а въ ширину точію полъаршина; въ церкви два окошка въ южную, два въ западную и одно въ полунощную стороны, всѣ единыя мѣры, якоже и во святомъ олтарѣ. Въ одномъ церковномъ окошкѣ рѣшетка была желѣзная; полъ, какъ въ святомъ олтарѣ, такъ и въ церквѣ выстланъ изъ бѣлаго камня. При святомъ олтарѣ съ южной стороны придѣлана была ризница, длины кромѣ стѣнъ дву сажень, поперегъ четырехъ аршинъ; входъ въ нее и дверь была изъ олтаря, и отъ паденія церкви разрушилась, и что было въ ней, такожде и въ церкви, то все оное каменіемъ засыпало, точію единъ чудотворный Пресвятыя Богородицы образъ цѣлъ, и мало поврежденъ отъ того зѣльнаго паденія остался. При оной же святой церкви придѣланы были в двѣ стороны паперти, длина оныхъ папертей во обѣихъ странахъ 14 сажень, поперегъ во обѣихъ странахъ, отъ церковной стѣны до папертной, двѣ сажени. Толщина стѣнамъ, какъ ризницѣ, такъ и паперти равная одинъ аршинъ, а вышина стѣнамъ пять аршинъ; полъ какъ въ ризницѣ и въ папертяхъ кирпичной.

Паденіе и разрушеніе сей церкви сталось отъ неосмотрѣнія таковаго: въ ономъ Боголюбовѣ монастырѣ имѣлся игуменъ Ипполитъ (1684—1695).

той восхотѣ, по своему мнѣнію, во оной святой церкви большую свѣтлость видѣти, нача величайшія окны дѣлати; оная же святая церковь состроена бяше каменная, а не кирпичная, и среди стѣнъ кладенъ камень дикой и весьма крѣпкой; и отъ сильнаго пробиванія стѣнъ во окна сводъ порушился, и по малу нача разсѣдатися, и великія являтися скважины; окна же содѣланы быша въ вышину по три аршина, а въ ширину по полтора аршина. По сдѣланіи же оконъ, и хоры бывшія въ церкви разобра. Отъ чего такова великолѣпная и благоустроенная церковь (увы) надеся; въ ней же преизряднѣйшимъ греческимъ иконописаніемъ и стѣны всѣ украшены быша; верхъ же на ней бяше, по древнему обыкновенію, дугами, и по оныхъ дугахъ опаяна покрыта нѣмецкимъ желѣзомъ; для спуску воды, между тѣхъ дугъ, сдѣланы были трубы изъ бѣлаго камене. Глава была одна и опаяна желѣзомъ и позлащена, крестъ желѣзный позлащенъ“.

Такимъ образомъ, знаменитый Боголюбовъ храмъ сдѣлался жертвою архитектурныхъ затѣй одного изъ настоятелей Боголюбова монастыря, обладавшаго скудными свѣдѣніями въ строительномъ дѣлѣ, но, не смотря на то, рѣшившагося на порчу этого драгоцѣннаго памятника старины.

Возстановленіе Боголюбовской соборной церкви произошло лишь въ половинѣ XVIII вѣка, по открытіи уже Владимірской епархіи.

Первый епископъ возстановленной Владимірской епархіи Платонъ (Петрункевичъ) возложилъ попеченіе о постройкѣ новаго соборнаго храма на мѣсто разрушеннаго на игумена Боголюбова монастыря Иннокентія. Но тотъ въ послѣднихъ числахъ августа 1749 г. „на посрамленіе дому Его Преосвященства консисторіи“ тайно бѣжалъ изъ монастыря и укрылся въ Кіевѣ, откуда былъ присланъ подъ карауломъ при указѣ митрополита Кіевскаго Тимоѳея въ 1751 году. Вслѣдствіе побѣга Иннокентія постройка Боголюбовской церкви пріостановилась. Въ наказаніе за укоризненныя слова, коими Иннокентій въ письмѣ, написанномъ въ періодъ скитанія, „отъ злословія своего“ учинилъ поношеніе и досаду Владыкѣ, консисторія приговорила было Иннокентія къ заключенію въ желѣзахъ въ Успенскомъ Бѣлбашскомъ монастырѣ, съ прибавленіемъ за побѣгъ нещаднаго плетьми наказанія. Но Преосвященный Платонъ, имѣя, вѣроятно, въ виду хозяйственныя дарованія Иннокентія, смягчилъ наказаніе и повелѣлъ возвратить снова его въ монастырь, съ тѣмъ однако, чтобы онъ тамъ „неотмѣнное приложилъ стараніе къ возстановленію святой Боголюбовской церкви и потомъ къ надлежащему украшенію ея благолѣпіемъ“ [1]).

---

[1]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1751 г., № 4.—Въ лѣтописи Боголюбова монастыря игумена Аристарха объ этомъ эпизодѣ сообщается такъ: „Въ лѣто 1749-е на мѣсто игуменовъ Боголюбскаго Михаила, Покровскаго Авраамія, посвященъ въ оба оные монастыри Синодальнаго дому Ясинничей іеромонахъ Иннокентій во игумена маія 20 дня, а означенные игумены за неустроеніе монастырей взяты во Владиміръ подъ слѣдствіе, которое было весьма трудное, долгое и [illegible]. Сего жъ лѣта новопроизведенный игуменъ Иннокентій прилежно нача разрушенную Рождества Пресвятыя Богородицы церковь вотчинными того монастыря и Покровскаго крестьяны разбирать каменіе и очищать для строенія мѣсто то, но, не докончавъ оное, августа противъ 28 дня въ нощи тайно отбылъ въ Кіевъ; а на его мѣ-

Приказавъ въ виду этого выдать ему изъ консисторіи храмозданную грамоту на построеніе Боголюбова храма, епископъ Платонъ добавилъ: „А церковь Боголюбовскую строить по рисунку со сводомъ вездѣ каменнымъ для всякой безопасности, точію кровля и главы православныхъ нашихъ святыхъ Божіихъ церквей должны быть по обычаю греческія; чего для донелѣже по плану подъ кровлю строеніе приспѣетъ, примѣтя гдѣ-либо тому сходственное со изобрѣтеніемъ новообычнаго къ томужъ благолѣпія, нарисовать и ко мнѣ представить чрезъ почту для аппробаціи немедля“.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ соборнаго храма іеромонаху Иннокентію поручено было позаботиться и о ремонтѣ всего вообще монастырскаго строенія, которое „отъ времени и безпризорности пришло въ крайнее и всеконечное оскудѣніе“. „Монастырь, по словамъ консисторскаго доклада, весь обветшалъ, въ которомъ же и стѣны провалились; кельи властелинскія были весьма ветхи, а у келій братскихъ и головъ нѣтъ, сверхъ того и колокольня съ колоколами неотмѣнно имѣла упасть“.

Задуманный въ такихъ широкихъ размѣрахъ ремонтъ храма и монастырскихъ построекъ естественно потребовалъ самой активной помощи въ работахъ со стороны крестьянъ Боголюбовскихъ монастырскихъ вотчинъ. Но къ тому времени въ монастырскихъ вотчинахъ вездѣ замѣтно было стремленіе со стороны монастырскихъ крестьянъ всякими путями освободиться отъ прежней зависимости. Вслѣдствіе этого въ половинѣ XVIII вѣка возникло въ монастыряхъ много дѣлъ объ упорномъ непослушаніи крестьянъ и о чиненіи ими всякаго рода правонарушеній [1]). Такъ было и въ Боголюбовомъ монастырѣ [2]).

По словамъ Иннокентія, „на монастырь Боголюбовскій отъ крестьянъ работы и поставки чрезъ лѣтъ, по сказанію, съ 60 не бывало, и тою чрезъ много лѣтъ непоставкою и всегдашнимъ монастырю упрямствомъ чрезъ крайнее непостоянство и непослушаніе они привели монастырь въ всеконечное раззореніе и скудость, и хлѣбъ монастырскій, который во всемъ Владимірскомъ уѣздѣ былъ славенъ, такъ своимъ небреженіемъ свели, что та

сто опредѣленъ для смотрѣнія и управленія во оба же монастыри Волосова монастыря игуменъ [illegible] 1-го числа, который былъ при оныхъ монастыряхъ при управленіи одинъ годъ, пять мѣсяцевъ и 12 дней; въ его бытность церковь святая никакого успѣха въ строеніи не имѣла. Вышереченный игуменъ Иннокентій [illegible] Кіева [illegible] митрополита Тимоѳея Щербацкаго [illegible] въ Переяславскій [illegible] Боголюбовъ и Покровскій монастыри [illegible] 1751 года февраля 16 дня [illegible] церковь. Рождества Пресвятыя Богородицы [illegible] на церкви, упражняшеся въ пріуготовленіи церковной кровли и въ дѣланіи иконостаса“.

1) См. напр. указъ Св. Синода отъ 7-го февраля 1754 года. Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1754 г., № 1.

2) За Боголюбовымъ монастыремъ въ то время числилось мужеска пола 667 [illegible] 24 к., въ канцелярію экономическую [illegible] по 14 десятинъ въ поле и въ двухъ по томуже.

крестьянская пшеница четверть по два рубля и больше, а монастырскій и по 50 коп. не даютъ". Свою противность монастырю крестьяне, по словамъ Иннокентія, заявили уже давно. Въ монастырѣ, продолжаетъ онъ, хранятся двѣ грамоты,—одна отъ 14 февраля 7191 года (1683 г.), другая отъ 18 іюля 7192 года (1684 г.), по которымъ грамотамъ „велѣно вотчинныхъ Боголюбова монастыря крестьянъ, плутовъ и мошенниковъ, за ихъ проступки и противности и за ложное челобитье наказывать, съемъ рубахи, бить батоги вмѣсто кнута, и впредь имъ крестьянамъ не бить челомъ и челобитью ихъ не вѣрить".—Въ 1742 году они, ворвавшись въ монастырь, побили дубьемъ игумена Михаила съ братьею, за каковое ихъ озорничество наказаны были въ то время плетьми же. Въ 1751 году за тѣже противности наказаны тѣмъ же. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ настоятель Боголюбова монастыря Иннокентій, чинить противности и доселѣ не престаютъ, и не только полнаго платежа, начиная съ 1742 года въ монастырь не платятъ, но даже завладѣли монастырскими сѣнными покосами.

Заявляя обо всемъ этомъ въ консисторію, Иннокентій просилъ принять надлежащія мѣры, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ отказывался привести въ исполненіе возложенное на него порученіе о постройкѣ церкви и ремонтѣ монастырскихъ построекъ.

Жалоба настоятеля Боголюбова монастыря Иннокентія съ соотвѣтствующимъ отношеніемъ передана была консисторіей въ Канцелярію синодальнаго экономическаго управленія. Но оказалось, что въ этой Канцеляріи была уже встрѣчная жалоба крестьянъ Боголюбовскихъ на настоятеля Иннокентія, который якобы „чинитъ имъ всякія обиды, кои они никакъ понести не могутъ". По ихъ словамъ, онъ отбиралъ у нихъ силой принасенный на постройку лѣсъ, доски, хлѣбъ въ сѣменахъ, пчелъ, свиней и даже рыбныя мрежи. Въ случаѣ отказа „билъ противящихся ему нагихъ плетьми". „Въѣзжая на жнитво, бранилъ старосту, бабъ и дѣвокъ, якобы нечисто жнутъ, но оставилъ ихъ въ покоѣ, послѣ того какъ староста изъ подъ неволи поднесъ ему 10 рублей. Отъ работъ по постройкѣ Боголюбова монастыря они не отказывались и ослушанія въ томъ не чинили. Работныхъ людей, коихъ онъ требовалъ, всегда давали, токмо онъ признавалъ тѣхъ работныхъ людей негодными, хотя и принималъ тѣхъ людей безъ отрицанія, послѣ того какъ давали ему съ міру денегъ".

Въ результатѣ этихъ жалобъ, поступившихъ съ двухъ сторонъ, было назначеніе формальнаго разслѣдованія съ снятіемъ самаго тщательнаго допроса съ іеромонаха Иннокентія [1]).

По снятіи допроса въ Синодальномъ экономическомъ правленіи было опредѣлено: „Послать въ консисторію указъ и написать, дабы на покупку къ монастырскому строенію матеріаловъ денегъ съ вотчинныхъ того монастыря крестьянъ сверхъ положеннаго оброку не накладывать и не сбирать, а только имъ крестьянамъ велѣть всякое монастырское строеніе и починку исправлять

[1]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1751 г., № 6.

и издѣліе дѣлать, не пріемля отъ нихъ никакихъ отговорокъ. А ежели впредь въ чемъ будутъ въ положенныхъ работахъ чиниться противны и явятся ослушны, о томъ на нихъ съ требованіемъ тому монастырю удовольствія, а тѣмъ крестьянамъ за ослушаніе о учиненіи наказанія, не описываясь въ Канцелярію экономическую, сообщать во Владимірскую провинціальную канцелярію“.

Указъ Синодальнаго экономическаго правленія публично объявленъ былъ крестьянамъ, но они, не расписавшись въ слушаніи его, ушли изъ монастыря. Противности и ослушанія продолжались попрежнему [1]). Возстановленіе Боголюбова храма по необходимости затормозилось.

Въ началѣ 1753 года удаленъ былъ изъ Боголюбова монастыря и Владимірской епархіи и самый настоятель монастыря, которому поручено было возстановленіе храма, Иннокентій. Епископъ Платонъ, проживавшій по обязанности члена Московской синодальной конторы въ Москвѣ, для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ епархіальныхъ дѣлъ учредилъ особую Епархіальную комиссію изъ трехъ членовъ, въ составъ которой вошелъ и Иннокентій. Но комиссія оказалась совершенно бездѣятельной и возлагавшихся на нее Владыкой надеждъ не оправдала. Двоихъ изъ членовъ ея—учителя семинаріи іеромонаха Палладія и іеромонаха Архіерейскаго дома Варлаама еп. Платонъ извинилъ, какъ впервые соприкасавшихся съ судебными церковными дѣлами, но третьяго члена—настоятеля Боголюбова монастыря Иннокентія, который „какъ за многочисленными въ судіяхъ, такъ и подъ судами бытіями таковаго мѣста къ извиненію имѣть не могъ“, Преосвященный Платонъ распорядился выслать вовсе изъ епархіи, а наблюденіе за монастыремъ поручить упомянутому выше іеромонаху Варлааму съ братьею Боголюбова монастыря [2]).

Всѣ приведенныя обстоятельства—ослушанія и противности крестьянъ, смѣна игуменовъ отразились неблагопріятнымъ образомъ на успѣшности стройки Боголюбовскаго храма, и работы по его возведенію были закончены лишь

[1]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1752 г., № 13.

[2]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1752 г., № 14.—Игуменъ Аристархъ въ своей лѣтописи объ этихъ событіяхъ повѣствуетъ такъ: „1753 года генваря 11 числа оный настоятель іеромонахъ Иннокентій не токмо изъ Боголюбова монастыря, но изъ епархіи высланъ въ Синодальную контору, а на мѣсто его опредѣленъ настоятелемъ Архіерейскаго дома іеромонахъ Варлаамъ, и, бывъ немного, низведенъ оттолѣ въ семинарскій Богородицкій монастырь въ крылосное послушаніе, а на мѣсто его опредѣленъ въ настоятели тогожъ Боголюбова монастыря іеромонахъ Симонъ 1754 года февраля 28 дня. При обоихъ оныхъ настоятеляхъ церковь святая участія и успѣха въ достроеніи никакого ни въ чемъ не имѣла. 1754 года іюня 20 дня настоятель іеромонахъ Симонъ отъ начальства отрѣшенъ, а посвященъ во игумена дому Архіерейскаго іеромонахъ Симеонъ, малороссіянинъ, и нача подвизатися о достроеніи святыя церкви, и во своемъ году, по приказанію Платона, Епископа Владимірскаго, сдѣланныя три осмерика кирпичныя сломалъ и вмѣсто нихъ сдѣлалъ деревянныя. 1755 года во оную же святую церковь иконостасъ совершенъ и для его золоченія и написанія святыхъ иконъ собраны были изъ Владиміра Успенскаго собора церковниковъ двое, изъ дому Архіерейскаго двое, изъ Арзамаса дьяконовъ двое, Боголюбовскихъ двое, которое майстерство и совершиша. 1756 года означенная Рождества Богородицы церковь въ подобающую лѣпоту совсѣмъ устроена и освящена самимъ Платономъ, Епископомъ Владимірскимъ, іюнія 18 числа, въ самый праздникъ Боголюбимыя образа Пресвятыя Богородицы“. См. стр. 18.

къ 1756 году. 15-го іюня этого года послѣдовало отъ игумена Боголюбовой обители Симеона нижайшее прошеніе объ освященіи новоустроеннаго храма. Преосв. Платонъ въ резолюціи, положенной на этомъ прошеніи, заявилъ, что освящать храмъ онъ будетъ самъ, и кромѣ того повелѣлъ: „Знатности ради чудотворныя иконы и здателя святого благовѣрнаго государя великаго князя Андрея Боголюбскаго храма онаго и всея Боголюбскія обители быть нынѣ единовременно возстановленія и освященія ради храма онаго крестному отъ собора (идѣже мощи святаго онаго великаго князя Андрея почиваютъ) во обитель его Боголюбовскую (идѣже и кончася мученически) ходу по надлежащему сего іюня 18-го дня поутру обыкновенно заранѣе“.

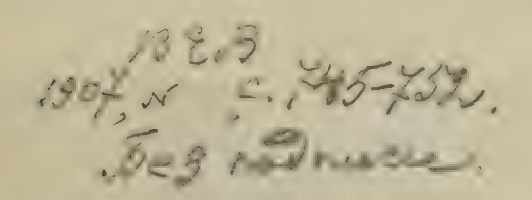
Консисторія, заслушавъ резолюцію еп. Платона, начертала съ своей стороны церемоніалъ крестнаго хода въ Боголюбовъ монастырь. Крестный ходъ этотъ долженъ былъ совершиться самымъ торжественнымъ образомъ.

„Для надлежащей заблаговременной, распорядилась консисторія, объ ономъ крестномъ хожденіи всѣмъ по граду Владиміру священнослужителямъ повѣстки вышеизображенную рукописную Его Преосвященства резолюцію Каѳедральнаго Успенскаго собора ключарямъ объявить съ подпискою, дабы по таковой о нихъ повѣсткѣ сего іюня 18 числа, при которыхъ церквахъ имѣется по два или болѣе священниковъ, изъ оныхъ по единому, по отправленіи въ своихъ церквахъ Божественныхъ раннихъ литургій, собравшись въ Каѳедральный Его Преосвященства Владимірскій Успенскій соборъ, съ половины второго часа, всѣ были въ провожденіи по обычаю церковному съ подобающею церемоніею и надлежащимъ обыкновеннымъ порядкомъ отъ онаго Успенскаго собора пристойнымъ путемъ крестнаго со святыми иконами хожденія до состоящаго при пути Цареконстантинова монастыря; по провожденіи же до онаго монастыря или же домой возвратились или же во оную же Боголюбовскую обитель (каковымъ кому угодно образомъ) прибыли, или же до возвращенія иконы[1]) во ономъ монастырѣ отдохнули и, возвратившуюся икону при ономъ монастырѣ встрѣтя, паки проводить въ городъ къ Каѳедральному собору. А вторые попы, товарищи ихъ, зашедъ заранѣе, дождать у означеннаго при пути стоящаго Цареконстантиновскаго монастыря онаго крестнаго со святыми иконами хожденія, и встрѣтя ходъ благочинно, въ провожденіи были до самыя поминаемыя Боголюбовскія обители во всякомъ благочинномъ порядкѣ непремѣнно. Буде же при коихъ церквахъ имѣется по единому только священнику, а оные еще лѣтами не стары и собою имѣются здравы, таковымъ подобнымъ же образомъ, онаго 18-го числа въ первомъ часу, отправя Божественныя раннія литургіи, можно проводить оное крестное хожденіе и безъ перемѣны до самыя Боголюбовскія обители. А при которыхъ церквахъ, хотя по нуждѣ по единому

[1]) Разумѣется образъ Владимірской Божіей Матери, находящійся во Владимірскомъ Каѳедральномъ соборѣ. Боголюбская икона Божіей Матери въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія еще не приносилась въ маѣ мѣсяцѣ во Владиміръ. Ежегодное перенесеніе Боголюбивой иконы изъ Боголюбова во Владиміръ на одинъ мѣсяцъ установлено въ 1771 г.

священнику и имѣется, точію оные какъ лѣтами уже стары, такъ и собою весьма слабы, таковымъ по отвѣтіи раннихъ литургій, быть въ провожденіи онаго хожденія точію въ единомъ градѣ, а въ прочемъ оставить на ихъ волѣ. При томъ же и въ часто упоминаемомъ при пути состоящемъ Царе-константиновѣ монастырѣ имѣющимся іеромонахомъ съ братіею повѣстить же, чтобы имъ оное крестное хожденіе противъ своего монастыря купно съ прочими имѣющими тамо быть священницы съ подобающею по церковному обыкновенію честію встрѣтить и проводить священнослужителямъ до оныя жъ Боголюбовскія обители. По возвращеніи же изъ поминаемой обители крестнаго со святыми иконами хожденія, всѣмъ священнослужителямъ, расчисля паки по тому жъ вышепоказанному распредѣленію, гдѣ кому прилучиться идти, въ провожденіи онаго крестнаго хожденія до самаго жъ паки Успенскаго собора по чину и обычаю церковному быть всѣмъ неупускно". [1]).

Въ 1757 году приступили къ возстановленію другого храма, находившагося на святыхъ воротахъ, съ честь св. апостола Андрея Первозваннаго. 20 января 1758 года онъ былъ освященъ игуменомъ Боголюбова монастыря Симеономъ. Возобновленіе и устройство этой церкви, за скудостью монастырскихъ средствъ, совершилось въ счетъ доброхотныхъ даяній, на сборъ которыхъ выдана была особая книга [2]). Въ 1788 году деревянная монастырская ограда замѣнена была каменной. Перестроена была вновь и церковь Андрея Первозваннаго [3]).

[1]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1756 г. № 28.

[2]) Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1756 г. № 34.

[3]) Суздальскій архивъ. Архивъ Владимірской духовной консисторіи. 1788 г., № 40.

Оглавленіе.

Стр.

Дѣло о церковномъ чествованіи князя Θеодора Стародубскаго въ селѣ Алексинѣ . . . . 3— 13

Церковныя, монастырскія и благочинническія печати во Владимірской епархіи . . . . 14— 16

Церковь Іоакима и Анны при Успенскомъ Каθедральномъ соборѣ . . . . 17— 18

Гробницы князей Святослава Всеволодовича и его сына Димитрія въ г. Юрьевѣ-Польскомъ . . . . 19— 26

Церковь въ с. Смоленскомъ, Переславскаго уѣзда . . . . 27— 30

Чествованіе въ храмѣ иконъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ . . . . 31— 32

Уничтоженіе письменныхъ памятниковъ старины . . . . . . 33— 37

Оловянные сосуды въ церквахъ Владимірской епархіи . . . 38— 40

Распоряженія епископа Іеронима, касающіяся отправленія богослуженій во Владимірской епархіи . . . . 41— 51

Къ исторіи Владимірской дух. семинаріи при епископѣ Павлѣ. 52— 54

Встрѣча Императрицы Екатерины II во Владимірской епархіи. 55— 57

Общія трапезы въ монастыряхъ Переславской епархіи . . . 58— 69

Иконы великомученицы Варвары въ с. Купани, Переславскаго уѣзда. 70— 74

Къ исторіи Владимірскаго духовнаго училища въ первые годы его существованія (1790—1800 годъ). . . . . 75— 86

Завѣщаніе епископа Владимірскаго Павла . . . . 87— 88

Погребеніе инспектора Владимірской духовной семинаріи архимандрита Іосифа въ 1817 году . . . . 89—104

Вѣдомость о мощахъ святыхъ, почивающихъ въ г. Переславлѣ, составленная въ 1745 году . . . . 105—112

Къ біографіи графа М. М. Сперанскаго . . . . 113—115

Мѣры монастырскихъ дисциплинарныхъ взысканій въ XVIII вѣкѣ . . . . 116—118

Проповѣдничество въ дореформенной семинаріи . . . . . . 119—121

Смоленская икона Божіей Матери во Владимірскомъ Каѳедральномъ соборѣ . . . . 122—128
Перевозка Переславскихъ колоколовъ въ Петербургскій Петропавловскій соборъ . . . . 129—136
Распоряженіе епископа Виктора о присутствованіи священнослужителей на брачныхъ торжествахъ . . . . 137—139
Постройка каменной часовни при Владимірскомъ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ . . . . 140—141
Петровское духовное училище . . . . 142—144
Указъ епископа Платона о неисправныхъ иконахъ . . . . 145—147
Соборная церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ монастырѣ . . . . 148—155

